

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

С О В Е Т Б Е З О П А С Н О С Т И

**Официальные Отчеты
Особое Дополнение № 4
ВТОРОЙ ГОД**

**ДОКЛАД
Консультской
комиссии
в Батавии
Совету Безопасности**

**Лейк Соксес, Нью Йорк
1947 год**

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Батавия,
14 октября 1947 года

Во исполнение резолюции Совета Безопасности от 25 августа 1947 года [S/525 I], мы, нижеподписавшиеся штатные генеральные консулы в Батавии тех государств, которые представлены в Совете Безопасности, образовали 1 сентября 1947 года комиссию на предмет представления доклада о соблюдении на Яве и Суматре приказа о прекращении огня, а также об условиях, существующих в районах под военной оккупацией или из которых вооруженные силы, ныне их занимающие, могут быть выведены по соглашению сторон.

При сем имеем честь представить наш доклад.

Мы считаем своим долгом отметить отличную работу, которую выполнили наш секретарь г-н Гленн Аббей и заведующий отделом печати г-н Колин Мак-Ларен. Ввиду того что мы не располагали специальным канцелярским персоналом, мы хотим выразить нашу особую благодарность стенографисткам и переписчикам, состоявшим при генеральных консульствах, которые выполнили всю канцелярскую работу Комиссии в дополнение к своей собственной.

Аэропланы для надобностей Комиссии были любезно предоставлены правительствами Австралии, Китая, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки.

Мы сожалеем, что из-за затруднений с переводами в Батавии мы не можем представить этот доклад и на французском языке, кроме английского.

Чарльз Итон, генеральный консул Австралии;
Поль Вандерстихелен, генеральный консул Бельгии;
Цзя-тун Цзян, генеральный консул Китая;
Этьен Ро, генеральный консул Франции;
Франсис М. Шеперд, генеральный консул Соединенного Королевства;
Вальтер А. Фут, генеральный консул Соединенных Штатов Америки.

Документ S/586/Rev. 1
14 апреля 1950 года

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.		Стр.	
ГЛАВА I				
Введение	1	Г. Пропаганда.	6	
		Н. Возможность соблюдения приказа о прекращении огня	6	
Определение приказа о прекращении огня				
ГЛАВА II		ГЛАВА III		
А. Общие сведения	2	Раздел А		
В. Толкование понятия «прекращение огня» республиканцами	3	1. Общее состояние населения		
С. Толкование понятия «прекращение огня» Нидерландами	3	а) На территории, занимаемой республиканцами		7
Д. Линия ван-Моока	4	б) На территории, оккупированной Нидерландами		7
Е. Обвинения в определенных нарушениях приказа о прекращении огня		2. Страдания, причиненные войной		
1. Индонезийские обвинения против Нидерландов	5	а) На территории, занимаемой республиканцами		8
а) Нидерландская разведка	5	б) На территории, оккупированной Нидерландами		8
б) Набеги на районы, находящиеся во власти республиканцев	5	3. Положение иностранцев		
с) Планомерные наступления	5	а) На территории, занимаемой республиканцами		8
д) Морская блокада	5	б) На территории, оккупированной Нидерландами		8
е) Зверства	5	Раздел В		
ф) Поджоги и грабежи	5	Экономические условия населения в различных районах		9
2. Нидерландские обвинения против индонезийцев		а) На территории, занимаемой республиканцами		9
а) Нападения на нидерландские посты	5	б) На территории, оккупированной Нидерландами		9
б) Терроризирование сельских жителей.	6	Раздел С		
с) Зверства	6	1. Гражданская администрация, увольнения, изменения политики, нежелание сотрудничать и проч.		9
д) Минирование дорог и саботаж	6	2. Политика сожженной земли, ее планирование и проведение в жизнь		10
е) Принудительное выселение жителей и похищение людей	6	ГЛАВА IV		
ф) Обстрел судов	6	Резюме		10
Ф. Организация войск				
1. Нидерландские войска	6			
2. Индонезийские войска	6			

ПРИЛОЖЕНИЯ

	Стр.
I. Доклад о посещении Джокьякарты и района Восточной Явы генеральным консулом Австралии г-ном Ч. Итоном и генеральным консулом Франции г-ном Э. Ро.	13
II. Доклад о посещении Восточной Явы генеральным консулом Австралии г-ном Ч. Итоном и заместителем генерального консула Соединенного Королевства г-ном Е. Т. Ламбертом	16
III. Доклад генерального консула Китая г-на Цзя-тун Цзян и генерального консула Бельгии г-на П. Вандерстихелена о их поездке в Буйтензорг, Тыбадак, Сукабуми и Тасикмалайю	20
IV. Посещение Джокьякарты генеральным консулом Соединенного Королевства г-ном Ф. М. Шепердом и генеральным консулом Соединенных Штатов г-ном Ч. А. Ливенгудом	23
V. Доклад генерального консула Франции г-на Э. Ро, генерального консула Австралии г-на Ч. Итона и заместителя генерального консула Соединенного Королевства г-на Е. Т. Ламберта о поездке на Суматру с 16 по 21 сентября 1947 года	24
VI. Доклад о посещении Бандунга генеральным консулом Соединенных Штатов г-ном В. А. Футом, в сопровождении майора Дж. Макина корпуса морской пехоты Соединенных Штатов	31
VII. Доклад о конференции, состоявшейся 26 сентября 1947 г. в Джокьякарте между Консульской комиссией под председательством генерального консула Франции г-на Э. Ро с помощниками — генеральным консулом Бельгии г-ном П. Вандерстихеленом, генеральным консулом Австралии г-ном Ч. Итоном, генеральным консулом Соединенного Королевства г-ном Ф. М. Шепердом, генеральным консулом Соединенных Штатов г-ном Ч. А. Ливенгудом и заместителем генерального консула Соединенного Королевства г-ном Е. Т. Ламбертом — с одной стороны — и индонезийской делегацией, возглавленной премьер-министром и министром обороны г-ном Шарифуддином с помощниками — вице-премьер-министром г-ном Сетиадьитом и начальниками штабов республиканской армии — с другой стороны	33
VIII. Доклад о конференции, состоявшейся 29 сентября 1947 года в Батавии между представителями правительства Нидерландской Ост-Индии и Консульской комиссией	41
IX. Декларация от 29 августа 1947 года заместителя генерал-губернатора Нидерландской Ост-Индии	60
X. Официальное заявление Индонезийской Республики от 2 сентября 1947 года	61
XI. Карта Явы	
XII. Карта Суматры	

} *вне текста в конце.*

ДОКЛАД КОНСУЛЬСКОЙ КОМИССИИ В БАТАВИИ

[Документ S/586]

22 октября 1947 года

Подлинный текст на английском языке

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

Принимая во внимание, что 25 августа 1947 года Совет Безопасности в своей резолюции [S/525 I] по индонезийскому вопросу предложил

«... правительствам тех государств-членов Совета, которые имеют штатных консульских представителей в Батавии, поручить им совместно подготовить для осведомления и руководства Совета Безопасности доклады о ситуации в Индонезийской Республике со времени принятия резолюции от 1 августа 1947 года, причем этими докладами должны охватываться сведения о соблюдении приказа о прекращении огня, а также об условиях, существующих в районах под военной оккупацией или из которых вооруженные силы, ныне их занимающие, могут быть выведены по соглашению сторон»,

и следуя указаниям наших правительств, мы — Чарльз Итон, генеральный консул Австралии, П. Вандерстихелен, генеральный консул Бельгии, Цзя-тун Цзян, генеральный консул Китая, Этьен Ро, генеральный консул Франции, Франсис М. Шеперд, генеральный консул Соединенного Королевства, и Вальтер А. Фут, генеральный консул Соединенных Штатов Америки, составили Консульскую комиссию Совета Безопасности для проведения в жизнь резолюций Совета. Чарльз Ливенгуд, генеральный консул Соединенных Штатов, и Т. Ламберт, заместитель генерального консула Соединенного Королевства, участвовали в работе Комиссии.

На первом заседании было единогласно решено просить каждую из представленных держав предоставить в распоряжение Комиссии офицеров для наблюдения за всякими возможными нарушениями приказа о прекращении огня, для расследования, где это возможно, обвинений в нарушении приказа о прекращении огня и для собирания всяких других данных, которые могли бы быть ценными для Комиссии и Совета Безопасности. Во исполнение этой просьбы к Комиссии было прикомандировано следующее число наблюдателей: 4 от Австралии, 2 от Бельгии, 4 от Китая, 3 от Франции, 4 от Соединенного Королевства и 8 от Соединенных Штатов. Кроме того, находящийся в Батавии британский офицер для связи и офицер флота Соединенных Штатов были также прикомандированы к Комиссии; г-н Гленн А. Аббей, штатный консул Соединенных Штатов, был назначен секретарем, а г-н К. Ф. Мак-Ларен, ведающий отделом информации генерального консульства Соединенного Королевства, — заведующим отделом печати.

За период с 3 по 27 сентября включительно члены Консульской комиссии посетили следующие районы нидерландской и республиканской территорий:

Джокьякарта (3-7 сентября)

Члены Комиссии: генеральный консул Ч. Итон, генеральный консул Э. Ро.

Доклад: Приложение I.

Восточная Ява (9-13 сентября)

Члены Комиссии: генеральный консул Ч. Итон, заместитель генерального консула Т. Ламберт.

Доклад: Приложение II.

Районы Тасикмалайи и Сукабуми (10-14 сентября)

Члены Комиссии: генеральный консул Ц. Цзян, генеральный консул П. Вандерстихелен.

Доклад: Приложение III.

Джокьякарта (17-19 сентября)

Члены Комиссии: генеральный консул Ф. Шеперд, генеральный консул Ч. Ливенгуд.

Доклад: Приложение IV.

Суматра (16-21 сентября)

Члены Комиссии: генеральный консул Ч. Итон, генеральный консул Э. Ро, заместитель генерального консула Т. Ламберт.

Доклад: Приложение V.

Бандунг (26-27 сентября)

Члены Комиссии: генеральный консул В. Фут.

Доклад: Приложение VI.

Джокьякарта (26-27 сентября)

Члены Комиссии: Все члены Комиссии, за исключением генерального консула Ц. Цзяна и генерального консула В. Фута.

Доклад: Приложение VII.

Члены Комиссии посетили 26-27 сентября Джокьякарту, чтобы ознакомиться с точкой зрения премьер-министра и кабинета Республики. 29 сентября Комиссия ознакомилась с точкой зрения представителей властей Нидерландской Ост-Индии по указанию заместителя генерал-губернатора (Приложение VIII).

Военные наблюдатели Австралии, Бельгии, Китая, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции объехали, в целях инспекции, все главные районы Явы и Суматры.

Комиссии, при выполнении ее задачи, было оказано всяческое внимание и содействие как нидерландскими, так и республиканскими властями.

Глава II

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИКАЗА О ПРЕКРАЩЕНИИ ОГНЯ

А. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Приступая к своей работе, Комиссия должна была прежде всего определить понятие «прекращение огня», так как от этого зависел вопрос, соблюдался ли, или нет, приказ о прекращении огня.

В рекомендации Совета Безопасности от 1 августа 1947 г. [S/459] сторонам предлагалось:

а) немедленно прекратить военные действия и

б) разрешить свой спор путем арбитража или другими мирными средствами...».

В своей резолюции от 25 августа 1947 г. [S/525 I] Совет Безопасности «...предлагает правительствам тех государств-членов Совета, которые имеют штатных консульских представителей в Батавии, поручить им совместно подготовить... доклады, охватывающие сведения о соблюдении приказа о прекращении огня...».

Комиссии известно, что с военной точки зрения есть разница между приказом о «прекращении огня» и приказом о «прекращении военных действий». Комиссия знает, что «прекращение огня» относится только к прекращению наступления войск и прекращению фактического обстрела, в то время как «прекращение военных действий» означает, как известно, прекращение всех военных операций, включая применение всех видов оружия, морскую блокаду, воздушную разведку, враждебную пропаганду и продвижение войск на территорию, занятую противной стороной. «Прекращение военных действий» имеет таким образом гораздо более широкое значение, чем «прекращение огня».

За исключением особо указанных случаев, выражение «прекращение огня» применяется в этом докладе лишь ради удобства.

Уместно отметить, что заместитель генерал-губернатора г-н ван-Моок сделал 3 августа 1947 года следующее заявление по радио:

«При настоящих условиях правительство может лишь заявить, что прекращение военных действий, по его мнению, должно охватывать прекращение разрушений, актов насилия против отдельных лиц и групп населения на территории Республики и враждебной пропаганды, которая за последнее время подстрекала даже к массовым убийствам».

В пункте 6 сообщения вице-премьер-министра Республики Совету Безопасности от 5 августа 1947 года содержалось следующее заявление¹:

¹ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, второй год, № 72, стр. 1841 англ. текста, подстрочное примечание 1.

«Правительство Индонезийской Республики желает подчеркнуть существенную необходимость того, чтобы в своем приказе о прекращении огня Нидерланды имели в виду прекращение всех мер, направленных военными и гражданскими властями против населения Индонезии».

Но фактически ни одна из сторон не верила, что приказ будет выполнен другой стороной. В приказе о прекращении огня, отданном высшим командованием правительства Нидерландской Индии, содержалось следующее заявление: «Нельзя ожидать, чтобы Джокьякарта выполнила выработанные условия о прекращении военных действий, пропаганды, разрушений, подстрекательства населения и войск и отдельных воюющих организаций».

Республиканское правительство, со своей стороны, в пункте 5 сообщения, отправленного Совету Безопасности вице-премьер-министром, заявило:

«Правительство Индонезийской Республики, помня приобретенный им за последние два года опыт, желает выразить свое серьезное беспокойство по поводу того, что если приказ о прекращении огня будет выполняться без полного и постоянного наблюдения нейтральной третьей стороны, то не будет никакой гарантии того, что нидерландские войска не начнут этот приказ нарушать».

Таким образом, ни та ни другая сторона не верили, к сожалению, в то, что приказ будет должным образом выполняться.

Обе стороны признают, что обычно приказ о прекращении огня сопровождается установлением между сторонами контакта для выработки подробностей удовлетворительного соблюдения приказа. Ни той, ни другой стороной попытки установить контакт сделано не было, главным образом, а может быть и исключительно, из-за недоверия друг к другу.

Общая военная обстановка, сложившаяся в результате предпринятых 20 июля нидерландскими войсками мер полицейского характера, уже описана в следующих выражениях в предварительном докладе Комиссии от 22 сентября (205-е заседание).

«2. Наступление нидерландских войск в период между 20 июля и 4 августа имело характер движения отдельных головных отрядов, причем кое-где произошли боевые столкновения. Хотя главные силы республиканских войск на большинстве участков и отступили, значительные группировки республиканских войск задержались в некоторых районах между нидерландскими головными отрядами, а партизаны остались по-

всюду. Усилилась индонезийская политика сплошного опустошения, участились грабежи и беспорядки и значительно возросли человеческие жертвы, особенно среди китайцев, на территории между головными отрядами и позади них, при наступлении нидерландских войск и после их прохождения».

В этой-то обстановке и должен был сыграть свою роль приказ о прекращении огня.

В. ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ» РЕСПУБЛИКАНЦАМИ

Приказ президента Республики, отданный по радио 4 августа, гласит:

«Приказываю... всем вооруженным силам Индонезийской Республики и населению, борющемуся на нашей стороне, оставаться на занимаемых ими в настоящее время позициях и прекратить все военные действия».

Хотя этот приказ и можно считать по существу окончательным, мы констатировали, что штаб республиканской армии не потрудился отдать точные и подробные распоряжения всем чинам республиканской армии, почему оказалось, что понятие «прекращение огня» получило несколько неодинаковое толкование в зависимости от того или иного начальствующего лица.

Вот в общем, как понимает этот приказ республиканская сторона:

а) Не стреляй, если по тебе не стреляют, и не предпринимай никаких наступательных действий.

б) Закрепляй свою оборону.

с) Продолжай освещать дозорами наиболее выдвинутые обороняемые пункты для целей разведки.

д) Решительно отбивай все атаки голландцев.

В то же время в двух, по крайней мере, дивизиях допускается производство изматывающих атак на сосредоточения нидерландских войск, предположительно готовых к наступлению. Командиры этих дивизий считают это оправдываемыми мерами предосторожности. Высылка разведывательных дозоров на нидерландскую территорию тоже считается дозволенной.

Из-за запоздания резолюции Совета Безопасности, радиосообщение президента Сукарно в полночь с 4 на 5 августа 1947 г. явилось фактически приказом о прекращении военных действий, отданным им как верховным главнокомандующим республиканскими вооруженными силами.

Первым официальным распоряжением, переданным по команде, было пояснительное сообщение, отправленное главнокомандующим 5 августа 1947 г. в 15 ч. 25 м. по местному времени командующим всеми военными округами, в том числе командующему войсками на Суматре, с указанием, что, хотя всякие наступательные действия должны быть прекращены, активная оборона должна продолжаться. Сообщение было послано по радио и телефону и, повидимому, получением его было надлежаще подтверждено получателями, в свою очередь передавшими его дальше вплоть до отдельных частей. В отдельных ча-

стях военные наблюдатели донесли, что часовым на передовых постах полностью известны распоряжения о запрещении наступательных действий и что даны письменные приказания начальникам дозоров, определенно запрещающие применять оружие, за исключением случаев самообороны. Хотя отданный штабом армии приказ о прекращении военных действий был несомненно получен в центральной Яве и в районах, где действует связь и возможен контроль, мало вероятно, чтобы что-либо, кроме переданной по радио речи президента, дошло до партизанских банд, находящихся в пределах подвластных Нидерландам районов, и республиканских войск, отрезанных голландским наступлением.

С. ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ» НИДЕРЛАНДАМИ

Приказ Нидерландов о «прекращении огня» содержал следующие фразы:

«Нидерландское правительство, под настоящим влиянием резолюции Совета Безопасности, приказало прекратить военные действия возможно скорее. Поэтому 4 августа — повторяю 4 августа — в 24 часа должны быть прекращены все военные операции, причем должно быть ясно, что это означает операции, имеющие целью захват новой — повторяю, новой — территории. Для защиты населения, наших войск и объектов, находящихся в пределах — повторяю, в пределах — занятой ныне территории операции будут продолжаться без перерыва. Административно-географическое описание территории, ныне занимаемой нидерландскими силами, будет издано в самом скором времени. Никакие — повторяю, никакие — военные действия вне пределов ныне занятых территорий и объектов не разрешаются».

Из сделанных в Комиссии официальных заявлений вытекает, что в своем толковании приказа о прекращении огня нидерландская армия основывается на том, что можно господствовать в известном районе и управлять им, не обязательно занимая его целиком.

Когда был получен приказ о прекращении военных действий, все стратегические пункты, на которые в первую очередь распространялись полицейские меры, были уже заняты. Поэтому главнокомандующий донес заместителю генерал-губернатора, что район, в котором расположены эти стратегические пункты, находится в его руках.

Таким образом, с точки зрения нидерландской армии, нахождение или передвижение республиканских сил в этом районе является нарушением приказа о прекращении огня и голландские войска имеют право принять все меры, чтобы рассеять, захватить в плен или уничтожить эти войска. Хотя голландцы прекрасно понимали, что в своем чрезвычайно быстром движении вперед они пользовались главными дорогами и обходили много республиканских отрядов, оставшихся на своих первоначальных позициях, они не считали, что это ограничивает их власть над всем районом. В силу этого они находили, что республиканцы, оставаясь на своих позициях, патрулируя вблизи последних и пытаясь снаб-

жать свои части, нарушали условия приказа о прекращении огня.

Приказ Нидерландов о прекращении огня был принят всеми войсковыми частями и отрядами до 23 ч. 59 мин. 4 августа. Голландские войска действуют вообще небольшими отрядами, расположенными так, чтобы успокоительно действовать на население, охранять его имущество и обеспечивать связь.

Во всем районе ведется патрулирование и производится ликвидация остатков сопротивления для прикрытия коммуникационных линий и рассеивания или взятия в плен всяких скоплений противника. Одной из главных задач является лежащая на инженерных войсках постоянная работа по уборке мин и восстановлению разрушений. Проведение более крупных войсковых соединений затрудняется разрушением мостов, но их быстро восстанавливают.

В большинстве районов армия производит набор и подготовку значительных гражданских полицейских сил. Их подвергают тщательному отбору и им дают трехнедельную первоначальную подготовку. Затем их вооружают винтовками и они работают под начальством голландских офицеров и унтер-офицеров. Они постепенно заменяют чинов армии в повседневной дозорной службе и несут ее, повидимому, вполне удовлетворительно.

Там, где возможно, голландцы пытаются способствовать формированию «национальной гвардии» для охраны фабрик и имений. Создан особый контингент китайцев для защиты китайских общин и имущества. Таким образом, освободится еще больше войск.

Д. ЛИНИЯ ван-МООКА

Декларация заместителя генерал-губернатора от 29 августа содержит следующие пункты (Приложение IX).

«Согласно принципам, на которых основывались полицейские операции, правительство Нидерландской Индии рассчитывало на то, чтобы различные республиканские должностные лица и официальные организации продолжали свою работу на этой территории под общей ответственностью названного правительства.

Но ввиду того что теперешнее республиканское правительство в Джокьякарте настаивает на запрещении, под различными угрозами, своим должностным лицам выполнять эту работу и к тому же открыто и другими способами подстрекает их продолжать акты насилия, даже после того, как нидерландское правительство решило прекратить военные действия, правительство Нидерландской Индии объявляет,

а) что никакая власть нынешнего правительства Индонезийской Республики не может более признаваться на вышеуказанных территориях;

б) что, следовательно, жители этих территорий освобождаются от обязанности повиноваться указанному правительству и что всем запрещается выполнять распоряжения этого правительства».

Этому предшествовало сообщение, касавшееся границ территорий на Яве и на Суматре, за которые правительство Нидерландской Ост-Индии, по собственному признанию, приняло на себя 4 августа непосредственную ответственность. Границы этих территорий известны как линия ван-Моока.

Республиканское правительство ответило 1 сентября заявлением, в котором содержится нижеследующая выдержка (Приложение X):

«Республиканское правительство категорически заявляет, что утверждение голландцев, что их войска окончательно и полностью оккупировали некоторые районы *de facto* республиканской территории, совершенно расходится с истиной и умышленно создает неправильное впечатление относительно масштаба и характера голландского проникновения в упомянутые районы Явы, Суматры и Мадур. Республиканское правительство утверждает, что до настоящего момента голландским войскам удалось занять только некоторое число городов и связывающих их главных дорог, а также несколько отдельных населенных пунктов. Если и может быть речь о гражданской и военной власти, то это относится только к вышеупомянутым городам и пунктам вдоль коммуникационных линий, находящихся в руках голландцев. Районы, лежащие вне и за пределами этих городов и коммуникационных линий, никоим образом не находятся под властью Нидерландов, а фактически под полным контролем установленной республиканским правительством администрации, которую население этих районов признает как единственное законное правительство...

Исходя из вышеизложенного, республиканское правительство категорически заявляет, что оно не может принять и не примет одностороннего толкования голландцами этих так называемых «оккупированных районов» и «демаркационных линий...».

Следует отметить, что район, ограниченный линией ван-Моока, фактически простирался во многих округах за линией передовых постов, достигнутой 4 августа, в целях распространения административного, экономического и стратегического контроля на эти округа. Республиканцы решительно оспаривали право Нидерландов на установление этой линии.

Как указано выше, быстрое продвижение нидерландских войск и их глубокое проникновение на небольших участках фронта оставили много республиканских отрядов «висящими в воздухе». Эти отряды находились на своих первоначальных позициях и были обойдены голландцами. Еще нетронутые, они оставались способными действовать как воинские части.

Последовавшее в дальнейшем «развертывание» нидерландских войск и установка их мелких постов в неоккупированных ранее, но состоявших, по их утверждению, под их контролем районах, рассматривались республиканцами как нарушение соглашения о прекращении огня. Они считали себя поэтому вправе обстреливать эти отряды и действовать наступательно против всякого продвижения или сосредоточения нидерландских войск. Кроме того, они всячески старались затруднять снабжение нидерландских

войск, минировав дороги и разрушая мосты и железнодорожные пути.

Подобным же образом, ввиду того что голландцы считали, что указанные районы находятся под их властью, присутствие там республиканских войск казалось им неуместным. Поэтому они переходили в наступление, чтобы рассеять эти войска, вследствие чего между обеими сторонами происходили постоянные столкновения. Фактическое установление линии ван-Моока 29 августа 1947 года с голландской точки зрения имело только то значение, что дало миру знать об их политике и их намерениях. Армия следовала этой политике с 4 августа.

С другой стороны, республиканское командование узнало впервые, что многие из его воинских частей отрезаны.

Само собой разумеется, что, хотя Нидерланды до некоторой степени восстановили законность и порядок во многих частях находящейся под их властью территории, именно эти мероприятия были причиной частых столкновений. Установление небольших постов является приглашением снайперам и в некоторых случаях вызывает более решительные нападения значительных военных отрядов или банд, уверенных в успехе. Кроме того, необходимость поддерживать постоянную связь между этими постами дает партизанам повод нападать из засады, чем трудно не воспользоваться.

Несомненно, что продолжение военных действий объясняется решением нидерландских властей распространить военный и административный контроль на район, ограниченный линией ван-Моока, и отказом республиканских властей признать их право это делать, а также продолжающимися нападениями безответственных банд.

Е. ОБВИНЕНИЯ В ОПРЕДЕЛЕННЫХ НАРУШЕНИЯХ ПРИКАЗА О ПРЕКРАЩЕНИИ ОГНЯ

1. Индонезийские обвинения против Нидерландов

С 5 августа по 26 сентября 1947 г. таких обвинений было 811.

Нидерландам ставится в вину ряд нарушений, начиная с простых разведок и кончая настоящими планомерными атаками на республиканские селения. Эти нарушения классифицируются следующим образом:

а) *Нидерландская разведка с высылкой дозоров*, главным образом в пределах линии ван-Моока, и военных самолетов.

б) *Набеги на районы, находящиеся, во власти республиканцев*. Приводится много случаев, когда нидерландские войска, силой примерно в один взвод, подойдя к деревне, нападали на нее и, нанеся потери, отходили. Эти набеги происходили в пределах линии ван-Моока.

с) *Планомерные наступления* отрядов численностью до двух рот, иногда при воздушной поддержке и обычно при содействии артиллерии, минометов и бронемашин. Утверждают, что эти наступления имеют целью захват территории. В большинстве случаев эти наступательные действия велись в пределах линии ван-Моока.

д) *Морская блокада*.

е) *Зверства*. Таковые заключались, как глаголю обвинение, в произвольном убийстве жителей, не разбирая возраста и пола, в насиловании женщин и обезображивании мертвых. Утверждалось, что такие зверства производились как голландцами, так и голландскими колониальными войсками. Имеются фотографии будто бы имевших место издевательства над мертвыми, но эти фотографии не приняты во внимание, так как возможно, что много увечий было причинено в бою, и также ввиду того, что неизвестно, кем эти жестокости были совершены.

ф) *Поджоги и грабежи*. Было предъявлено много обвинений, будто нидерландские войска грабили и жгли районы, бывшие объектом мер полицейского характера. Невозможно установить, делали ли это войска под нидерландским командованием, или безответственные группы индонезийцев или, наконец, республиканские войска, выполнявшие приказ о сплошном опустошении при отступлении.

С точки зрения нидерландского военного командования, действия, перечисленные выше под а, б и с, нельзя назвать нарушениями приказа о прекращении огня, так как ясно, что нидерландские войска считают себя вправе принимать меры самообороны и защиты населения и очищать упомянутые районы от войсковых частей и банд, которые, по их мнению, не имеют права в этих районах находиться.

Нидерландские власти утверждают, что морской блокады не устанавливалось нигде, за исключением некоторых строго ограниченных районов с единственной целью предупреждения контрабанды оружия. За последние несколько месяцев вывозились весьма значительные количества различных продуктов, большей частью из голландских имений и имений, принадлежащих иностранцам, главным образом с Суматры. Для контроля над этой торговлей, значительная часть которой считается незаконной и наносящей ущерб как голландским, так и иностранным интересам, а также общей экономике страны, нидерландские власти установили систему морского контроля, согласно которой разрешается экспорт местных продуктов, но не продуктов с имений, принадлежащих голландцам или иностранцам. За исключением мер против контрабанды оружия нет, повидимому, никакой разницы между существующими теперь контрольными мероприятиями и теми, которые существовали до предпринятых операций полицейского характера.

Что касается утверждения республиканцев, что нидерландские военные суда вторглись в республиканские территориальные воды, то нидерландские морские власти считают, что признание Республики *de facto* не может распространяться на территориальные воды республиканского побережья, так как Республика не имеет фактического контроля над этими водами.

2. Нидерландские обвинения против индонезийцев

За период с 5 августа по 26 сентября 1947 г. Нидерландами было заявлено 1 792 обвинения в нарушении приказа о прекращении огня. Обвинения эти охватывали:

а) *нападения на нидерландские посты* в подвластных им районах, включая снайперство;

б) терроризирование сельских жителей, убийства и поджоги в тех же районах; к этому следует добавить грабежи и разбои;

с) зверства;

д) минирование дорог и саботаж;

е) принудительное выселение жителей и похищение людей;

ф) обстрел судов.

К вышесказанному следует добавить кампанию поношений и подстрекательства к убийствам, которая ведется по республиканскому радио. По мнению голландцев, это является нарушением соглашения о прекращении огня, за которое республиканское правительство не может избежать ответственности.

Что касается вышеупомянутых пунктов а, д и е, то поскольку республиканское правительство отказалось признать линию ван-Моока и притязания Нидерландов на власть над районом, ограниченным этой линией, индонезийцы считают себя вправе продолжать оборонительные действия в районах, находившихся под их властью до 14 октября 1946 г., даже если эти районы находятся на нидерландской стороне линии ван-Моока. Индонезийцы не признают за голландцами права беспрепятственно пользоваться коммуникационными линиями между своими базами и передовыми постами, равно как и рокадными сообщениями.

Что касается пунктов б и с, то обе стороны представили весьма обемистую документацию с фотографиями, чтобы показать, что зверства совершала противная сторона, но в пределах имеющегося времени невозможно определить, кто именно совершал эти зверства.

Нидерландские войска нанесли значительный ущерб индонезийским селениям и имуществу как при артиллерийском огне по индонезийским войскам, так и при расчистке обстрела и при взрывании военных складов. В одном случае, по крайней мере, голландцы предупредили жителей деревни, что будет взорван минный склад, и деревня была эвакуирована, но обычно не приходится предупреждать жителей, что они в опасности, так как при приближении войск они сами покидают деревни. Что касается индонезийцев, то индонезийские селения и имущество жителей пострадали от саботажа, от проведения политики сплошного опустошения перед наступающим противником и от покушений на голландскую администрацию.

Г. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСК

1. Нидерландские войска

Организация и дисциплина в нидерландских войсках стоит высоко. Войска хорошо снаряжены. Дисциплина, повидимому, превосходна, система связи на высоте, и можно заключить, что приказания передаются быстро и выполняются без промедления.

2. Индонезийские войска

Что касается регулярных войск Республики, организация их кажется удовлетворительной, хотя помехой служит недостаток снаряжения. Ор-

ганизация штаба главнокомандующего неудовлетворительна, но в низших инстанциях дело стоит лучше. Военная дисциплина, повидимому, на достаточной высоте, и приказы выполняются быстро, но лишь некоторые части имеют полное обмундирование, и по своему виду войска больше похожи на партизанские отряды, чем на армию. Средства связи как будто удовлетворительны, но положиться на них нельзя. Широко применяется радиовещание, но недостаток его в том, что нельзя получать подтверждений, и неизвестно, получены ли те или иные приказания.

Было ясно, что штаб главнокомандующего вполне осведомлен о положении войск в Центральной Яве и что эти войска вполне в его руках, но управление войсками на Суматре и на спорной территории оставляет желать многого. Во многих случаях штаб не мог установить местонахождения некоторых частей и в нескольких случаях им были даны неверные указания о расположении штабов дивизий. Это несомненно происходило отчасти вследствие недостаточно хорошей связи и чрезвычайно плохих карт.

В ранний период операций полицейского характера и некоторое время после этого наблюдалась значительная деятельность банд, состоявших из молодых экстремистов, зараженных по большей части японской пропагандой и прошедших японскую военную подготовку. Они образовывали банды с такими именами как *Harimau liar* (Дикие тигры) и *Naga terbang* (Летающие змеи) и, повидимому, не признавали никакой центральной власти. Эти банды вошли теперь официально в состав республиканской армии. Некоторые из них были рассеяны голландскими войсками, и республиканские власти утверждают, что остальные находятся под их контролем. Все же в подвластных Нидерландам районах часто бывают разбои, и невозможно установить, виновны ли в них независимые банды и в какой мере их подстрекают республиканские лидеры. Республиканские власти сами говорят, что, хотя за линией ван-Моока и имеются организованные военные части, невозможно справиться с их деятельностью, имеющей характер движения сопротивления. Но эти беспорядки теперь уменьшаются.

Г. ПРОПАГАНДА

С началом полицейских операций обеими сторонами велась значительная пропаганда, отчасти зажигательного характера, чем особенно отличались некоторые индонезийские лидеры. Есть признаки некоторого смягчения в этом отношении, но многое еще остается сделать, чтобы сгладить резкость тона пропаганды.

Н. ВОЗМОЖНОСТЬ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИКАЗА О ПРЕКРАЩЕНИИ ОГНЯ

Из обзора существующего положения и различных толкований понятия «прекращение огня» приходится заключить, что нельзя ожидать, чтобы к 4 августа или тотчас же после этого дня прекратились человеческие потери и приказ о прекращении огня стал полностью соблюдаться. По этой причине, а также потому, что чрезвычайно трудно получить удовлетворительные ре-

зультаты от расследования имевших место в прошлом инцидентов, Комиссия находит, что подробное обсуждение в этом докладе так называемых нарушений не приведет ни к чему.

Хотя, строго говоря, это и не входит в ее круг ведения, Комиссия остается при мысли об изы-

скании путей к лучшему соблюдению приказа о прекращении огня и к сокращению потерь. Комиссия рассмотрела некоторые практические мероприятия, но не могла выработать метода, который сделал бы возможным достижение этой цели в ближайшем будущем.

ГЛАВА III

РАЗДЕЛ А

1. *Общее состояние населения*

а) На территории, занимаемой республиканцами

Без всякого сомнения среди образованных слоев населения имеется сильное националистическое чувство, и оно заметно не только в городах, но и в сельских районах. Это чувство является в то же время явно антиголландским; но если его внимательно разобрать, то можно заметить, что оно направлено не против среднего голландца, а против возвращения «колониальной системы». Ясно также и то, что, после того как были начаты операции полицейского характера, это настроение, направленное против голландцев, усилилось. Необходимо отметить, что, хотя во всей стране образованные классы являются наиболее влиятельными как в политическом, так и в других отношениях, они составляют не более пяти процентов населения. Трудно установить, в какой мере националистическое чувство проникло в массы, которые, в основном, состоят из земледельцев, но действительность показывает, что они вообще политикой не интересуются.

Известно, что лица, высказывающиеся против Республики, и те, которые подозреваются в симпатизировании голландцам, подвергаются строгим репрессиям, обычно в форме долгосрочного тюремного заключения без суда.

Управление страной внешне хорошее и, где возможно, производится нормальное снабжение водой и светом, а также функционирует шоссе и железнодорожный транспорт, главным образом при помощи бывшего голландского оборудования. Значительное внимание уделяется общему благосостоянию: школы и госпитали обслуживаются достаточно эффективно в пределах имеющихся запасов. Сельское хозяйство и общий уровень жизни соответствуют чрезвычайным условиям времени.

В посещенных Комиссией районах Явы население не испытывает недостатка в продуктах питания, но ощущает острую нехватку в одежде, в то время как в районах острова Суматры положение с продовольствием, хотя более или менее удовлетворительное, но все же не особенно хорошее. Вероятно, из-за нехватки транспорта и недостаточного производства, продовольственные условия в будущем ухудшатся. На Суматре положение с одеждой гораздо лучше.

Население высказывает страх перед всякой военной деятельностью в будущем, которая, они знают, может привести к дальнейшим разрушениям и грабежам.

Настроение населения питается свирепой республиканской антиголландской пропагандой, и большое значение придается сведениям из голландских источников, предсказывающим возобновление военных действий против Республики.

б) На территории, оккупированной Нидерландами

Этот доклад не будет касаться положения, существующего в городских районах (Батавия, Сурабая, Бандунг, Медан), которые были уже под нидерландским управлением до операций полицейского характера. Фактически, там обеспечены законность и порядок и возобновлена экономическая деятельность.

Не замечено никаких явных принудительных мер со стороны Нидерландов в отношении мирного индонезийского населения, но известно, что несколько индонезийских должностных лиц арестованы за выступления против голландцев на занимаемой последними территории. В частности, вне занятых городских районов, индонезийцы, принимавшие активное участие в республиканской партизанской войне, — а их довольно много, — рассматриваются голландцами как военные при восстановлении законности и порядка.

Управление осуществляется властями Нидерландской Индии, и, во многих случаях, им помогают бывшие республиканские служащие, большинство которых принимают голландское жалованье или авансы (см. стр. 10).

Во вновь оккупированных территориях, за исключением нескольких районов, индонезийское население не показывает того довольства и счастья, которое господствует в республиканских районах; это можно объяснить страхом как перед террористическими бандами, так и перед тем, что предпримут голландцы. Есть общее чувство страха перед тем, что произойдет, когда возвратятся республиканские власти, ибо многие могут рассматриваться как сотрудничавшие с голландцами, так как продолжают свою обычную трудовую жизнь, вместо того чтобы уйти на республиканскую территорию, — возможность, которая все еще может быть осуществлена с голландского разрешения. Если принять во внимание жизнь семьи, то индонезийцы находятся в трудном положении.

В районах голландских и иностранных плантаций, где за короткое время достигнут значительный успех в восстановительных работах и где определенно существуют хорошие отношения между голландцами и индонезийцами, рабочие возвращаются обратно на плантации. Однако все еще существует большой страх перед республиканскими партизанскими отрядами, которые дей-

ствуют не только против зданий и фабрик, находящихся на плантациях, но и против персонала, и здесь также нидерландским силам пока трудно поддерживать законность и порядок. На некоторых плантациях предприняты шаги по созданию своей собственной вооруженной охраны с согласия голландцев.

В некоторых районах, особенно на Суматре, появились сепаратистские течения. Они надеются на автономию в близком будущем, и некоторые желают объединиться в федерацию под властью центрального индонезийского правительства.

2. Страдания, причиненные войной

а) На территории, занимаемой республиканцами

За исключением районов, в которых голландцы вследствие полной неожиданности достигли быстрых успехов, не встречая сопротивления, во время операций полицейского характера, население Индонезии и иностранцы значительно пострадали как от военных действий, так и от проведения политики сплошного опустошения. В городах и деревнях было убито много гражданских лиц.

Политика сплошного опустошения, проводившаяся республиканцами, привела, помимо уничтожения коммуникаций и т. п., к разрушению целых городов, что в свою очередь создало большое число бездомных беженцев. Это относится как к индонезийцам, так и к иностранцам, особенно к китайцам.

б) На территории, оккупированной Нидерландами

Страдания, испытанные во время операций полицейского характера населением территории, занимаемой в настоящее время голландцами, описаны выше, но со времени объявления приказа о прекращении огня, в результате продолжающегося присутствия республиканских войск, партизанских отрядов и др. в этом районе и вследствие того, что голландцы продолжают свои полицейские операции по восстановлению законности и порядка, население все еще терпит страдания, хотя и не в таких размерах.

За исключением определенных пунктов, занятых голландцами в этом районе, республиканские войска и партизаны действуют не только против нидерландских вооруженных сил, но и против индонезийского населения, которое, быть может, сотрудничает или работает с голландцами. Явно замечен страх репрессалий. В этом отношении больше всего страдали китайцы, поскольку они чаще подозреваются в симпатии к голландцам.

При таких условиях возвращение к нормальной жизни невозможно, за исключением городов или районов, которые находятся под определенным полицейским контролем.

3. Положение иностранцев

а) На территории, занимаемой республиканцами

Значительная часть китайского населения пострадала во многих районах до и после полицейских операций. Китайцы, по сравнению с ин-

донезийцами, составляли наиболее богатый класс и, с проведением в жизнь политики сплошного опустошения, явились жертвами грабежей и терроризма. Они много пострадали от различных жестокостей, которым были подвергнуты индонезийскими солдатами и гражданским населением. В некоторых случаях их обвиняли в том, что они голландские шпионы, но Комиссия не имеет доказательств этого и считает, что они терпели страдания только потому, что были более состоятельны, в то время, когда начинала проводиться политика сплошного опустошения.

С момента приказа о прекращении огня, многие китайцы, которые были силой эвакуированы на республиканскую территорию, помещаются в лагеря для беженцев, и о них в общем заботятся их же соотечественники.

Другие иностранцы, главным образом индийцы и арабы, также пострадали, но их положение аналогично с положением остального населения в тех охваченных беспорядками районах, где они проживают. Большинство европейцев было ранее эвакуировано.

б) На территории, оккупированной Нидерландами

Со времени приказа о прекращении огня китайцы, находящиеся в отдаленных районах, продолжают подвергаться терроризму со стороны республиканских банд. Это вызвано инкриминируемым им сотрудничеством с голландцами, а также тем, что многие из них ведут свои прежние дела и работают на голландских плантациях. До настоящего времени имеется еще большое число китайцев, которых заставили покинуть свое местожительство и которых республиканские войска и партизаны держат в изолированных местах, в пределах нидерландских районов, и известно, что нидерландские войска постепенно освобождают этих людей во время своих операций по очистке территории от остатков противника. Во время нахождения в руках этих банд местные жители и иностранцы, главным образом китайцы, страдали от недоедания и дурного обращения.

Ввиду недостаточности той защиты, которая может быть предоставлена в настоящее время Нидерландами, китайское население начало организовывать свои собственные отряды безопасности с оружием, данным заимообразно голландцами. Это создает трения с партизанами и самоуправными элементами населения, главной целью которых являются грабежи и убийства, независимо от расовой принадлежности и религии.

Хотя нидерландские операции полицейского характера были предприняты с заведомой целью восстановления законности и порядка, цель эта еще не достигнута полностью.

Из заслуживающих доверия источников известно, что со времени полицейских операций из китайского населения, приблизительно в 600 000 человек в пострадавших районах Явы и Суматры, было убито более 1 000 китайцев, включая женщин и детей, более 10 000 все еще значатся без вести пропавшими и приблизительно 100 000 человек остались без крова и средств существования.

Положение других иностранцев, главным образом индийцев и арабов, то же, что и на территории, занимаемой республиканцами.

РАЗДЕЛ В

Экономические условия населения в различных районах

а) На территории занимаемой республиканцами

Если учесть потребность в личном составе для ведения войны, выращивание и снятие урожая для производства продуктов питания проходит гладко, хотя и не в такой степени, как до операций полицейского характера. В результате этого создается впечатление, что в большинстве районов пищевых продуктов достаточно. Весь урожай идет исключительно на местное потребление.

Что касается одежды, то для ее производства работают некоторые примитивные прядильные фабрики, но чувствуется недостаток в сырье, и количество производимой одежды, главным образом из капка, ограничено. Положение с одеждой, особенно на Яве, тяжелое.

Республиканская валюта имеет хождение на Яве, а на Суматре — японская оккупационная валюта и республиканская валюта. Иметь голландскую валюту и пользоваться ею — запрещено.

Производство предметов, не являющихся предметами первой необходимости, стоит на мертвой точке, и торговля ведется в очень ограниченном масштабе. На Яве движение товаров, их импорт и экспорт вообще невозможны из-за нехватки морского транспорта и строгого морского контроля, установленного Нидерландами, но на Суматре торговля с Малайей продолжается, причем производится обмен значительными количествами товаров. Предметы местного производства отправляются, с разрешения Нидерландов, главным образом для обмена на текстильные товары. Продолжается и контрабанда.

Безработицы мало и, за исключением прифронтовых районов, не видно нужды, кроме разве перенаселенности, вызванной передвижением населения из районов, охваченных смутой. Из надежных источников, однако, сообщают, что экономическое расстройство охватило несколько других районов.

Многие ответственные республиканские официальные лица, с которыми членам Комиссии приходилось беседовать, заявляли, что они приветствовали бы сотрудничество голландцев или других иностранцев в будущем экономическом развитии республики при том условии, чтобы они сами оставались ответственными за политику.

б) На территории, оккупированной Нидерландами

Этот район обнимает большинство плантаций, работающих на экспорт, а также заводы, которые значительно пострадали до полицейских операций и во время таковых и которые фактически все еще страдают от нападений республиканских партизанских отрядов. Республиканские действия причинили большой вред ирригационным работам в районах, производящих продукты питания. Это в некоторых случаях также неблагоприятно отразилось на урожае. Восстановление повреждений было предпринято при первой возможности.

За исключением главных городов, республиканские воинские части и партизаны все еще оперируют во многих районах. Поэтому, пока не будут восстановлены законность и порядок, существование нормальных экономических условий невозможно. Из-за разрушения зданий жилищный вопрос часто стоит очень остро.

Полицейские операции отдали в руки Нидерландов главные районы, производящие рис и другие продукты питания, и голландцы заняты восстановлением нормального положения в отношении пищевых продуктов, пользуясь транспортом, имеющимся в их распоряжении. Хотя цена на рис все еще выше довоенного уровня, она значительно упала со времени полицейских операций. Цены на другие продукты питания не снизились в заметной степени.

Республиканская и японская валюты не имеют хождения, но республиканские денежные знаки обмениваются из приблизительного расчета 20 республиканских рупий за один нидерландский ост-индийский гульден.

В настоящее время нидерландскими властями делаются большие усилия, направленные на восстановление заводов, фабрик и плантаций, и экономическая жизнь населения улучшается по мере успеха работ. Началось производство и экспортирование каучука, нефтепродуктов, пальмового масла и сахара, и в ближайшем будущем ожидается экспортирование других культур, включая табак.

РАЗДЕЛ С

1. Гражданская администрация, увольнения, изменения политики, нежелание сотрудничать и прочее

После 21 июля, когда власти Нидерландской Ост-Индии заняли во время полицейских операций различные районы, они постарались обеспечить за собой добровольное сотрудничество жителей и индонезийских должностных лиц, и несомненно была сделана серьезная попытка склонить индонезийских чиновников к продолжению административной работы, но только под голландским контролем и при том условии, чтобы никакие распоряжения и указания, исходящие от республиканского штаба в Джокьякарте, не исполнялись. В тех случаях, когда индонезийские чиновники считали для себя невозможным работать дальше согласно нидерландским инструкциям, им предлагалось уйти с занимаемых ими должностей и, в большинстве случаев, если они этого желали, им предоставлялась возможность эвакуироваться на территорию, занимаемую в настоящий момент республиканцами.

С другой стороны, республиканское правительство предложило по радио всем индонезийцам, находящимся в районах, оккупированных голландцами, ни в коем случае не сотрудничать с последними. В связи с этим республиканские чиновники были поставлены в чрезвычайно трудное положение. Некоторые, которые считали, что они могут больше помочь всему населению, оставаясь на своих постах, так и сделали, в то время как другие отказались, в особенности после переданных по радио инструкций из Джокьякарты.

Эти чиновники занимают должности от самых маленьких до должностей мэра и регента. Неко-

торые индонезийские чиновники, назначенные на известные должности, настроены против республиканцев и симпатизируют голландцам. Фактически, все чиновники, к которым обращались, заявляли, что в душе они националисты, что они желают видеть Индонезию свободной и независимой и хотят иметь свой собственный флаг. Некоторые заявляли, что они не боятся наказания за свою работу, когда возвратятся республиканские власти, хотя они прекрасно понимали, что сотрудничают с голландцами вопреки указаниям республиканского правительства. Они заявили, что по своему честному мнению они поступают правильно с точки зрения общего благополучия индонезийцев, находящихся на нидерландской территории. Однако многие бывшие республиканские чиновники хотели бы сотрудничать с нидерландскими властями, но боятся поступить таким образом, опасаясь последствий в будущем.

Во вновь занятых районах нидерландские власти учредили органы гражданской администрации и чиновники этой администрации, вместе с военными, сотрудничают в деле восстановления законности и порядка и возобновления нормальных административных служб.

Индонезийские чиновники, ушедшие с занимаемых ими должностей, были в большинстве случаев заменены индонезийцами, которые желают сотрудничать с голландцами. Но небольшое число эти должностей остается вакантными.

Некоторые чиновники, которые иногда с самого начала сотрудничали с голландцами, были уволены за их активную поддержку Республики или ушли добровольно, после того как республиканцы передали по радио свои указания.

Нет прямой официальной связи между республиканским штабом и новыми районами, которые недавно были заняты голландцами, почему сообщения и инструкции республиканского штаба ограничиваются обычными радиопередачами.

2. Политика сожженной земли, ее планирование и проведение в жизнь

Республиканское правительство еще ранее заявило, что «в случае голландской агрессии», главной формой сопротивления будет проведение политики сплошного опустошения, известной под названием политики сожженной земли. Высшие власти Республики, как президент, вице-президент и премьер-министр, публично заявили, что если нидерландская армия вступит на территорию Республики, то ей придется захватить с собой пожарные бригады. Известно, что были тщательно разработаны планы по проведению в жизнь политики сожженной земли, причем в эти планы

входило уничтожение не только военных объектов, как-то железных и иных дорог, мостов и общественных сооружений, но и частной собственности, принадлежащей индонезийцам и иностранцам.

Из опроса, произведенного в нескольких местах, выяснилось, что политика сожженной земли была применена как гражданскими, так и военными властями, и начало ей было фактически положено задолго до операций полицейского характера.

Фабрики, учреждения и постройки, расположенные на республиканской территории, где предполагают, что дальнейшие военные действия Нидерландов могут иметь место, подготовлены для возможного уничтожения.

С 21 июля, т. е. с момента начала наступления голландских войск, политика сожженной земли проводилась повидимому без всякой системы, просто наудачу. Во многих районах объекты, имевшие военное значение, оставались неповрежденными, как это было с несколькими большими мостами, соединявшими Западную Яву с Центральной, и в то же время происходили грабежи в большом масштабе и уничтожение собственности, в том числе собственности иностранцев, причем китайское население часто представляло собой главную цель. Интересно отметить, что в некоторых районах Западной Явы собственность голландцев и государственное имущество остались фактически неповрежденными, в то время как пищевые продукты были уничтожены.

Благодаря быстрому наступлению голландских войск некоторые города, как Черибон, Бенджувангл, Тегал, Лахат и др. остались неповрежденными.

Политика сожженной земли проводилась более грубо в отношении частной собственности в Центральной и Восточной Яве и на Суматре в период полицейских операций. Но со времени приказа о прекращении огня партизаны продолжают проводить эту политику против военных объектов с большой эффективностью.

Политика сожженной земли сопровождается бессмысленными разрушениями, совершаемыми безответственными бандами. Очень мало внимания уделяется благосостоянию местного и иностранного населения; не было никаких определенных планов для своевременной эвакуации и последующей заботы об этом населении и, поскольку многие крупные промышленные заводы предназначены для уничтожения, экономическое положение местного и иностранного населения, остающегося в тех районах, несомненно тяжелое.

Глава IV РЕЗЮМЕ

Приказ о прекращении огня был своевременно отдан, но ни у голландцев, ни у индонезийцев не было уверенности в том, что противная сторона этот приказ выполнит, и ни та, ни другая сторона не сделали попытки прийти друг с дру-

гом к соглашению о средствах его выполнения.

В то время как республиканское правительство приказало своим войскам оставаться на своих позициях и прекратить военные действия, правительство Нидерландской Ост-Индии сочло сво-

ей обязанностью приступить к восстановлению законности и порядка в пределах отмежеванной им своей зоны.

Быстро наступая, нидерландские войска обошли значительные силы республиканцев, остававшихся на своих позициях в соответствии с приказом о прекращении огня, в то время как, согласно голландскому толкованию этого приказа, они становились объектом операций нидерландских сил, на которые была возложена задача по ликвидации остатков неприятельского сопротивления. Республиканское правительство приказало своим вооруженным силам обороняться и противодействовать движению войск на территории, занятой голландцами. Различное толкование каждой стороной приказа о прекращении огня сделало невозможным его выполнение.

Помимо операций регулярных сил, до настоящего времени еще действуют иррегулярные банды, которые совершают убийства, поджоги и грабежи.

Еще до начала полицейских операций, население значительно пострадало от бандитизма и от проведения политики сожженной земли. Еще

хуже стало во время полицейских операций и после них. Особенно пострадало китайское население.

На нидерландской территории и на территории, занимаемой республиканцами, управление краем и обработка земли происходит в исключительно трудных условиях. В то же время на нидерландской территории царит страх перед бандитизмом и опасение республиканской расплаты в будущем. Что же касается республиканцев, то у них во многом нехватка, вызвана прекращением нормальной экспортной и импортной торговли. В республиканских районах положение с продуктами питания в большинстве мест пока хорошее, но через несколько месяцев оно может ухудшиться.

Влиятельный класс в Индонезии, который составляет не более пяти процентов населения, фактически весь состоит из националистов и стремится к некоторой независимости, хотя и не считает необходимым поддерживать настоящую Республику. К голландцам как таковым ненависти мало, а их помощь в управлении страной считается существенной.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Доклад о посещении Джокьякарты и района Восточной Явы генеральным консулом Австралии г-ном Ч. Итоном и генеральным консулом Франции г-ном Э. Ро

Батавия,
7 сентября 1947 г.

3 СЕНТЯБРЯ

I. ВВЕДЕНИЕ

Мы прибыли в Джокьякарту в 10 часов утра и были встречены различными индонезийскими властями, включая самого султана Джокьякарты. После этого нас проводили до дома г-на Сукарно, где нас представили президенту и премьер-министру.

После официального завтрака, на котором присутствовали все члены кабинета, высшие правительственные чины и офицеры, мы приступили к беседе с премьер-министром и его советниками.

II. ВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА

После общего обсуждения мы попросили членов правительства показать нам карту, на которой обозначено настоящее расположение войск. Нам показали карту, на которой было изображено расположение голландских и индонезийских частей до 20 июля, их позиции на 4 августа и на сегодняшний день. Нам показали также направление демаркационных линий на территории, занимаемой голландцами, и на территории, занимаемой республиканцами, о каковых линиях было недавно объявлено нидерландскими властями и которые обсуждались индонезийцами, но были найдены неприемлемыми. Копия этой карты должна быть передана Консульской комиссии для сведения.

После этого мы просили премьер-министра сообщить нам, кто в кабинете министров и в Tentara Republik Indonesia (TRI) ² ответствен за ведение военных операций. Он ответил, что он и его кабинет отвечают за все операции, которые ведутся военным командованием, и что этот контроль осуществляется в полной мере.

Мы также спросили о том, как индонезийцы пользуются в своих операциях индийским, японским и германским персоналом. Нам сообщили, что дезертиры из британско-индийской армии в настоящий момент собираются в Джокьякарте, чтобы после консультации с индийским правительством возвратиться в Индию, но что, вследствие существующей в настоящее время блокады, нет судов для их перевозки. Нам также сообщили, что некоторые индийцы, которые проживали здесь до войны, все еще находятся в рядах TRI на Суматре. Что касается японцев, то было

заявлено, что никаких офицеров в армию не брали, но что в качестве инструкторов TRI все еще находится свыше 60 человек неофицерского звания. Немцев не брали, но некоторые были интернированы. Наше желание навестить их было с готовностью удовлетворено.

Нам сообщили, что еженедельные потери индонезийцев со времени приказа о прекращении огня составляют приблизительно 150 человек, из которых 80 процентов падает на гражданских лиц, убитых во время артиллерийского и минометного обстрела. Полагают, что эти потери останутся такими же или даже увеличатся. Потери голландцев оцениваются в 20 человек убитых в неделю.

Мы попросили информировать нас относительно голландских военнопленных, и нам сообщили, что имеется только несколько человек из которых двое находятся сейчас в Джокьякарте в госпитале. Разрешение навестить этих военнопленных было нам так же охотно дано.

Мы просили дать нам некоторые сведения о связи в TRI. Нам сообщили, что имеется общая радиосвязь между Джокьякартой и штабами всех отдельных отрядов и что каждый штаб отряда имеет радио или телефонную связь со всеми крупными частями. Нам также сообщили, что даже после нидерландских военных и полицейских операций 95 процентов TRI сохранили свою организованность. Мы узнали также, что все чины TRI имеют кое-что из военной одежды, что дает возможность опознавать их как солдат, но что положение трудно ввиду недостатка в одежде. Было также заявлено, что вследствие сложности военной обстановки на стороне индонезийцев имелись также так называемые francs-tireurs (вольные стрелки).

Мы спросили, возможно ли остановить дальнейшие военные действия Нидерландов, нам ответили, что нет, но что усилятся зато действия партизан.

Затем мы задали главный вопрос относительно приказа о прекращении огня и его выполнения. Индонезийцы заявили совершенно открыто, что TRI и республиканские гражданские власти все еще функционируют в районе, относящемся к ведению нидерландских властей, и что они ни в какой мере не признают демаркационных линий и зон ответственности, о которых было объявлено нидерландскими властями.

Представляется очевидным, что многие индонезийцы находятся в так называемой нидерландской зоне и что, как они сами признают, всякие голландцы, передвигающиеся в этом районе, рискуют подвергнуться нападению индонезийских солдат. Голландцы занимают конечно только некоторые пункты, расположенные по сю сторону демаркационной линии, и поскольку республиканские руководители все еще рассматривают этот район, — вне пределов того, который был занят нидерландскими силами 4 августа, — как свою

² Индонезийская республиканская армия.

территорию, то мелкие партизанские действия вспыхивают каждый раз, когда замечается движение голландцев за пределы их главных пунктов расположения.

Далее было сказано, что г-н ван-Моок отдал распоряжение о том, чтобы голландские войска, хотя и обязанные оставаться на месте после вступления в силу приказа о прекращении огня, произвели ликвидацию всех остатков неприятельского сопротивления, что в свою очередь вызвало ответ индонезийского генерала, который заявил, что все голландские войска, передвигающиеся в этом районе, должны атакываться.

Мы твердо убеждены, что ввиду существующей обстановки в отношении нидерландских демаркационных линий и настоящего расположения как нидерландских, так и индонезийских войск, приказ о прекращении огня не может соблюдаться и что инциденты и действия партизан будут продолжаться и вероятно усилятся.

III. ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Мы убедились в том, что нидерландская блокада и предшествовавшая ей японская оккупация привели к тому, что Индонезийская Республика была отрезана от внешнего мира за исключением единственной связи по радио, и вот почему в настоящее время нет экспорта, импорта, движения пищевых продуктов из одного района в другой, почтовых и телеграфных сношений с внешним миром. Нельзя достать самых необходимых и обычно доступных вещей как предметы медицинского снабжения, печатные издания, перевозочные средства, удобрения и текстильные товары. Известно, что жители Явы испытывают особенный недостаток в одежде и многие вовсе ее не имеют. Фактом также является и то, что в настоящее время продуктов питания едва достаточно, при отсутствии какого-либо их подвоза, но если в этом году будет неурожай главных культур, то создастся тяжелое положение с продовольствием.

Моральное состояние гражданского населения как будто стоит высоко, но общие условия жизни как гражданского, так и военного населения довольно жалкие. Все индонезийские чиновники, с которыми нам приходилось разговаривать, выражали общее чувство ненависти к голландцам.

4-5 СЕНТЯБРЯ

I. ВВЕДЕНИЕ

Мы выехали из Джокьякарты в 7 часов утра специальным поездом, шедшим в Сумбер-Бутгенг через Сурекарту, Тулун, Гагунг и Блитар.

В Сумбер-Бутгенге мы посетили административно-хозяйственное управление 7-й индонезийской дивизии под командой генерал-майора Миестопо, у которого, как говорилось, имеется 20 000 человек, расположенных в районах Маланга и Бекуки. Интересно отметить, что штаб дивизии, административно-хозяйственное управление и все остальное, что относится к дивизии, находятся в нидерландском районе, как он был определен г-ном ван-Мооком в его речи по радио 29 августа. Сумбер-Бутгенг представляет собой в настоящее время конечную станцию железной дороги.

Из Сумбер-Бутгенга мы направились в Талангагунг, в двух километрах от Кепандье, где

расположен штаб дивизии, оттуда проследовали в Теурен, где находится индонезийское гражданское управление этого района, и затем в Дампит. Последний отрезок пути мы сделали на автомобиле и в местечке под названием Пангунгредьо видели грузовые машины с китайскими беженцами из Кребета. Китайцы сообщили нам, что имеется около 4 500 китайских беженцев из этого района, которые работали главным образом на сахарном заводе и предприятиях по выделке тапиоки, но были вынуждены, в результате грабежей совершаемых TRI и индонезийскими сельскими жителями в Кребете, покинуть свои жилища и искать новое пристанище и работу. Сопровождавшие нас офицеры индонезийской армии подтвердили правильность этого заявления и добавили, что в первые два дня после начала полицейских операций происходили большие грабежи, которые не ограничились китайским населением. Нам сообщили, что после первого неожиданного нападения, совершенного голландцами, индонезийская гражданская администрация перестала функционировать и была восстановлена только впоследствии, когда были прекращены все грабежи, и что индонезийцы берут теперь на себя ответственность по эвакуации китайского населения из этого района в лагерь.

В Теурене мы посетили военный госпиталь. Было заявлено, что с отдачи приказа о прекращении огня, через госпиталь прошло 350 больных из гражданского населения и 150 военнослужащих. В настоящее время в госпитале находится несколько гражданских и военных раненых. В госпитале в Блитаре также было 150 раненых, но большинство их составляли женщины и дети.

Ночь мы провели в Блитаре, а на следующее утро выехали в 8 часов на автомобиле в Саранган. В этом селении, которое до войны было горным курортом и местом отдыха, проживает группа бывших интернированных немецких граждан, в числе 67 человек. Немцы работают в госпитале, а также в школе в качестве преподавателей и инструкторов физической подготовки. Они выглядят вполне счастливыми, но озабочены своим будущим. В настоящее время они оплачиваются индонезийскими властями. Мы удостоверились, что среди этих людей нет германских офицеров и что ими не производится военного обучения. Все эти немцы находились в Индонезии до второй мировой войны, за исключением одного, который работал в Японии и в 1942 году был привезен японцами на Яву как переводчик.

В Бласоне мы посетили организацию, которая приютила и содержит 200 сирот, потерявших своих родителей во время военных действий, а также дом-школу для вдов, мужья которых были убиты на войне и для других женщин.

В 5 ч. дня мы вернулись в Блитар, где сели в поезд и приехали в Джокьякарту в 2 ч. ночи.

Правительство Индонезии представило доклад об общем положении беженцев.

II. ОБЩИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

A. Военная обстановка

Индонезийская республиканская армия (TRI) представляет собой слабо организованную военную силу с недостаточным числом подготовлен-

ных начальников. Большинство солдат — это необученная молодежь, из которой часть не имеет даже оружия и очень немногие одеты в надлежащую форму. Это — так сказать «регулярные войска», а кроме них есть еще «иррегулярные», которые из всей формы имеют иногда только фуражку и обувь. Эти «иррегулярные» части как-то организованы и находятся под контролем армии.

Военная обстановка печальна, и, хотя имеются тысячи индонезийцев в пределах нидерландской зоны, совершенно ясно, что никакого организованного сопротивления голландским войскам не оказывается и что индонезийцы формируют дозоры и мелкие отряды для нанесения при всякой возможности голландцам потерь. Нет признака наличия какого-либо иного оружия, кроме ручного.

Офицеры были согласны с тем, что при настоящих условиях невозможно сказать, кто первый открыл огонь, но они все согласны также с тем, что они открывают огонь по всякому движению нидерландских войск, так как не признают демаркационной линии, установленной г-ном ван-Мооком, и даже точно не знают, где она проходит.

В настоящее время у них нет исправных самолетов. Старшим из сопровождавших нас офицеров был командор воздушного флота, который не летал ни на какой другой машине кроме учебной, и он нам сообщил, что у индонезийцев нет ни одного вполне подготовленного военного летчика.

Нам показали здания и автомашины, которые будто бы были разбиты голландскими агрессорами, но в действительности повреждения были результатом японского саботажа в конце войны. Не было никаких признаков проведения политики сожженной земли.

За исключением первых двух дней после начала полицейских операций, потери оставались на своем обычном уровне (150-200 человек ежедневно).

В. Экономическое положение

Местность, по которой мы проезжали, выглядела чрезвычайно плодородной. Рис, сахар, табак, сладкий картофель и другие культуры продолжают выращивать обычным путем. Из многих сахарных заводов в этом районе работают только один или два из-за разрушения или увоза японцами всего оборудования.

Железная дорога в хорошем состоянии и движение поездов исправно.

Было отмечено, что индонезийская гражданская администрация все еще работает под руководством индонезийских властей в пределах демаркационной линии ван-Моока.

С. Политическое положение

Все должностные лица, которых мы встречали, как гражданские, так и военные, ненавидят голландцев. Нам сообщили, что со времени полицейских операций эта ненависть усилилась и не видно никаких признаков возможного примирения с голландцами. Индонезийцы сознают, что с военной точки зрения они не могут противостоять нидерландским вооруженным силам, но говорят, что они будут продолжать свое сопротив-

ление до тех пор, пока не добьются каким-либо образом удовлетворения своих политических притязаний. Они просто и безоговорочно верят в то, что их судьба будет решена Организацией Объединенных Наций. Много старших офицеров и гражданских должностных лиц высказали нам свое желание мирного разрешения этого вопроса и выразили свою веру в Организацию Объединенных Наций. Они очевидно хотят мира, но в настоящее время никак не согласны сотрудничать с голландцами.

На протяжении всей нашей поездки, о нашем посещении различных мест сообщалось заранее, хотя и незадолго, и вдоль всего пути люди собирались группами и все нас искренне приветствовали возгласами и жестами. Ясно было, что эти приветствия не были организованы заранее, кроме как, быть может, на некоторых железнодорожных станциях.

Население казалось счастливым и сытым, но явно нуждалось в одежде.

6-7 СЕНТЯБРЯ

В субботу 6 сентября мы посетили гражданский госпиталь в Джокьякарте. Госпиталь в хорошем виде и содержится исправно. В нем две палаты для военных пациентов (раненых), а в специальной палате помещались два голландских солдата (пленные). Мы имели частную беседу с этими солдатами и были заверены, что индонезийцы обращаются с ними вполне удовлетворительно. Для сообщения нидерландским властям были записаны их фамилии и все касающиеся их подробности.

В республиканском штабе мы справлялись о японцах, которые состояли или состоят на службе у республиканцев. По этому вопросу мы не смогли получить каких-либо определенных сведений, но имели беседу с одним японцем, который, как нам сказали, занимается чисткой машин. Из-за затруднений с языком, результатов беседа не дала. Власти заявили, что, ввиду значительного числа японских дезертиров на о. Ява, вполне вероятно, что некоторые из них действуют совместно с иррегулярными республиканскими частями, но не в виде организованных частей.

В 11 ч. 30 м. мы опять беседовали с президентом Республики и премьер-министром. Некоторые заключения, к которым мы пришли, были подвергнуты обсуждению, и президент с премьер-министром с нами согласились.

После полудня нас попросили принять представителей женской организации и организации молодежи и поговорить с ними. Мы приняла их, и нам были вручены письма для всех членов Комиссии. Во время разговора с этими представителями, мимо нас прошла демонстрация, растянувшаяся на три километра; ее участники несли антиголландские лозунги и знамена, призывавшие к свободе Индонезии.

В воскресенье 7 сентября утром мы посетили католическую и протестантскую церковь в Джокьякарте и убедились, что в Индонезии существует свобода вероисповедания. В католической церкви служба совершалась голландским священником.

В 8 ч. 30 м. утра мы вылетели на аэроплане из Джокьякарты в Батавию.

Республиканские власти вручили нам доклад о военной обстановке, содержащий обвинения против нидерландских властей, причем к докладу были приложены карты.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ

А. Заключение по части политической

1. Республиканское правительство ни в коем случае не согласится признать демаркационную линию, указанную г-ном ван-Мооком в его речи минувшего 29 августа, как разграничение зон ответственности между голландцами и индонезийцами за поддержание законности и порядка.

2. В ответ на заявление г-на ван-Моока от 29 августа, согласно которому Нидерланды разоружаются и распускают все свои вооруженные организации в том районе, за который они считают себя ответственными, республиканское правительство приказало, чтобы всякому передвижению голландских войск из положения, в котором они были в момент прекращения огня, было оказано сопротивление и чтобы они были атакованы.

3. Индонезийские должностные лица, с которыми нам приходилось встречаться, выражали свое крайне отрицательное отношение к голландским полицейским операциям, и их теперешнее настроение — явно антиголландское.

4. Республиканское правительство полностью полагается на Организацию Объединенных Наций в отношении разрешения этой проблемы.

5. Везде замечены признаки сильного националистического движения; индонезийский флаг развевался почти над каждым домом и куда бы мы ни пошли, нас приветствовали крики Merdeka (свобода). Нигде не было ни следа коммунистического флага и только изредка мы видели коммунистический приветственный жест.

В. Заключение по части военной

1. По сравнению с нидерландской военной организацией и оснащением, республиканская армия в посещенных нами районах безнадежно жалка в отношении организации, обучения и снаряжения.

2. Республиканские войска, как регулярные, так и иррегулярные, и некоторые штабы распо-

ложены в районе, подответственном Нидерландам, как это определил г-н ван-Моок.

3. Организованное сопротивление передвижениям голландских войск невозможно, а могут и будут иметь место только действия партизан и «вольных стрелков».

4. На основании сказанного в предыдущих пунктах приходится заключить, что в посещенных на восточной Яве районах соблюдение приказа о прекращении огня невозможно.

5. На основании сказанного в предыдущих пунктах совершенно невозможно, по нашему мнению, установить в районе восточный Явы, кто первый открыл огонь в нарушение приказа о прекращении огня, и к тому же было бы пустой тратой времени пытаться это выяснить.

С. Общие заключения

1. Положение республиканского правительства в настоящее время таково, что оно полностью отрезано от внешнего мира, если не считать радиосвязи и аэропланов, прибывающих в Джокьякарту с разрешения голландцев. В данный момент нет ни беспроволочной, ни телефонной связи с Батавией.

2. В районе, который мы посетили, гражданская администрация, предприятия общественного пользования, как железные дороги и госпитали, и сельское хозяйство как будто функционируют нормально, поскольку это допускает оборудование.

3. Имеется недостаток в материалах, одежде, медикаментах, но не в продуктах питания.

4. Импорт товаров с внешних рынков невозможен.

5. Моральное состояние народа стоит, повидимому, высоко; на нашем пути люди приветствовали Консульскую комиссию индивидуально и группами. Мы видели несколько примеров заинтересованности и достижений республиканского правительства в области социального попечения.

6. Свобода вероисповедания существует.

Э. РО

Генеральный консул Франции

Ч. ИТОН

Заместитель

генерального консула Австралии.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Доклад о посещении Восточной Явы генеральным консулом Австралии г-ном Ч. Итоном и заместителем генерального консула Соединенного Королевства г-ном Е. Т. Ламбертом, 9-13 сентября 1947 года

Батавия,
14 сентября 1947 г.

I. ОПИСАНИЕ ПОЕЗДКИ

Во вторник 9 сентября в 9 часов утра мы вылетели из Батавии и незадолго до полудня приземлились в Сурабайе. Мы навестили нидерландского командира дивизии «А» генерал-майора

де-Бруина, который любезно согласился вместе с г-ном ван-дер-Пласом, Resomba (правительственный комиссар по гражданским делам) Восточной Явы, в тот же самый день дать нам интервью. Во время этого интервью мы обсудили план трехдневной поездки по Восточной Яве и наметили ряд лиц, индонезийцев и голландцев, с которыми мы должны были встретиться по пути.

Первый день, 10 сентября, был потрачен на посещение районов Модюкерто и Маланга. В 6 ч. 30 м. утра мы выехали из Сурабайи под эскортом четырех джипов и в сопровождении командира бригады «Х» полковника ван-Меулена. После короткой остановки около плюза реки Брантас, мы направились в Модюкерто, чтобы переговорить с голландским резидентом и мест-

ными чиновниками, которые собрались в доме республиканского регента для нашей встречи. После этого мы проследовали в Ватудаком, — передовой пограничный голландский пост, — где беседовали с начальником поста. Следующая наша остановка была в Маланге, куда мы приехали через Поронг, Лаванг и Сингосари. Мост через реку Поронг был захвачен в неповрежденном состоянии нидерландскими силами еще в январе. В других местах на этом пути большая часть мостов была взорвана республиканцами и в настоящее время они восстанавливаются.

В Маланге мы завтракали с голландским резидентом и офицерами местного гарнизона, после чего нам была предоставлена возможность встретиться и переговорить с несколькими индонезийскими официальными лицами, включая республиканского резидента, и представителями китайского, арабского и англо-индийского населения.

Когда мы возвращались в Сурабайю, нам сообщили, что джип с тремя голландскими солдатами был обстрелян в ста ярдах от дороги, вскоре после того, как он миновал Сингосари. Мы продолжали путь и, доехав до указанного пункта, были также обстреляны, пули рикошетировали от деревьев, и мы вынуждены были укрыться на несколько минут в канаве около дороги. Никто не был ранен, мы не видели никаких признаков нападения и остальную часть нашего пути проехали без приключений.

В четверг 11 сентября рано утром мы опять выехали, в сопровождении нескольких джипов, из Сурабайи через Пасуруан в Проболинго. Мы были встречены там подполковником ван-Гийном, начальником штаба полковника Рулхофса, командира голландской бригады морской пехоты. После беседы с голландскими и индонезийскими официальными лицами и интервью с некоторыми республиканскими военнопленными мы проехали в Клаках, где стоял штаб бригады морской пехоты, заехавши по дороге в большую бумажную фабрику в Летисе. Полковник Рулхофс пригласил нас завтракать, и мы имели затем интересный разговор с одним из его офицеров разведывательной службы. Ночь мы провели в Леомадьянге, где нас устроили в доме голландского резидента.

Ночью мы были разбужены несколькими пулеметными очередями с соседнего оборонительного поста. Утром на наш вопрос нам сообщили, что огонь был открыт местными китайцами, которые были встревожены какими-то передвижениями. В некоторых частях Восточной Явы голландцы вооружили китайское население, чтобы дать им возможность защищать свою собственность от *ramprokkers* (мародеров) и помочь им оградить многочисленных китайских беженцев, опасавшихся репрессалий и всякого рода нападений. При обсуждении этого вопроса с представителем китайского населения в Диембере, нам сообщили, что китайское население очень довольно возможностью защищаться, но что в большинстве случаев оружие и аммуниция, которые им дают, недостаточно исправны.

Мы выехали из Леомадьянга в пятницу 12 сентября в 6 ч. 30 м. утра, позавтракали в Ситубондо и остановились в Дьятирото, где осмотрели крупный сахарный завод и госпиталь, а также в Диембере, где встретились и беседовали с местными

голландскими и индонезийскими должностными лицами. Вскоре после завтрака мы проехали через Пасирпутих — тот пункт на северном побережье, где в начале полицейских операций высадилась голландская морская пехота. Остаток нашего обратного пути в Сурабайю прошел без всяких событий, и мы ехали вдоль старого почтового тракта, построенного генералом Даенделсом в 1811 году через Бесуки и Проболинго. Вечером нас принимали и угощали коктейлями голландские гражданские и военные власти, после чего мы обедали в Симпантском клубе.

В субботу утром 13 сентября мы возвратились в Батавию самолетом. В силу необходимости мы совершили нашу поездку сравнительно быстро, так что у нас не было достаточно времени, чтобы облупить все наши впечатления. В общем мы покрыли расстояние в 500 миль, выезжали ежедневно на рассвете и ехали большей частью на джипе в составе запыленного транспорта. Везде, где мы останавливались, мы встречались с местными должностными лицами, как голландскими, так и индонезийскими, а часто только с одними индонезийскими. Мы нигде не видели попытки скрыть от нас что-нибудь, или затруднить выполнение нами нашей задачи; наоборот, нам предоставляли все возможности. Мы были бы признательны, если бы могла быть послана благодарность генерал-майору де-Брюину и г-ну ван-дер-Пласу за всю ту помощь, любезность и доброту, которую они проявили к нам во время нашей поездки.

II. СОБЛЮДЕНИЕ ПРИКАЗА О ПРЕКРАЩЕНИИ ОГНЯ

В декларации от 29 августа 1947 г. правительство нидерландской Индии отметило районы Явы, Суматры и Мадур, в которых оно признает свою прямую ответственность за сохранение законности и порядка, после окончания предпринятых 4 августа голландских полицейских операций. В то же время оно предложило различным республиканским должностным лицам и официальным учреждениям в этих районах продолжать выполнение своей работы в сотрудничестве с нидерландскими властями под общей ответственностью последних.

Голландское определение этих районов не было принято республиканским правительством, которое утверждает, что районы эти отмечены произвольно и не соответствуют положению, которое существовало в момент приказа о прекращении огня. Было заявлено, что вне тех немногих больших городов, которые были захвачены голландцами, и вдоль их коммуникационных линий до сего времени сохраняются республиканские гражданские и военные власти. Соответственно этому, население этих районов поощряется оказывать сопротивление попыткам голландцев обеспечить сотрудничество этого населения, а также атаковать всякую нидерландскую часть, вышедшую за пределы позиций, которые она занимала в момент объявления приказа о прекращении огня.

Голландцы в Восточной Яве стоят, таким образом, перед задачей, как добиться поддержки местного населения и, в то же время, обеспечить его защиту от репрессалий и других каратель-

ных мер со стороны республиканских сил и иррегулярных отрядов, над которыми, как они заявляют, — правильно ли или нет, — республиканское правительство не осуществляет более эффективного контроля. Поэтому целью голландцев является завершение в кратчайший срок операций по ликвидации остатков сопротивления на этой территории и недопущение дальнейшего просачивания республиканских вооруженных сил через демаркационную линию.

По нашему основательно продуманному мнению, при таких условиях и до тех пор, пока не будет достигнуто какое-либо удовлетворительное решение в отношении демаркационных линий, соблюдение приказа о прекращении огня совершенно невозможно ни той, ни другой стороной. В настоящее время военных действий в сколько-нибудь крупном масштабе нет, но постоянно происходят снайперство, засады, столкновения дозоров и другие инциденты, и совершенно не к чему стараться установить, чей был первый выстрел. С этой точки зрения задача наших военных наблюдателей должна быть сравнительно простой; поэтому вполне вероятно, что в недалеком будущем нам удастся получить подтверждение этой точки зрения военными экспертами.

III. УСЛОВИЯ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ В ОКУПИРОВАННЫХ РАЙОНАХ

А. Военная обстановка

В общем военная обстановка на Восточной Яве может быть охарактеризована, как достигшая значительного улучшения на севере и востоке и как мало, или почти совсем не изменившаяся на юге и юго-западе. В настоящее время в районе Сурабайи совершенно спокойно, в нем за последнее время не произошло никаких инцидентов. То же можно сказать о районе Бантьюанги и о районах, расположенных вдоль северного побережья, как например между Проболинго и Краксаан, где разоружение происходит мирным образом и население расположено к сотрудничеству. Далее вдоль берега на восток до нашего сведения доведено о нескольких случаях терроризации населения бандами иррегулярных войск, действующих из центра сопротивления в горах. Жертвами были большей частью китайцы, которые будто бы сотрудничали с голландцами или составили себе плохую репутацию в качестве мена. Как было сообщено, некоторые христиане, проживающие на Яве и Мадуре, также пострадали от рук «мусульманских банд».

В противоположность северному побережью, район Модикерто имеет более установившийся фронт. При нашем посещении голландского передового поста в Ватудакоме, нам пришлось перейти через мост, расположенный в нескольких сотнях ярдов от линий, которые были взорваны республиканскими войсками после приказа о прекращении огня. Офицер, командующий этим постом, сказал нам, что республиканские силы, находившиеся напротив, время от времени открывали минометный и пулеметный огонь и что высылались голландские патрули, чтобы заставить их замолчать. Имели также место случаи закладки мин, протягивания проволоки через дорогу с подвешенными на ней ручными грана-

тами и установки других мин-сюрпризов, но потери были незначительны и более серьезных боевых действий не происходило.

Нам сообщили, что в секторе Маланга недавно было несколько случаев ухода людей. Мы опрашивали мать и приятельницу одной из жертв, но не могли получить от них сколько-нибудь связного рассказа. В сущности никто из них не был свидетелем этого события и единственным доказательством, которое они могли привести, было то, что похищение сопровождалось большим шумом. Но нет никакого сомнения, в том, что в этом районе все еще продолжают грабежи, терроризация населения и просачивание извне. Сам город Маланг сильно поврежден. Многие из его лучших домов и зданий взорваны, сожжены или разграблены до основания отступавшими республиканскими силами, которые оставили после себя гнетущую картину этого, когда-то цветущего центра богатого сельскохозяйственного района.

Район к югу от Маланга и низменная полоса берега в направлении на Лумадьянг и дальше представляют собой большую проблему с военной точки зрения. Отряды республиканских войск и иррегулярные банды, действующие из партизанского укрепленного пункта, расположенного недалеко от Турена, постоянно просачиваются через нидерландскую линию обороны, грабят местное население, мешают доставке продуктов питания в города, устраивают засады, ставят мины-сюрпризы и т. п. и обстреливают голландские патрули, возвращающиеся на свою базу. Во время нашей поездки был таким образом убит голландский лейтенант, ехавший в своем джипе. В штабе бригады морской пехоты в Клаках офицер голландской разведывательной службы показал нам карту, на которой были нанесены все республиканские опорные пункты, известные в настоящее время нидерландским властям. Он сказал, что большинство опасных участков лежит между Малангом и районом, расположенным к югу от Лумадьянга, в то время как остальные опорные пункты вытянулись подобно длинному пальцу вдоль береговой линии, с несколькими отдельными пунктами, находящимися дальше в глубине страны по направлению к северу и северо-востоку. Он объяснил, что Tentara Nasional Indonesia (TNI) ³ и Badans (мусульманские банды, организованные партией Масьюми) действуют независимо друг от друга, но очень трудно их различить, так как очень немногие носят форму или какие-либо знаки различия, по которым можно определить, к какой части они принадлежат. Приказания получаются главным образом по радио из Джокьякарты, а также через посыльных от республиканских приемо-передающих центров. Хотя организация и тактические приемы республиканских войск за последнее время заметно улучшились, имеются признаки того, что они теряют поддержку туземного населения. Говоривший с нами офицер относил это главным образом к неудаче попытки, предпринятой партией Масьюми, вновь поднять мусульманское население Восточной Явы на священную войну против голландцев. Это произошло в конце августа, и с этого времени влияние республиканцев среди местного населения явно идет на убыль.

³ Индонезийская национальная армия.

В. Политическая обстановка

Главная проблема, которую голландские власти должны разрешить в политической области, — это вопрос об обеспечении добровольного сотрудничества населения. Во всех местах, где мы имели непосредственный контакт с индонезийскими должностными лицами, мы выяснили, что степень сотрудничества находится в прямой зависимости от той меры безопасности, которую могут предоставить голландские власти. Ramong Pradja (индонезийская гражданская служба) и Polisi Negara (общереспубликанская полиция) сохраняются голландцами и в районах, в которых восстановлен порядок, они работают хорошо. Республиканским политическим партиям также разрешается продолжать свое существование, и голландцы считают, что их деятельность значительно облегчает задачу администрации, поскольку они помогают обеспечить лучшее равновесие между традиционными консервативными взглядами старых феодальных начальников и более прогрессивными тенденциями более молодого и более политически мыслящего поколения индонезийцев. Каждый город имеет свой собственный Badan Perwakilan Rakyat (местный представительный орган), выбираемый всеми политическими партиями, и листовки, в которых дано разъяснение основным принципам демократического правительства, подготовлены и распределяются в городах и деревнях.

Во время нашего разговора с индонезийскими чиновниками мы задали им несколько вопросов. Довольны ли они существующими условиями. Были ли эти условия лучше или хуже до голландских полицейских операций? Каковы их отношения с местными нидерландскими властями и как относятся они к республиканскому правительству, находящемуся в Джокьякарте? Неизменным ответом было, что они недовольны существующим положением дел и что они не чувствуют себя дома. Они прежде всего республиканцы и хотели бы чтобы голландцы ушли из их страны, как только республиканцы могли бы сформировать собственные полицейские силы с достаточным количеством людей и снаряжения, чтобы взять на себя обязанности по поддержанию законности и порядка. Контроль, осуществляемый из Джокьякарты, был и будет вполне достаточный, при условии что уйдут нидерландские вооруженные силы. Больше всего они хотели бы иметь свой флаг и свою валюту. Они не побоялись бы поехать в Джокьякарту, если бы им была предоставлена эта возможность. Фактически они желали бы это сделать, чтобы облегчить свои затруднения. 6 августа республиканское правительство отдало всем своим должностным лицам и чиновникам, находящимся в оккупированных районах, распоряжение о том, чтобы они не сотрудничали с нидерландскими властями. Некоторые лица, особенно в Бондовозе, подчинились этому распоряжению и были освобождены голландцами от своих должностей. Однако в других местах это распоряжение было оставлено без внимания. Так например, в Модюкерто почти все сознательные индонезийцы в настоящее время искренне сотрудничают с нидерландскими властями. Многое зависит от личности и поведения заинтересованных лиц. Их положение, конечно, было чрезвычайно трудным, и моральные переживания, которые они перенесли, заслуживают

уважения. Теоретически они были служащими Республики, а между тем нидерландские власти запретили им непосредственно сноситься с Джокьякартой. Нам сообщили, что, хотя индонезийским чиновникам было запрещено иметь сношения с Джокьякартой, они практически могли это делать, пользуясь специальной линией, которая была оставлена открытой для них через Модюкерто и Диомбанг. Время от времени разрешалась также связь по телефону. Кроме того, правительство Нидерландской Ост-Индии платило им в никских гульденах, а не в республиканской валюте. Некоторые лица, которым это было под силу, отказывались совершенно от всякого жалования; другие получали вперед в размере половины жалования плюс десять никских гульденов в месяц в качестве ссуды от республиканского правительства. Голландский резидент в Модюкерто сказал нам, что в общем эта система функционирует хорошо, но, к несчастью, недостаток товаров (текстильных и др.) не дает возможности поглотить избыток выпущенных никских гульденов. В более отдаленных Kampongs (деревнях) люди боятся принимать голландские деньги из страха репрессалий. Никаких официальных расценок обмена никских гульденов и республиканских рупий на Восточной Яве не установлено.

Основываясь на наших впечатлениях, которые мы получили во время нашего путешествия, и из многочисленных разговоров, которые мы вели с голландскими и индонезийскими чиновниками на пути нашего следования, мы пришли к заключению, что необходимо соблюсти три основных условия, чтобы нидерландские власти сумели получить полное доверие и сотрудничество индонезийского населения Восточной Явы. Прежде всего индонезийское население должно получить какую-то определенную уверенность в том, что день их свободы и независимости недалек. Первым ободряющим шагом в этом направлении было бы разрешение выставлять республиканский флаг над их конторами и государственными учреждениями. Во-вторых, нидерландские власти должны дать заверение в том, что экономическое положение, которого индонезийцы достигли в жизни страны за несколько последних лет, будет уважаться и что в экономической области против них не будет проводиться никакой дискриминации. В-третьих, должны быть обеспечены личная безопасность и сохранность имущества от всяких возможных репрессалий. По нашему мнению, это лучше всего может быть сделано путем обучения и снаряжения в кратчайший срок индонезийской полиции, которая возьмет на себя ответственность за соблюдение законности и порядка. Как нам известно, по этой части уже производится с большим успехом опыт на Мадуре, где голландский Resomba (правительственный комиссар по гражданским делам) недавно заключил на Восточной Яве соглашение с республиканским резидентом.

С. Экономическое положение

На Восточной Яве имеются налицо признаки экономического восстановления. Хотя было разрушено много фабрик, в большинстве мест мельницы стали вновь работать; район производства риса вокруг Сидоардио, так сильно пострадавший в начале этого года от того, что были от-

крыты шлюзы на реках Брантасе и Поронге, в настоящее время поднят и заново засеян; продуктов питания сравнительно много, и пути сообщения улучшаются по мере постепенного наведения порядка в стране. Крупный сахарный завод в Диатирото, на котором до войны работало более 23 000 человек, возобновит, как предполагается, работу в начале следующего года. Многие из служащих этого завода, которые бежали с приходом первых голландских войск, возвратились обратно, и 800 человек уже вновь нанято. Имеющаяся здесь больница тоже функционирует хорошо под индонезийским управлением. Бумажная фабрика в Летиесе, на которой до войны работало 300 человек и которая в месяц давала 400 тонн бумаги, снова будет пущена в ход не позже чем через шесть месяцев. Республиканские силы пытались ее разрушить, но во время подоспели голландские морские пехотинцы, которые потушили огонь и спасли фабрику от серьезных повреждений. Экспериментальная сахарная станция в Пазуруане все еще стоит, но ее библиотека полностью сгорела. Крупные разрушения произведены в Маланге и других меньших городах, которые мы посетили. Мосты находятся в стадии восстановления и сообщения вообще улучшаются.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЯ

а) Приказ о прекращении огня

Ясно, что ни голландские, ни индонезийские вооруженные силы не могут соблюдать приказ о прекращении огня, ввиду тех инструкций, которыми они обязаны руководствоваться.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Доклад генерального консула Китая
г-на Цзя-тун Цзян и генерального кон-
сула Бельгии г-на П. Вандерстихелена
о их поездке в Буйтензорг, Тыбадак,
Сукабуми и Тасикмалаю

Батавия,
14 сентября 1947 г.

1. БУЙТЕНЗОРГ

Мы выехали из Батавии 10 сентября 1947 г. в 9 ч. утра и проследовали в Буйтензорг автомашиной. Там мы посетили штаб первой бригады дивизии «7 декабря» и были встречены полковником Томпсоном и офицерами его штаба.

Нам было сказано, что в весьма обширном районе, в котором действует бригада, ликвидация остатков сопротивления индонезийских войск (Tentara Nasional Indonesia (TNI)⁴, Ласкиар, Хизбулла и др.) идет очень быстро и будет закончена в течение ближайших двух или трех месяцев. Большинство республиканских войск, состоящих главным образом из иррегулярных отрядов, пытается пробраться через демаркационную линию (установленную г-ном Ван-Мооком) в Бантам, где в данный момент повидимому сосредоточены значительные индонезийские силы.

⁴ Индонезийская национальная армия.

б) Заключение по части военной

Военная обстановка неопределенна из-за того, что республиканские силы продолжают вести военные действия в районах, где нидерландские власти считают себя в настоящее время ответственными за поддержание законности и порядка. Политика сожженной земли, принятая индонезийцами, проводилась ими в широких масштабах и повлекла за собой большой ущерб для частной собственности, нарушение нормального обслуживания всех видов и расстройство сообщений.

с) Заключение по части политической

В районах, занимаемых нидерландскими властями, делается серьезная попытка склонить индонезийских должностных лиц к продолжению выполнения административных функций, но только под голландским контролем и без всяких сношений со штабом республиканцев в Джокьякарте. Административные функции выполняются этими лицами настолько хорошо, насколько это возможно при данных обстоятельствах, но без особого энтузиазма.

д) Заключение по части экономической

Пищевых продуктов достаточно, но ощущается серьезный недостаток в текстильных товарах, а также нехватка медикаментов для индонезийских госпиталей.

Ч. Итон,
Генеральный консул Австралии
Е. Ламберт,
Заместитель генерального консула
Соединенного Королевства

В Буйтензорге восстановлена нормальная жизнь: в самом городе нидерландских войск почти нет, а порядок поддерживается небольшим отрядом гражданской полиции, состоящим из индонезийцев. Явайский мэр управляет муниципальными делами.

II. ТЫБАДАК

В Тыбадаке мы виделись с контролером г-ном Хаммом; в районе, которым он ведает, насчитывается около 125 000 жителей. Население сотрудничает в деле административного и экономического восстановления, но весьма обеспокоено вымогательствами 200, приблизительно, террористов, все еще орудующих в этом районе; среди них можно все еще найти несколько японцев. Жители требуют оружия, чтобы иметь возможность защищать селения от еженощных набегов этих террористов.

Мы присутствовали на еженедельном заседании всех сельских старшин в этом округе, каковых было человек сорок. На этом заседании председательствовал Wedana и четыре его помощника. Нам дали возможность опросить этих людей, причем при опросе не присутствовали голландцы — ни военные, ни просто граждане.

В результате этих опросов выяснилось, что единственное желание населения — это работать в мире и безопасности, не боясь грабежей и на-

сий. На вопрос, что обычно делают жители, когда в деревню приходят террористы, последовал ответ, что об этом бояться донести нидерландским властям.

Нам сообщили, что в некоторых деревнях значительный процент мужского населения был депортирован японцами в качестве *romushas* и что эти люди так и не вернулись. В результате этого набора подневольных рабочих и из-за высокой смертности, вызванной малярией, которая свирепствовала во время японской оккупации, условия чрезвычайно неблагоприятны (в одном *kampong* здоровым остался только один человек).

Представители китайской общины в Тыбадаке сообщили следующее:

«С 11 ч. ночи 21 июля 1947 г. индонезийцы стали поджигать китайские лавки и дома, причем уничтожили тридцать восемь зданий, включая три товарных склада. Разрушения в окрестностях Тыбадака весьма значительны: уничтожены дома, лавки, склады и фабрики, из которых лишь немногие важны с военной точки зрения. Когда индонезийцы начали эти поджоги, они велели населению оставаться в домах, но нам удалось уйти через черный ход. Вот каким образом нам повезло остаться в живых.

Голландцы прибыли между 2 и 3 часами дня 22 июля. После этого индонезийцы все еще пытались проникать в этот район с целью грабежей и поджогов.

В течение двух лет республиканского управления республиканские войска вымогали от китайского населения все, что хотели. Китайская ассоциация (*Chum Hua Tsung Hui*) вынуждена было договориться с республиканскими войсками и другими организациями о крупных взносах, чтобы избежать личного вымогательства».

В противоположность мирному и спокойному отношению населения в районах, находившихся в руках Нидерландов с конца 1946 года, бросается в глаза запуганное состояние и робость населения тех районов, в которых лишь недавно восстановлена власть Нидерландов.

Мы могли повсюду наблюдать разрушения, причиненные без всякой военной цели республиканскими войсками — регулярными и иррегулярными — повсюду, где они отступали. Мы были свидетелями того, как фабрики по обработке каучука, тапиоки и чая, а также рисовые заводы сжигались дотла, и нас даже уверили, что была совершенно уничтожена сельская школа. Уничтожено было много плантаций, причем деревья либо срубались, либо с них сдиралась вниз кора.

III. СУКАБУМИ

Мы выехали из Тыбадака в 3 ч. дня и прибыли в Сукабуми в 4 ч. того же дня. Там мы познакомились с командующим нидерландскими войсками Оверате ван-Лео, помощником резидента Вемпе и индонезийским регентом Раден Хильман Дияадинингратом, после чего беседовали с представителями китайского населения, которые сообщили нам следующее:

«Около 7 ч. утра 21 июля 1947 г. индонезийские войска и полиция заняли все перекрест-

ки и прекратили допуск индонезийцев в город. Три представителя китайской ассоциации (*Tsung Hui*) были посланы к командующему республиканской армией с просьбой не уничтожать китайского имущества. Начальник штаба принял их и заверил, что республиканская армия будет охранять жизнь и имущество всех проживающих в Сукабуми иностранцев. Тем не менее, приблизительно в 9 ч. утра, индонезийцы приступили к разрушениям, начав с почтовой конторы и перейдя затем к большей части китайских домов. Как индонезийская полиция, так и войска, к которым присоединилось с десяток японцев, приняли участие в этом разрушении. Сначала они выгнали всех жителей из домов, а затем подожгли эти дома с помощью бензина и бомб. В то же время происходил грабеж. Этот разгром продолжался до 7 ч. вечера того же дня, когда индонезийцы пустились бежать при приближении нидерландских войска, вступивших в Сукабуми в 8 ч. вечера. Удалось, при помощи взяток, спасти некоторые здания. К счастью человеческих жертв не было и китайцам не пришлось эвакуироваться.

Положение в Сукабуми и его окрестностях после нидерландской оккупации все еще довольно опасно. Китайцы весьма обеспокоены из-за террористов, действующих даже в непосредственной близости города. Они часто проникают даже в самый город. Индонезийцы угрожают населению, распуская слухи, что если республиканская армия вернется, то будут перебиты все китайцы, и поэтому китайцы просят, чтобы их безопасность была обеспечена до отхода нидерландских войска.

В настоящее время в Сукабуми имеется приблизительно 1 800 китайских беженцев, из числа которых 300 проживали в соседних районах. Главное затруднение, которое они испытывают, заключается в недостатке риса. Пак риса, выдаваемый нидерландским Красным Крестом, состоит только из одной унции на человека в день.

До того, как индонезийцы начали все разрушать, все китайские торговцы, как торговцы чаем или каучуком, должны были объявить свои товары индонезийскому правительству. После этого власти отметили все места, где хранились эти товары, чтобы ускорить дело разрушения».

Мы объехали Сукабуми и убедились в нанесенном ущербе. Помимо некоторых официальных зданий, китайское имущество, уничтоженное в Сукабуми, исчисляется в 296 лавок, 5 текстильных фабрик, семь рисовых заводов и 25 торговых складов. Мы посетили также Тыпаненга — город, расположенный приблизительно в 4 километрах от Сукабуми, где 9 сентября, т. е. за день до нашего прибытия, были сожжены дотла, среди белого дня, рисовый завод и ткацкая фабрика. В этот день индонезийцы ограбили дом г-жи Тан Тек Ли и убили ее и ее зятя.

Что касается администрации, то имеются следующие сведения на основании заявлений индонезийского регента Радена Дияадининграта и представителя *Resomba*.

24 июля 1947 г. в Сукабуми прибыла гражданская администрация, установленная нидерландскими властями в округе Сукабуми и состоящая из представителей *Resomba*, департамента социальных дел (который также заведует Красным Крестом), департамента экономических дел, финансов, транспорта, ирригации и др.

Во второй половине того же дня представитель Resomba (помощник резидента Вемпе) вошел в контакт с республиканской городской администрацией, а на следующее утро — с республиканской администрацией регентства.

После нескольких предварительных совещаний, в ходе которых было выражено решительное намерение нидерландского правительства создать возможно скорее надлежащую индонезийскую администрацию в этих районах, в рамках Лингаджатского соглашения, все бывшие республиканские должностные лица заявили, что они готовы принять участие во временных органах управления на благо страны и народа до тех пор, пока народ не выберет новую форму правления и возглавляющих правительство лиц.

Таким образом, основные виды обслуживания, как например, ирригация, ветеринарное обслуживание, информационное обслуживание по сельскохозяйственным вопросам, рыбные промыслы, муниципальное обслуживание, санитарное обслуживание и работа в области просвещения будут обеспечены, и тем временем может быть принята совместная работа по восстановлению.

После 4 августа (дата приказа о прекращении огня) многие индонезийские должностные лица вернулись на свои посты, но сразу выяснилось, что все, кто сотрудничает с голландцами, находятся под угрозой быть убитыми отдельными группами TNI (Индонезийская национальная армия).

Похищение 6 августа индонезийского мэра в Сукабуми — Раден Сурна Худайа (впоследствии спасенного голландскими войсками близ Ньяилиндунга), а также изданное республиканским министром внутренних дел запрещение сотрудничать каким бы то ни было образом с голландцами, сделали эти угрозы настолько реальными, что большинство этих должностных лиц немедленно прекратили свою работу, оставив население на произвол судьбы.

В то время как принимались меры к продолжению административной работы совместно с новыми индонезийскими должностными лицами или, если надо, то и без них, нидерландским властям удалось 9 августа привлечь всех их обратно на службу, отдав им о том официальный приказ.

Необходимо было продолжать в этом духе, чтобы освободить этих людей от всякой ответственности в отношении Республики, чье предсудительное отношение к стране и населению вызвало осуждение со стороны большинства.

До настоящего дня, за немногими лишь исключениями, они все еще продолжают работать. Индонезийский регент далее заявил, что республиканцы не могут оградить различные группы населения, будь то китайцев, европейцев, арабов или индонезийцев, от вымогательств своих же войск как регулярных, так и иррегулярных. Из-за вымогательств, производимых экстремистами, мнение масс населения обращается против Республики. Кроме того, политическая агитация, чрезвычайно активная при республиканском режиме, теперь совершенно прекратилась.

Мы выехали из Сукабуми в 2 ч. 30 м. дня через Тьяндюор. На всем пути от Батавии до Сукабуми и обратно мы наблюдали во многих местах работу по починке дороги и почти не замечали передвижения воинских частей.

Мы вылетели из Батавии 12 сентября 1947 г. в 8 ч. утра и прибыли в Бандунг в 8 ч. 30 м. утра. Нас приняли представитель Resomba Западной Явы г-н Морсинк и резидент Бандунга г-н ван-дер-Харст. Решили слетать в Тасикмалайю на особом самолете, предоставленном нидерландскими властями, и снова вернуться в Бандунг во второй половине дня, с тем чтобы посетить соседние районы. Мы вынуждены были лететь в Тасикмалайю, так как дорога между Бандунгом и Тасикмалайей не была безопасна.

Мы вылетели из Бандунга в 9 ч. утра и прибыли через полчаса в Тасикмалайю, где нас принял контролер и представитель военного командования. В 9 ч. 45 м. утра г-н Цзян пошел повидаться с представителями китайской общины в Тасикмалайе, а г-н Вандерстихелен остался для беседы с офицерами и некоторыми люксембургскими гражданами. Ниже следует доклад китайских представителей:

«Положение в Тасикмалайе во время республиканского режима было всегда трудным, нам не разрешалось переписываться на китайском языке. Индонезийские войска отбирали у нас дома и товары, когда им это приходило в голову. После 21 июля 1947 г. мы каждый день со страхом ждали, что военные действия распространятся в нашу сторону, но ничего не произошло. 3 августа в 4 ч. дня республиканские военные власти приказали нам собраться в шести домах. Никакого грабежа тогда не было. В 1 ч. ночи республиканские войска начали уничтожать сперва правительственное имущество, а затем китайские лавки и дома. Тотчас же наши представители попросили республиканские власти не сжигать всего, и они согласились оставить небольшой участок в качестве зоны безопасности. Большинство домов и лавок вне этой зоны подверглось сперва разграблению и затем было сожжено. Нам не разрешили ничего спасти под угрозой расстрела на месте. Всего было сожжено 225 китайских домов, включая китайские школы, но дома в зоне безопасности остались нетронутыми. Путем взяток удалось спасти некоторые другие здания. За неприкосновенность зоны безопасности китайская ассоциация заплатила более 60 000 рупий.

Пожары продолжались до прихода нидерландских войск 9 августа. Сопrotивления не было, индонезийцы бежали в горы. Все продовольственные продукты, находившиеся в китайских лавках, были уничтожены огнем, так что в Тасикмалайе ощущается большой недостаток съестных припасов. Индонезийцы не приходят в город продавать пищевые продукты питания, и мы зависим исключительно от помощи извне.

Ежедневно в город проникают индонезийцы, грабят и сжигают все, что могут. Многих китайцев, исчезнувших из соседних с Тасикмалайей мест, до сих пор не нашли. Дорога между Тасикмалайей и Бандунгом находится под постоянным обстрелом республиканских войск, и проходить могут только военные транспорты под конвоем».

Мы объехали город и увидели, что за немногими исключениями сожжен и весь европейский квартал. Пока мы находились в городе, были разрушены два дома. По словам командующего нидерландскими войсками в Тасикмалайе, потре-

буется от трех до шести месяцев для того, чтобы очистить находящийся в его ведении район от экстремистов. Индонезийцев не видно нигде. Поля оставлены на произвол судьбы, и, хотя пришло время убирать богатый урожай риса, индонезийские войска, находящиеся в соседних районах, не позволяют населению вернуться.

Мы вернулись в Бандунг на аэроплане, так как военные власти советовали нам не пользоваться дорогой. Мы прибыли в Бандунг около 2 часов дня и почти немедленно выехали автомашиной в Пенгаленган. Мы посетили Пенгаленган и Ты-

видей, вернулись в Бандунг в 6 ч. 30 м. вечера. В Пенгаленгане мы видели развалины большой фабрики чая и хинина. На полях работало очень мало людей, и почти все дома, мимо которых мы проезжали, были закрыты.

Мы прилетели обратно в Батавию на следующее утро и прибыли в Кемайоран в 9 ч. 45 м. утра.

П. ВАНДЕРСТИХЕЛЕН
Генеральный консул Бельгии
ЦЗЯ-тун ЦЗЯН
Генеральный консул Китая

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

Посещение Джокьякарты генеральным консулом Соединенного Королевства г-ном Ф. М. Шепердом и генеральным консулом Соединенных Штатов г-ном Ч. А. Ливенгудом

Батавия 20 сентября 1947 г.

Мы прибыли на аэродром Джокьякарты в 10 ч. 45 м. утра 17 сентября и были там встречены заместителем премьер-министра г-ном Сетиади-том и разными другими должностными лицами республиканского правительства.

В течение утренних часов мы были приняты во дворце президентом и премьер-министром. Ввиду того что в районы, где происходили беспорядки, были уже командированы военные наблюдатели, мы предпочли ограничить ту часть нашей работы в Джокьякарте, которая была связана с деятельностью Консульской комиссии, исследованием существующих условий в районе, находящемся под управлением республиканского правительства. После того как об этом нашем желании было доведено до сведения премьер-министра, для нас было устроено позже днем интервью, на котором присутствовало не менее тринадцати членов кабинета. Нам было предложено задавать собравшимся любые вопросы.

Мы уже знали, что с республиканской точки зрения прекращение огня означает, что войска должны не только прекратить стрельбу, но и оставаться там где они находятся. Это, конечно, относилось как к нидерландским, так и к индонезийским войскам, и из этого следовало, что если бы нидерландские войска стали приближаться с враждебными намерениями к индонезийским позициям, то это давало бы индонезийцам право защищаться. Таково было фактическое положение вещей. Несмотря на то, что некоторые индонезийские части были расположены в пунктах, находившихся за демаркационной линией ван-Моока (которую Республика не признает), республиканское правительство признало за голландцами право свободного пользования дорогами, связывавшими их оборонительные пункты, но лишь при условии, чтобы это были пункты, бывшие в их руках в тот день, когда был отдан приказ о прекращении огня. Ввиду запутанного расположения нидерландских и индонезийских войсковых частей, Республика считала, что попытка установить определенную демаркационную линию представляет собой неразрешимую задачу.

Мы подняли вопрос о функционировании гражданской администрации в районе, занятом нидерландскими войсками в результате полицейских операций, и в районах, являющихся спорными вследствие установления демаркационной линии ван-Моока. Правительство Республики заявило, что голландцы уничтожают республиканское гражданское управление, имея в виду уничтожение в будущем и самой Республики. Присутствующие на этом собрании подтвердили, что, по их мнению, республиканские гражданские учреждения постепенно ликвидируются и что вследствие этого индонезийским гражданским должностным лицам было отдано распоряжение не сотрудничать с голландцами. Мы высказали мнение, что быть может удалось бы смягчить до некоторой степени существующее озлобление, если бы можно было прийти с нидерландскими властями к тому или иному соглашению об обеспечении функционирования гражданской администрации в спорных районах. Министры были повидимому склонны думать, что такая возможность не исключена, но указали на некоторые затруднения в связи с обеспечением продолжительности службы и уплаты жалованья; они указали также на то, что республиканским должностным лицам должно быть дано право вывешивать республиканский флаг и что школам и другим учреждениям должно быть разрешено петь республиканский национальный гимн.

Единственный еще вопрос, который был тогда затронут в связи с приказом о прекращении огня, был вопрос, касавшийся политики сожженной земли. Индонезийцам было указано, что результаты этой политики будут более пагубными для самой Республики, чем для кого-либо другого. Министры не были в состоянии полностью опровергнуть это утверждение, но заявили, что они твердо решили проводить скорее эту политику, чем допустить продвижение нидерландских войск к Джокьякарте, так как считают, что принцип свободы более важен, чем любые экономические убытки, могущие произойти вследствие уничтожения плантаций. Один из министров указал, что население Явы может существовать в тех же более или менее сносных условиях, к которым оно привыкло в прошлом, без участия иностранных владений в их народном хозяйстве. В связи с этим мы посетили на следующий день сахарную плантацию и обнаружили, что в здании управления были сложены дрова и все было подготовлено для его уничтожения огнем, хотя нас уверяли, будто бы приняты меры к тому, чтобы завод взорвать. У нас создалось впечатление, что администрация пришла на самом деле к непоколебимо-

му решению применить политику сплошного уничтожения, если голландцы поведут наступление на Джокьякарту.

Министры жаловались на изолированность страны от остального мира, на нидерландскую морскую блокаду, на вызванное этим прекращение ввоза, в особенности текстиля и шин, а также на испытываемые правительством при проведении рациональной экономической политики затруднения, ввиду невозможности вывозить имеющееся на складах сырье.

Что касается условий жизни в столице Республики и в ее окрестностях, то уместно упомянуть, что там в известной степени наблюдается состояние, которое можно было бы назвать «военной горячкой». Несомненно, что Джокьякарта является центром непоколебимого решения создать свободную республику и воодушевления, с которым

встречена мысль о создании подлинного индонезийского правительства. Очевидно также, что это воодушевление старательно поддерживается и что, ввиду этого положения вещей, всякая уступка со стороны Республики требует величайшей осмотрительности.

Что касается всего остального, мы могли лишь подтвердить замечания, сделанные г-ми Итоном и Ро в их докладе от 7 сентября (Приложение I), поскольку эти замечания относятся к положению в Джокьякарте.

Ч. А. Ливенгуд
Генеральный консул
Соединенных Штатов Америки

Ф. М. Шеперд
Генеральный консул
Соединенного Королевства

ПРИЛОЖЕНИЕ V

Доклад генерального консула Франции г-на Э. Ро, генерального консула Австралии г-на Ч. Итона и заместителя генерального консула Соединенного Королевства г-на Е. Т. Ламберта о поездке на Суматру от 16 по 21 сентября 1947 года

I. МАРШРУТ

Вылетев из Батавии во вторник 16 сентября, рано утром, на самолете Дакота королевского военно-воздушного флота, мы проследовали по следующему маршруту:

16 сентября: Палембанг. Посещение нефтеперегонного завода BPM⁵ в Пладью и завтрак с техническим директором. Вечером беседовали с местными голландскими и индонезийскими должностными лицами, а также с представителями китайских и британско-индийских общин.

17 сентября: Паданг. По прибытии были встречены в ратуше нидерландскими гражданскими и военными властями. После завтрака посетили местный рынок, текстильную фабрику и госпиталь, а затем отправились на цементный завод в Индаронге, в 14 километрах от Паданга. Вечером беседовали с индонезийским мэром и с китайскими и британско-индийскими представителями.

18 сентября: Букит Тинги (Форт-де-Кок). В 11 ч. утра прием у вице-президента Индонезийской Республики г-на Мохаммеда Хатта, после чего беседа с китайскими и британско-индийскими представителями и посещение местного госпиталя, а также женской средней школы. Перед завтраком, у дома вице-президента, мы были свидетелями массовой манифестации. Нас приветствовали члены Национального комитета. После полудня мы посетили местный рынок, а затем проехали в Паданг Пандьянг, чтобы осмотреть дом Адата и школу изящных искусств. Сопровождавшие нас два британских военных наблюдателя посетили участок республиканского фронта вблизи Солока.

19 сентября: Медан. По прибытии туда беседовали с нидерландскими гражданскими и военными властями. После завтрака посетили госпи-

таль в Бинджей и Танджонг Морава (Сенембах Май). По возвращении беседовали с индонезийскими должностными лицами, из которых некоторые сотрудничали с голландцами, тогда как другие отказались это делать. Военные наблюдатели посетили фронт около Брастаги.

20 сентября: Сингапур.

21 сентября: Возвращение в Батавию, куда прибыли около полудня.

II. ПАЛЕМБАНГ

A. Политическое положение

Нидерландский резидент в Палембанге г-н Вайнмален сообщил, что 21 июля, т. е. в день когда начались полицейские операции, республиканскому вице-губернатору Суматры г-ну Иса и примерно 6 000 его коллег было предложено оказать свое сотрудничество в поддержании законности и порядка под руководством нидерландских властей. Они согласились на временных началах, впредь до получения соответствующих указаний от республиканского правительства. Таким образом, работа администрации продолжала идти без перебоев кроме нескольких случаев, когда республиканские агенты прибегали к запугиванию и обструкциям. Так продолжалось до 21 августа, когда республиканский премьер-министр г-н Шарифуддин отдал по радио всем республиканским должностным лицам распоряжение прекратить сотрудничество с голландцами. Около двух третей должностных лиц, в том числе г-н Иса, немедленно подчинились этому распоряжению, но с тех пор многие из них вернулись к исполнению своих обязанностей под нидерландским управлением. Они это сделали по следующим соображениям:

а) потому что не имели других средств к существованию,

б) потому что их привлекала голландская система рационалирования продуктов, одежды и др.,

с) ввиду интереса, который в них возбужден появившимся среди местных жителей новым движением (см. ниже стр. 29).

Резидент добавил, что тем временем г-н Иса был подвергнут домашнему аресту. Голландцы

⁵ Bataafsche Petroleum Maatschappij.

улучили его в посылке финансовой помощи (65 000 японских рупий, что составляет 3 250 гульденов Нидерландской Ост-Индии) республиканским войскам, не имевшим денег и продовольствия. Мы попросили о свидании с г-ном Иса, который изложил нам свое дело. Он подтвердил отчет резидента о происшедших после 21 июля событиях и объяснил, что до радиосообщения г-на Шарифуддина он старался исполнять роль «посредника» между нидерландскими властями и своими соотечественниками. Он добавил, что нидерландские власти ввели закон о трудовой повинности и что некоторые из тех, которые отказались ему подчиниться, были интернированы. Несколько человек было сослано в Тандьонг Каранг, в округе Лампонгс. Их довезли до границы, откуда они проделали всю остальную часть пути пешком. Он признал, что сам старался оказать помощь Tentara Republik Indonesia (TRI)⁶, войсковые части которой действовали у пограничной линии вблизи Прабумули и ощущали недостаток в рисе и в деньгах. Его коллега, министр по делам Ислама, также находился под домашним арестом, но с ними обоими хорошо обращались и им было разрешено пользоваться радиоприемником.

В. Военная обстановка

Более подробный доклад о военной обстановке в различных посещенных нами частях Суматры составлен сопровождавшими нас в нашей поездке двумя британскими военными наблюдателями и приложен к настоящему докладу.

С. Экономическое положение

Нефтеперегонные заводы в Пладью и Сунгай Геронге расположены к востоку от Палембанга на правом берегу реки Музи, а неочищенная нефть перекачивается туда по трубам из нефтяных источников, находящихся к западу и северу от Палембанга, т. е. на территории, занятой теперь нидерландскими войсками. Посещенный нами нефтеперегонный завод в Пладью (BPM: Bataafsche Petroleum Maatschappij) возобновил работу 1 октября 1946 г., имея примерно одну треть своего довоенного оборудования, но можно ожидать, что к концу года его полная производительность будет восстановлена. В настоящее время завод производит бензин, керосин, горючее масло и тяжелую нефть; через несколько месяцев он начнет также производство авиационного горючего. Со времени полицейских операций неочищенная нефть доставлялась из нефтяных источников в Прабумули, что вместе с нефтью, получаемой из Мири на Борнео, устранило необходимость доставки таковой танкерами со Среднего Востока. Нидерландские власти опасались, что нефтяные источники будут сильно повреждены, но когда их войска прибыли туда 21 июля, они их нашли почти нетронутыми. Но через два дня четыре небольших источника были подожжены республиканскими иррегулярными отрядами, действовавшими вблизи Пендопо; эти пожары были очень быстро потушены. Равным образом были некоторые попытки саботажа в нефтяных источниках Таланг Дьима вблизи Прабумули, и находящаяся там электростанция BPM была сильно повреждена японцами перед их капитуляцией.

⁶ Индонезийская республиканская армия.

В настоящее время нет серьезных рабочих конфликтов. Нефтяные источники хорошо охраняются и примерно 7 000 индонезийских рабочих были снова приняты на службу. Абсентеизм упал с 5 до 1,5 процента. Почти весь высший технический персонал перешел к республиканцам, которые предлагают более заманчивые оклады и должности, и, чтобы пополнить наблюдающуюся в этом отношении нехватку, компания была вынуждена выписать некоторое количество квалифицированного персонала из Нидерландов.

Угольные копи в Букит Асем не были повреждены, а только было уничтожено несколько ценных трансформаторов. В них возобновилась работа и около трех тысяч индонезийских рабочих были снова приняты на службу. Продукция в настоящее время составляет 750 тонн в день, вместо довоенной продукции в 3 000 тонн. Вопрос транспорта представляет затруднения, и железнодорожную линию в Муара Эним приходится постоянно охранять от актов саботажа и нападения партизанских банд.

В настоящее время в Палембанг приходится ввозить продовольствие. До начала полицейских операций рис ввозился из Сингапура в обмен на местный каучук. Этот ввоз теперь прекратился и, ввиду того что некоторые из районов, где лучше всего произрастает рис, находятся вне территории, занятой голландцами, продовольственное положение в настоящий момент не очень благоприятно. Но положение с одеждой все же лучше, чем на Яве. Нидерландская блокада не отразилась на экспорте каучука, так как 95 процентов последнего производится туземцами и не поступает с плантаций, принадлежащих европейцам. В течение первого месяца после полицейских операций экспорт каучука был запрещен, но теперь он снова возобновился. Имеющиеся в занятом голландцами районе четыре каучуковые плантации, если и пострадали, то очень мало, а до 21 июля в китайских руках имелись запасы каучука, достигавшие примерно 3 500 тонн. Эти запасы постепенно вывозятся, одновременно с другими небольшими количествами каучука, добываемого внутри страны, а взамен ввозятся текстильные товары. Пальмовые плантации в этом районе сильно пострадали. Дороги находятся в очень плохом состоянии, но восстановлено регулярное железнодорожное сообщение между Палембангом и Муара Эним, с ветками на Лахат и Бату Радья.

III. ПАДАНГ

А. Политическое положение

Нидерландский резидент г-н Л. Б. ван-Стратен нам сообщил, что с начала полицейских операций никаких беспорядков в пределах, ограниченных новой демаркационной линией, не происходило. Республиканский «нагар» (мэр) г-н Хаким и несколько местных должностных лиц были 21 июля арестованы, задержаны в течение нескольких дней и затем отправлены в Форт-де-Кок. Республиканская полиция из семидесяти пяти человек была разоружена и интернирована. Тринадцать из них были с тех пор отобраны и служат теперь в голландской полиции, тогда как остальные было разрешено отправиться в Форт-де-Кок. Неко-

торые отправились туда добровольно, а остальные сделали это лишь под давлением, так как их семьи и родственники находились во внутренней части страны. 6 августа 1947 года в доме резидента было собрание, на котором присутствовали все оставшиеся на месте республиканские должностные лица, учителя, врачи и т. д. Им было сказано, что нидерландские власти не имеют намерения восстановить прежнюю колониальную систему, а желают лишь облегчить возможность выполнения Лингаджатского соглашения. На этом собрании республиканский мэр г-н Хаким был избран на место бывшего республиканского мэра г-на Азиз-хана, убитого из засады во время посещения им фронта вместе с двумя голландскими офицерами незадолго до начала полицейских операций. Мы интервьюировали г-на Хакима, но было весьма трудно добиться от него последовательного изложения фактов или хотя бы понять, чему он действительно сочувствует. Он заявил, что в душе он убежденный республиканец, но он открыто сотрудничает с нидерландскими властями и признал, что ему угрожали похищением. Жалованья от правительства Нидерландской Ост-Индии он до сих пор не получал. Он нам сказал, что те индонезийцы, которые сотрудничают с голландцами и семьи которых находятся во внутренней части страны, подвергаются угрозам и другим видам запугивания, в виде, например, развешивания на деревьях плакатов, в которых им угрожают различного рода наказаниями после ухода голландцев.

Перед началом полицейских операций возникло движение, известное под названием *Persatuan Ummat* (Объединенное общество) и состоявшее приблизительно из 400 членов, большинство которых были бывшими правительственными должностными лицами, уволенными со службы. Официальной целью этого движения является попечение об общем благосостоянии, как-то раздача одежды и т. п. С политической точки зрения оно считается малозначущим и пользуется весьма малой поддержкой населения, а кроме того в его среде нет видных руководителей.

Когда начались полицейские операции, республиканская газета *Tjahya Padang* была закрыта, но затем нидерландские власти разрешили ей снова выходить, при условии, чтобы она не вела антиголландской пропаганды и усвоила более почтительный тон.

В заключение резидент рассказал нам о несчастьях, которые выпали на долю обитателей Ниас Айланда, многие из которых живут на главном острове и неизменно оставались лояльными по отношению к Нидерландам. Большинство этих людей — христиане, и они подвергались дурному обращению как со стороны японцев, так и со стороны республиканцев.

В. Экономическое и социальное положение

У текстильной фабрики гор. ван-Гутен, Стеффан и Ко республиканцами и японцами было отобрано 70 процентов оборудования, но теперь она возобновила свою работу на 29 машинах и выделяет в месяц приблизительно 10 000 ярдов грубой некрашеной ткани. Довоенная производи-

тельность этой фабрики, при работе круглые сутки, достигала 80 000 метров в месяц. Недостатка в рабочих не наблюдается, но квалифицированные рабочие остались на республиканской территории. Нехватает красок и ощущается недостаток в угле, так как копи в Савалунто все еще в республиканских руках; кроме того, трудно получать сырой материал для тканья.

Посещенные нами поликлиника и гражданская больница в Паданге находятся в ведении голландского врача, которому помогает индонезийский доктор. В настоящее время больница может помещать всего лишь 70 пациентов, но благодаря приобретению прилегающего к ней здания это число будет вскоре доведено до 120, что должно отвечать нуждам населения в 60 000 душ. Рентгеновского аппарата не имеется, а в медикаментах, кроватях, одеялах и проч. ощущается большая нужда. Большая часть пациентов, которых мы видели, недавно прибыли из внутренней части страны, и страдают от недоедания. Резидент нам сообщил, что чрезвычайно полезную работу в этом районе выполняют подвижные лазареты, которые днем и ночью работают в «*camprongs*» и самых тяжелых больных доставляют в больницу.

Находящийся в Индаронге, в 14 километрах от Паданга, цементный завод *The Netherlands Indies Portland Cement Co.*, до недавнего времени был занят под штаб TRI и сильно пострадал от союзных и голландских бомбардировок. Надо ожидать, что через четыре месяца завод снова начнет работать, пользуясь пока одной вращающейся печью с продукцией в 200 тонн цемента в день. Его довоенная продукция при наличии четырех печей достигала 750 тонн в день, и это был второй по своему значению цементный завод на Дальнем Востоке. Индонезийские квалифицированные рабочие постепенно возвращаются. Около 200 служащих уже заняты восстановительными работами, и не предвидится особых затруднений в наборе добавочных 400 человек, что в общей сложности составит более половины довоенного персонала.

Мы посетили местный рынок и нашли его переполненным и сравнительно хорошо снабженным. Нидерландским властям удалось предотвратить рост цен, запретив торговые операции агентам, живущим за чертой города. Таким образом поле деятельности китайцев было ограничено, а крестьяне вынуждены продавать свои продукты в пределах самого города, благодаря чему продовольствие обеспечено; текстильные же товары, соль, керосин и др. могут быть рационированы по сравнительно дешевым ценам.

Школы снова открыты, но ощущается большой недостаток в учебных пособиях и учителях.

Имеющегося запаса риса хватит, вероятно, еще на пять или шесть месяцев. Все лучшие районы для культуры риса расположены как раз за пределами оккупированной Нидерландами территории, и поэтому рис ввозится теперь из Явы в количестве 190 тонн в месяц, по сравнению с 130 тоннами, которые ввозились до начала полицейских операций. Ввиду того что плантации находятся вне управляемой Нидерландами территории, торговля копррой, кофе и каучуком совсем ничтожна.

А. Политическое положение

По прибытии в Букит Тинги мы посетили вице-президента Индонезийской Республики г-на Мохаммеда Хатта, причем свидание с ним длилось полтора часа. Г-н Хатта нам сказал, что он седьмого июня покинул Джокьякарту, намереваясь около месяца провести на Суматре. Он привез с собой план демобилизации республиканской армии, а также общий план восстановления путей сообщения и промышленности. В то время население проявляло готовность сотрудничать с нидерландскими властями. На Суматре почти не было противников Лингаджатского соглашения, главным образом ввиду того обстоятельства, что Masjumi, одна из двух главных противных этому соглашению партий, не имела на Суматре влиятельных руководителей, тогда как другая партия — Partai Nasional Indonesia (PNI) — находилась под влиянием г-на Гани и г-на Иса, которые оба ему сочувствовали. Товары ввозились в страну из Сингапура, а взамен вывозился местный каучук. Предпринятые 21 июля полицейские операции заставили республиканскую армию врасплох, и в целях самозащиты местное население энергично им воспротивилось.

Нидерландские власти заставляли республиканских должностных лиц, оставшихся в пределах оккупированной Нидерландами территории, на них работать. Большинство отказалось, и в Пематаанг Сиантаре началось повальное бегство. Республиканское правительство отдало некоторым из своих должностных лиц распоряжение остаться на своих постах, чтобы помогать индонезийскому населению. Однажды около 400 индонезийских беженцев подверглись в Тига Рас, к западу от Сиантара, нападению со стороны банды rampokkers, известных под названием Harimau Liar («Дикие тигры») и действовавших под командой японского офицера, капитана Ину. Впоследствии 208 членов этой банды были республиканскими войсками взяты в плен в Лумбанг Дьюлу около Прапата, на берегу озера Тоба, и ожидают теперь суда.

Республиканское правительство выработало план для уничтожения этих элементов, но он не может быть в настоящее время приведен в исполнение в связи с общей военной обстановкой.

Коммунистическая партия существует, но лишь номинально; в ней сильны националистические тенденции. Ее члены подчиняются распоряжениям центрального правительства.

В. Военная обстановка

Отвечая на вопрос относительно проводимой республиканцами политики сожженной земли, г-н Хатта заявил, что его правительством было отдано распоряжение «уничтожать решительно все, что может иметь экономическую или военную ценность для голландцев». Он признал, что на практике эта политика имеет тенденцию выходить из рук и что на некоторых участках фронта она, к сожалению, понимается как прямое поощрение к грабежу. Так, например, госпиталь в Сиантаре был местными жителями снесен до основания и все, что в нем, было разграблено.

Что касается приказа о прекращении огня, г-н Хатта заявил, что республиканское правительство не признает ни так называемой линии ван-Моока, ни присваиваемого себе голландцами права продолжать ликвидацию очагов сопротивления. Последнее само по себе рассматривается как нарушение приказа и как прямое подстрекательство к продолжению военных действий. Г-н Хатта жаловался на то, что пограничный пост в Ломбок Алонге занят голландцами уже после приказа о прекращении огня. 4 августа республиканской армии было отдано распоряжение оставаться на месте и оборонять свои позиции. Г-н Хатта предполагал, что голландцы намереваются возобновить военные действия. Их полицейские действия были крупной ошибкой. Они возбудили среди населения сильное недовольство и сделали сотрудничество гораздо более трудным. Непосредственные переговоры с нидерландскими властями стали теперь невозможными. Он не может согласиться с точкой зрения голландцев, что индонезийский вопрос представляет собой проблему внутригосударственного характера. События уже это опровергли.

С. Экономическое положение

Г-н Хатта сообщил нам, что угольные копи в Савалунто уже эксплуатируются и что их продукция достигает в настоящее время 300 тонн в день. Этого количества достаточно, чтобы покрыть нужды местной электростанции, текстильных и бумажных фабрик и железной дороги. Продовольствие имеется в изобилии, но ощущается острая нужда в оборудовании и транспортных средствах. По словам г-на Хатта, 5 000 тонн неочищенного риса готовы к немедленной отправке из Мулабоха, к северу от Паданга, и после каждого урожая можно будет собрать такое же количество. Большое количество скота и буйволов также готово для вывоза. Г-н Хатта просил нас довести это до сведения лорда Килерна, специального комиссара Его Величества для Юго-Восточной Азии в Сингапуре, в надежде, что могут быть приняты известные меры для возобновления соглашения по рису с правительством Индии. В результате нидерландской блокады, экспорт каучука, хинина, строевого леса и индийского тростника с западного побережья Суматры в настоящее время совершенно прекращен. Г-н Хатта заявил, что, после того как будет найдена возможность удовлетворительным образом преодолеть существующие в настоящее время затруднения, республиканское правительство намеревается построить фабрики в многих частях страны и выработать план переселения яванских семей, подобный тому, который оказался столь успешным перед войной. Республиканское правительство очень хотело бы поощрять иностранные предприятия, но для этого должны быть значительно улучшены условия найма рабочих. Никакой дискриминации в отношении различных стран проводиться не будет. Суматра обладает большими естественными богатствами. Нидерландские власти могут занять весь остров, если они того пожелают, но они никогда не смогут справиться со все увеличивающимся стремлением к независимости. Весь вопрос имеет главным образом психологический характер, и голландцы подошли к нему не с той стороны. Если окажется возможным достигнуть его мирного

урегулирования, не замедлят появиться выгоды экономического характера.

Д. Социальные условия

Местная больница в Букит Тинг хорошо держится и находится под умелым управлением, хотя страдает серьезным недостатком в медикаментах. Больница может принять 200 больных. Мы посетили также среднюю женскую школу, а позже днем нас повезли осмотреть ремесленную школу в Паданг Пандъянге. Первую посещает примерно 400 учениц, причем все они нам показались счастливыми, здоровыми и хорошо выглядящими. Но ощущается острая нужда в квалифицированном учительском персонале, а также большой недостаток в книгах, пособиях и т. п.

До и после официального завтрака, на который мы были приглашены вице-президентом, мы были очевидцами массовой манифестации, в которой участвовало несколько тысяч человек, являвшихся представителями организаций молодежи, профсоюзов и др. Манифестанты дефилировали перед резиденцией, неся плакаты с надписями: «Раз свободны — навеки свободны» и «Долой голландские войска». Во время этой манифестации к нам присоединился г-н Хатта, которому была устроена бурная овация. Будучи сам Minangkabau (обитатель падангского плоскогорья), он приобрел чрезвычайную популярность в своем родном городе. Во время же нашей поездки мы лично убедились в том авторитете, которым он пользуется в разных частях страны. В его работе ему помогают в Букит Тинги два государственных комиссара, которые непосредственно подчинены республиканскому правительству в Джокьякарте.

IV. МЕДАН

А. Политическая обстановка

Республиканский мэр г-н Мохаммед Юсуф, с которым у нас было свидание, ушел 1 сентября в отставку, когда нидерландские власти потребовали, чтобы он порвал всякие сношения с республиканцами. Пятеро из его десяти коллег последовали его примеру, а остальные пять, равно как и низший персонал, остались на своих постах. Г-н Юсуф уверил нас, что он не ставит им это в упрек, так как они должны работать, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Индонезийский городской врач г-н Суросо остался при своей больнице, но отказался принимать какое-либо жалование от нидерландских властей. Бывшие республиканские мэры в Биндией и в Тербинг Тинги, а также бывший секретарь республиканского Резидента в Сиантаре активно сотрудничают с нидерландскими властями. Г-н Юсуф заявил, что для индонезийцев в Медане операции полицейского характера явились полной неожиданностью и что им было оказано лишь слабое сопротивление. Были произведены массовые аресты, и примерно 400 республиканских чиновников все еще находятся под арестом в Белаване.

В. Военная обстановка

Нидерландские власти заявляют, что они занимают теперь все восточное побережье Резидентства на Суматре и что после 4 августа ника-

кого продвижения в этом секторе не произошло. Крупные города, как Сиантар, были захвачены внезапно, и таким образом мосты и другие сооружения избежали разрушения. Некоторые республиканские банды все еще действуют в этом районе, сжигая имения, дома, деревни и т. п., а также грабя и терроризируя всех лиц, подозреваемых в сотрудничестве с голландцами. Некоторые из этих банд входят в состав Harimau Liar (см. выше стр. 27), и среди них есть несколько японцев.

Предполагается, что пройдет два-три месяца, пока законность и порядок смогут быть полностью восстановлены в этом районе. Жители многих деревень просили дать им оружие для защиты от грабительских банд. Нидерландские власти на это согласились, и около 500 человек местной стражи было таким образом вооружено и снаряжено в качестве полицейских отрядов для несения службы по местной обороне позади нидерландских линий. Эта местная стража организуется теперь сепаратистским движением, известным под названием Daera Istemewa Sumatra Timor⁷, под начальством г-на Мансура. Это подпольное движение началось во время японской оккупации и имеет теперь свои подкомитеты в различных частях территории (см. ниже стр. 29).

Из общего числа 250 плантаций, находящихся в оккупированном Нидерландами районе, около пятидесяти были совершенно или частично разрушены, и это разрушение продолжает безжалостно производиться по приказам из Джокьякарты. Все сотрудничающие с голландцами индонезийцы объявлены врагами Республики. Запугивания, похищения и другие инциденты подобного рода непрерывно продолжаются, но нидерландские власти надеются, что, благодаря сформированию в деревнях местной охраны, сотрудничающие с ними индонезийцы смогут скоро оградить себя от этих неприятностей.

Северный фронт был сравнительно спокоен. Для нидерландских властей это было неожиданностью, так как жители Атье известны своим фанатизмом. Считают, что республиканская армия в Атье лучше организована, чем в других частях страны.

С. Экономическое и социальное положение

После приказа о прекращении огня нидерландские власти смогли сделать значительную часть страны доступной. Дороги поправлены, и снова возобновилось ежедневное железнодорожное сообщение с Тандионг Балей и Биндией, так что стало возможным снова эксплуатировать плантации. Плантаторы возвратились и работают под охраной индонезийских стражников в числе 20-30 человек, организованных для этой цели из рабочих своей же плантации. Таким путем снова занят район, в котором находится более 60 плантаций. После полицейских операций продовольственное положение улучшилось, и цена риса упала с шести на два гульдена Нидерландской Ост-Индии за литр. Но несмотря на это, рис все еще ввозится из Явы в количестве 1 000 тонн в месяц. Этот ввоз можно будет, вероятно, прекратить когда можно будет собирать рис, культивируемый на бывших табачных плантациях. Производство та-

⁷ Специальный округ восточной части Суматры.

бака возобновилось, и около 30 000 рабочих теперь снова взяты на работу на табачных плантациях.

Нефтяные источники в Пангкалан Брандане, в 20 километрах от нидерландских линий, были подожжены республиканскими войсками, и 17 000 китайцев, проживавших в этом районе, были эвакуированы республиканцами в Лангсу (в Атье). В случае дальнейшего продвижения нидерландской армии предусмотрено уничтожение нефтеперегонных заводов и каучуковых фабрик, находящихся вне территории, занятой Нидерландами.

Что касается одежды, то положение с ней лучше, чем во многих других частях острова, вследствие того, что большие количества каучука и нефти доставлялись контрабандой в Сингапур в обмен на текстильные товары и оружие. Суда, плавающие между Суматрой и Сингапуром, по-прежнему задерживаются, но продукты местного производства не конфискуются.

Во всех важнейших городах снова открыты школы, и индонезийские учителя вернулись, но число последних недостаточно. Посещенная нами в Биндией больница была найдена в ужасном состоянии из-за недостатка персонала, грязи и неудовлетворительного снабжения продовольствием.

V. СЕПАРАТИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

На Суматре возник ряд так называемых сепаратистских движений. В Палембанге мы интервьюировали четырех Radens (представителей бывших султанов), поддерживающих одно местное движение, которое они впоследствии намереваются распространить на всю южную часть Суматры. Они заявили, что это движение не направлено определенно против Республики, как было с пасунданским движением в Западной Яве. Цель этого движения состоит в том, чтобы, на основании статьи 4 Лингаджатского соглашения, превратить южную часть Суматры, которая, по их мнению, всегда была самостоятельной экономической единицей, в самоуправляющееся государство. Сорок восемь сельских старост из пятидесяти одного в палембангском районе являются сторонниками этого движения, которое, как нам сообщили, пользуется поддержкой по меньшей мере 80 процентов местного населения. Эти Radens с неприязнью относятся к теперешним республиканским лидерам и заявили, что они согласятся сотрудничать с республиканцами при другом правительстве. Они, несомненно, сторонники голландцев, которые, в свою очередь, сочувствуют этому движению.

Г-н Иса, с которым мы обсуждали этот вопрос, сообщил, что в своей массе население не заинтересовано в этом движении и относится к нему безразлично. Небольшое число сторонников группы Raden заинтересовалось этим движением, но это объясняется главным образом финансовыми соображениями. Нидерландский резидент в Палембанге подтвердил это и добавил, что в своей массе население не интересуется политикой; оно лишь требует, чтобы его оставили в покое и дали возможность мирно жить. Оно почти никак не реагировало на провозглашенную республиканцами

независимость после капитуляции Японии; многие же из тех, которые впоследствии присоединились к Республике, сделали это потому, что сотрудничали с японцами и опасались, что нидерландские власти призовут их к ответу. Однако среди некоторых уроженцев Палембанга наблюдается весьма определенно выраженное чувство регионального единства, и они склонны видеть во всех других народах Индонезии «иностранных». Г-н Хатта и г-н Гани (вице-премьер Индонезийской Республики) все еще продолжают пользоваться большим влиянием в Палембанге.

В Паданге мы узнали, что движение, именуемое Persatuan Umum (Объединенное общество) (см. выше стр. 26), было основано жителями падангского плоскогорья (Minangkabaus), большинство из которых бежало из Форт-де-Кок, имея своей целью оказание помощи нуждающимся и раздачу одежды. Как сообщают, члены этого движения являются сторонниками некоторого рода местной автономии для Паданга.

Нам сообщили, что наиболее влиятельным и лучше всего организованным сепаратистским движением является движение в Медане, именуемое Daera Istimewa Sumatra Timor, которое возникло из подпольного движения, существовавшего во время японской оккупации. Его руководители образовали комитет для восточного побережья и ведут активную работу против республиканцев, не допуская того, чтобы республиканские должностные лица могли взять управление в свои руки, и организовывая местную охрану для несения полицейской службы в каждой деревне. Они стремятся к тому, чтобы из восточного побережья Суматры образовать автономное государство в рамках федеративной организации всего острова в целом.

Нам было трудно оценить силу и значение всех этих различных движений. Республиканцы утверждают, что последние инспирируются нидерландскими властями, чтобы подорвать влияние республиканцев. Голландцы, с своей стороны, отрицают какое-либо официальное поощрение и поддержку этих движений и заявляют, что последние возникли самопроизвольно вследствие недовольства республиканским режимом. Это утверждение не лишено повиновения известной доли правды. Во многих частях страны республиканцы имели тенденцию игнорировать прежний авторитет Adat (местных обычаев). Местные вожди в Negeris (подрайонах) и старосты, которые в течение долгого времени признавались как толкователи Adat, заменены теперь более молодыми и политически настроенными людьми, главным образом яванцами и Minangkabaus (жителями падангского плоскогорья), назначаемыми республиканскими политическими партиями; эти люди не только мало знают, но и мало интересуются прежней феодальной жизнью и обычаями народа, дальнейшей судьбой которого им поручено руководить. Таким образом интересы этих подрайонов изъяты из рук прежних авторитетов Adat и переданы республиканским чиновникам.

VI. КИТАЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

В различных посещенных нами пунктах мы беседовали с китайскими консулами и другими китайскими представителями и просили их высказать нам свое мнение о существующем поло-

жении в местах их пребывания. Во всех случаях ответ был почти тот же. В городах, занятых нидерландскими войсками, китайское население почти не пострадало, но в других местах, в особенности в пограничных районах, где охрана жизни и имущества населения не могла быть соответствующим образом обеспечена, китайцы терпели всевозможные зверства и злодеяния со стороны террористических банд. Условия в пределах республиканской территории были, повидимому, несколько лучше. Председатель Китайского объединения в Букит Тинги сообщил нам, что местная китайская община, насчитывающая около 18 000 человек и состоящая главным образом из мелких лавочников, сапожников, плотников и т. п., почти не пострадала и не потеряла ни имущества, ни домов. Но в небольших деревнях положение с торговлей очень плохое и китайцы там вынуждены «займствовать из своего капитала». На восточном побережье Суматры нидерландские власти вооружили китайцев для самозащиты. Вооруженные винтовками и ручными пулеметами китайские охранные отряды сформированы теперь в шести или семи местах. В этом районе, повидимому, все еще имеется довольно много входивших в состав бывшей китайской националистической армии китайцев, которые были туда привезены японцами и использованы в качестве инструкторов.

ВII. ЗАКЛЮЧЕНИЯ

А. *Заключения по части политической*

На всей территории Суматры сильно развит дух независимости, выражающийся в стремлении к региональной автономии, в результате чего возник целый ряд сепаратистских движений. Эти движения не координированы, но это не исключает возможности того, что все они впоследствии объединятся в рамках Индонезийского федерального государства.

В. *Заключения по части военной*

Мы подтверждаем выраженное нами в предыдущих докладах мнение, что при существующих условиях приказ о прекращении огня не может быть надлежащим образом соблюден ни одной, ни другой стороной. Разграничительная линия, известная под названием линии ван-Моока, не признается индонезийцами, которые считают, что ничто не налагает на них обязательства ее признать. Позиция республиканского правительства в этом отношении ясно изложена в его заявлении от 1 сентября. Мы полагаем, что нет никакой возможности избежать дальнейшего кровопролития, если обе стороны не сойдутся опять вместе, чтобы договориться о мерах для урегулирования существующего в военном отношении положения. Демаркационные линии должны быть проведены наново и признаны обеими сторонами.

С. *Заключения по части экономической*

Прилагаются большие усилия к тому, чтобы восстановить плантационные районы на восточном побережье Суматры; несмотря на это, серьезные затруднения будут продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто какое-либо согла-

шение между нидерландскими и республиканскими властями.

Работа на нефтеперегонных заводах в палембангском районе уже возобновилась.

Вследствие блокады и общей неустойчивости в стране торговля вообще, а в частности экспортная, все еще в значительной степени парализована.

Э. РО

Генеральный консул Франции

Ч. ИТОН

Генеральный консул Австралии

Т. ЛАМБЕРТ

Заместитель генерального консула
Соединенного Королевства

ДОБАВЛЕНИЕ К ПРИЛОЖЕНИЮ V

СВОДКА ДОКЛАДОВ ВОЕННЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ О ИХ ПОЕЗДКЕ ПО СУМАТРЕ

А. *Общие соображения*

Положение на Суматре отличается от такового на Яве тем, что тут вся деятельность ограничена тремя определенными районами — Палембангом, Падангом и Меданом. В каждом из них нидерландские войска занимают довольно обширный плацдарм, вокруг которого действуют республиканские силы. Границы этих плацдармов были определены 29 августа г-ном ван-Мооком, и нидерландские войска считают себя вправе действовать в их пределах по своему усмотрению. Республиканские войска не признают этой так называемой линии ван-Моока и считают каждое передвижение голландцев с позиций, которые они занимали 4 августа 1947 г., нарушением приказа о прекращении огня. Краткое изложение военной обстановки в каждом из указанных районов приводится ниже.

В. *Палембангский район*

Военные действия нидерландских войск в этом районе вылились в форму расширения первоначального плацдарма путем выдвижения небольших постов до линии Любук Лантьянг на севере, Лахат на западе и Багу Радья на юге. После 4 августа 1947 г. расширения плацдарма не было, но в район Секаджу высылались дозоры для действий против сосредоточений противника и снайперов. Нидерландские власти доносят, что в угольном районе Букит Асем на железнодорожной линии вблизи Тандьонг Эним постоянно производится саботаж, что вызывало неоднократные столкновения. Они сообщают также, что 12 августа 1947 г. республиканцы напали на Кайу Агунг и что при этом было убито несколько китайцев. Как и в других районах, действия нидерландских войск происходили главным образом вдоль дорог, в результате чего многие республиканские части были обойдены и продолжают оперировать в пределах района, ограниченного линией ван-Моока.

С. *Падангский район*

До 4 августа 1947 г. действия нидерландских сил сводились к продвижению вдоль главных дорог в целях расширения первоначального плац-

дарма. К 4 августа 1947 г. нидерландские части достигли пунктов, находящихся в двух милях к северу от Любук Алунга, в 18 милях к югу от Паданга в направлении на Ранах и в 12 милях к востоку от Паданга в направлении на Солок. Дозоры на грузовиках действуют во всех направлениях, но в особенности в северной части этого района. Большая часть боевых столкновений произошла в результате стычек между этими патрулями и республиканскими войсками в районе Любук Алунга и на холмах вблизи Балимбинга.

Д. Форт-де-Кок

Республиканские войска в этом районе состоят из одной дивизии, которая не вполне вооружена, но на пяти заводах прилагаются все усилия к тому, чтобы этому помочь. Командующий войсками этого района заявил, что с 4 августа ни одна республиканская часть не проникла в управляемую Нидерландами территорию, но что, ввиду факта непризнания линии ван-Моока, передвигавшиеся нидерландские части подвергались ожесточенным атакам. Он отказался дать нам сведения о расположении своих войск. В то же время был представлен целый ряд жалоб на голландцев, в которых они обвинялись во всем, начиная с воздушных разведок, до десантной операции в Паримане.

Е. Меданский район

В результате произведенных до 4 августа 1947 г. нидерландских военных операций первоначальный плацдарм в этом районе был расширен до линии Тандьют Пура-Пондьянг-Пематанг-Сиантар-Тандьютг Балаи.

Со времени приказа о прекращении огня не было движения за пределы этой линии, за исключением патрулей и небольших отрядов, которым

было поручено рассеивать сосредоточения республиканских войск. В пределах этого района имеется много республиканских отрядов, которые занимаются постоянным снайперством по повозкам, блокируют и минируют дороги, а также терроризируют население. Причиненный в районе Сиантара ущерб, в особенности британскому имуществу, весьма значителен. Было несколько случаев похищения, в частности в Брастаги, в центре расположения нидерландского батальона, когда четыре лица были насильственно увезены 19 сентября 1947 года. Нидерландские войска были двинуты для освобождения 500, приблизительно, китайцев, уведенных из Арнхемии и находившихся примерно в пяти милях к югу от этого города.

Ф. Заключение

В рамки военного доклада не входит установление правильного толкования приказа о прекращении огня, но очевидно то, что каждая сторона понимает последний по-своему. Каждая сторона решительно противится тем мерам, которые принимаются другой в соответствии с ее собственным толкованием. При таких условиях не может быть действительного соблюдения приказа о прекращении огня, и в заключение можно сказать, что положение; существующее на Суматре в настоящее время, далеко не то, которое можно было бы ожидать, если бы приказ надлежащим образом соблюдался.

Вышеизложенное представляет собой сводку докладов военных наблюдателей Соединенного Королевства на Суматре, составленную офицером для связи Соединенного Королевства в Батавии.

Подполковник Д. Л. РАЙС
Офицер для связи

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

Доклад о посещении Бандунга генеральным консулом Соединенных Штатов г-ном Б. А. Футом, в сопровождении майора Дж. Манина корпуса морской пехоты Соединенных Штатов

Цель поездки состояла в том, чтобы обследовать общее положение в весьма важном районе, связывающем Батавию и Бандунг и именуемом сердцем Западной Явы.

Поездка, которая началась в 7 ч. утра 26 сентября 1947 г., была совершена на автомашине по следующему маршруту: Батавия-Буйтензорг-Пунтьякский перевал и затем Бандунг.

Следует особо отметить, что на протяжении всего пути от Батавии до Бандунга, что составляет примерно 180 километров, мы проезжали через города, небольшие деревни, гористую пересеченную местность и сельскохозяйственные районы и что мы ехали в обычной легковой автомашине без всякого прикрытия. Обратный путь был совершен таким же образом.

Район между Батавией и Буйтензоргом вернулся к довоенным условиям жизни. Туземное население не испытывает более страха, и дорожно обычно кишат фермерами, везущими свои фрук-

ты, овощи и другие продукты на рынки в Батавии и в Буйтензорге.

От Буйтензорга до Пунтьякского перевала, т. е. в районе, который когда-то славился своей красотой и где были сотни европейских домов, построенных для дачного времяпрепровождения или для отдыха в отставке, не осталось ни одной европейской постройки, за исключением лишь обгорелых остовов когда-то роскошных вилл. Тем не менее, не опасаясь более репрессивных мер со стороны республиканских войск, туземные жители этого района послушны, дружелюбны, вежливы, услужливы и деятельно заняты восстановлением своих жилищ, равно как и дорог, мостов и т. п. для общего блага.

Те же условия наблюдаются и в районе между Пунтьякским перевалом и Бандунгом. Этот район обгорелых развалин бывших европейских школ, церквей, больниц, жилищ, фабрик и проч., свидетельствующих о бессмысленном и ненужном разрушении всего этого как республиканскими войсками, так и безответственными бандами, которые, как теперь утверждают республиканские лидеры, входят в состав индонезийской национальной армии. Тем не менее, работы по восстановлению этого района быстро подвигаются вперед. На пути мы встретили целый ряд рабочих

партий по постройке и починке дорог, и шоссейные дороги уже даже теперь в отличном состоянии. Мосты везде починяются, лавки перестраиваются, из развалин вырастают дома, собираются урожаи риса и других злаков, туземные жители хорошо одеты и не наблюдается никаких признаков голода. Следует подчеркнуть, что во всем этом районе, находящемся в настоящее время под управлением правительства Нидерландской Индии, мы видели всего лишь шесть вооруженных человек в форме. Все они были туземцы, принадлежащие к составу Veldpolitie (сельская полиция).

Состояние, в котором находится большая часть населенного европейцами квартала Бандунга, свидетельствует о царившем терроре, когда город грабили и жгли отступавшие республиканские войска. Но Бандунг быстро обстраивается. Дома, фабрики, школы, церкви и т. д. вырастают из развалин, и туземное население бодро и охотно принимает участие в этой работе. Город содержится чисто и быстро возвращается к довоенным условиям.

Мы посетили фруктовые, овощные и цветочные рынки в окрестностях Бандунга. Повсюду раздавался веселый смех, шутили и торговались наперебой. Мы не заметили ни единого признака ненависти. Напротив, у населения сказывалось чувство благодарности за то, что оно снова может заняться своими делами в условиях полной свободы и без всяких притеснений.

Майора Макина и меня посетили несколько влиятельных индонезийцев, имена которых не могут быть приведены по соображениям их личной безопасности. Это были люди различного возраста и положения. Некоторые из них были мудрыми старцами, другие — молодыми людьми с острым умом. Некоторые были с Зундских островов, другие — недавно отколовшиеся от республиканского движения и перешедшие на сторону Нидерландов яванцы. Сущность сделанных ими замечаний сводится к следующему:

1. Все в душе — националисты, но более интеллигентная часть стоит за Индонезийские Соединенные Штаты, а не за Республику Явы и Суматры.

2. Правительственного аппарата в Республике практически не существует. Маловероятно, чтобы при теперешнем республиканском правительстве произошло какое-либо улучшение положения. Говорят, что взяточничество процветает на всех ступенях республиканской правительственной иерархии.

3. Зондское движение — непреложный факт и его нельзя игнорировать. Ненависть к яванским обычаям и привычкам слишком давно и слишком глубоко укоренилась, чтобы ее можно было скоро устранить. Это может быть достигнуто лишь путем длительного перевоспитания.

4. Один хорошо известный лидер арабов с Явы, долго бывший горячим сторонником Джокьякартской Республики и живший с самого начала теперешних беспорядков в занимаемых республиканцами районах заявил: «Сэр, там нет merdeka (свободы)». Другой горячий сторонник Республики, индус, с чувством глубокой горечи сказал: «У нас нет ни денег, ни правительства, ни перевозочных средств, у нас нет ничего, что можно было бы осязать и ощущать, — у нас есть только merdeka (свобода)».

5. Многие влиятельные индонезийцы, бывшие ранее последователями Сукарно и сторонниками Республики, заявили, что Сукарно перестал быть истинным вождем Республики. Другие сказали, что как республиканская армия, так и начальники банд очень часто слишком деспотичны и лишены всякого чувства патриотизма, — только реквизируют все, что хотят, и наказывают собственников реквизируемого имущества, если они жалуются на эту реквизицию.

6. Весьма серьезные критические замечания были высказаны несколькими людьми, заявившими, что они не могут понять, почему мировая пресса, интеллигенция и образованные люди всех стран, а также правительства многих государств слепо поддерживали идею Республики Явы и Суматры и не обратили никакого внимания на более важную идею Индонезийских Соединенных Штатов. Они считали, что наступило время, когда здравомыслящие люди должны отбросить мысль о поддержке небольшой республики, руководимой маленькой кликой жадных людей, и поддерживать индонезийских патриотов, желающих создания суверенных Индонезийских Соединенных Штатов. Все эти люди, без исключения, заявили, что, при создании предусмотренных в Лингаджатском соглашении Индонезийских Соединенных Штатов, они хотят пользоваться помощью и руководством голландцев.

7. Ряд бывших республиканских должностных лиц различных рангов, включая гражданских администраторов и начальников полиции, недавно откололись от республиканского движения и теперь сотрудничают с нидерландскими властями. Все они боятся жестокого возмездия в том случае, если нидерландские войска будут эвакуированы. Они все без исключения заявили, что массы населения управляются страхом наказания, даже за такие незначительные провинности, как принятие медикаментов или одежды от голландцев. Все они согласились с тем, что если население будет избавлено от этого страха, то будет больше сотрудничества с голландцами и ускорится восстановление всей страны в целом.

Вальтер А. ФУТ
Генеральный консул Соединенных
Штатов Америки

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

Доклад о конференции, состоявшейся 26 сентября 1947 г. в Джокьякарте между Консульской комиссией, под председательством генерального консула Франции г-на Э. Ро, с помощниками — генеральным консулом Бельгии г-ном П. Вандерстихеленом, генеральным консулом Австралии г-ном Ч. Итоном, генеральным консулом Соединенного Королевства г-ном Ф. М. Шепердом, генеральным консулом Соединенных Штатов г-ном Ч. А. Ливенгудом и заместителем генерального консула Соединенного Королевства г-ном Е. Т. Ламбертом — с одной стороны, — и индонезийской делегацией, возглавленной премьер-министром и министром обороны г-ном Шарифуддином, с помощниками — вице-премьер-министром г-ном Сетиадитом и начальниками штабов республиканской армии — с другой стороны.

Комиссия: Можете ли вы определить в общих выражениях понятие «прекращение огня» или те меры, которые должны быть приняты для выполнения приказа, отвечающего этому понятию?

Г-н Шарифуддин: Мы уже упоминали раньше о приказе президента Республики и главнокомандующего. Нашим президентом был отдан приказ «всем вооруженным силам Индонезийской Республики... и населению... оставаться на занимаемых в настоящий момент позициях и прекратить все военные действия».

Комиссия: Означает ли «прекращение военных действий» нечто большее, чем «прекращение огня»?

Г-н Шарифуддин: Необходимо задать себе вопрос, что мы понимаем под выражением «прекращение огня». В общем, это понятие включает два момента: приказ оставаться на своих местах и приказ о прекращении огня. Вообще говоря, должен быть отдан приказ о прекращении военных действий. Мы истолковали каблогранму Организации Объединенных Наций в том смысле, что мы должны прекратить военные действия.

Комиссия: Какие распоряжения военного характера были вами даны для проведения в жизнь вашего решения относительно этого приказа?

Г-н Шарифуддин: 5 августа главнокомандующим был отдан приказ о том, чтобы все наши вооруженные силы оставались на своих постах; им не было разрешено покидать свои позиции.

Комиссия: Рассчитывали ли вы или ваши военные советники, после приказа о прекращении огня и прекращении военных действий, на возможность непосредственного соглашения с войсками противной стороны?

Г-н Шарифуддин: Мы думали, что за приказом о прекращении огня должны последовать переговоры о перемирии.

Комиссия: Были ли со стороны голландцев сделаны вам какие-нибудь предложения относительно наилучшего способа соблюдения приказа о прекращении огня или о прекращении военных действий?

Г-н Шарифуддин: Об этом никогда не было речи.

Комиссия: Делали ли индонезийцы со своей стороны какие-нибудь предложения голландцам?

Г-н Шарифуддин: Никаких.

Комиссия: Были ли какие-нибудь предложения от той или другой стороны?

Г-н Шарифуддин: Нет, во всяком случае не от нашей стороны.

Комиссия: Считаете ли вы, что другая сторона приняла аналогичное определение?

Г-н Шарифуддин: Я не думаю, чтобы у голландцев была об этом та же идея, что и у нас.

Комиссия: Не думаете ли вы, что нарушения приказа о прекращении огня могут объясняться различием в толковании?

Г-н Шарифуддин: Когда г-н ван-Моок объявил, что он отдаст приказ о прекращении огня, он сказал, что его войскам будет разрешено производить ликвидацию остатков сопротивления. Мы не могли с этим согласиться, так как считаем, что нельзя отдать приказ о прекращении огня без одновременного приказа о том, чтобы оставаться на местах. Когда г-н ван-Моок заявил, что он провел демаркационную линию для всей Явы, эта мера привела нас в большое смущение и фактически, я думаю, сделала невозможным соблюдение приказа о прекращении огня. Этим своим заявлением он предоставил своим войскам свободу передвижения в пределах этих границ, что должно было привести к столкновениям. Конечно, мы не могли на это согласиться.

Комиссия: Не думаете ли вы, что при любой демаркационной линии все равно был бы конфликт из-за власти?

Г-н Шарифуддин: Не думаю, сэр. Если бы наши войска находились по одну сторону демаркационной линии, а их войска — по другую сторону, то приказ о прекращении огня можно было бы соблюдать, но не тогда, когда наши войска находятся позади этих линий. В противном случае это было бы возможно.

Комиссия: Можете ли вы сказать что-нибудь более определенное? Сообщил ли он вам этот приказ?

Г-н Шарифуддин: Г-н ван-Моок выступил 2 августа с речью, в которой сказал, что его войскам будет приказано прекратить военные действия. Это было объявлено по радио. (Обращается к г-ну Марамису): Когда он это сказал? Мне кажется, это было 1 или 2 августа. У нас ведь имеется текст его речи.

Г-н Сетиадит: 2 августа.

Комиссия: Республиканское правительство жаловалось, что не получило через нидерландское правительство требования Организации Объединенных Наций о прекращении огня до 1 часа ночи 4 августа. Так ли это?

Г-н Шарифуддин: Да.

Комиссия: Имело ли какое-нибудь значение то обстоятельство, что приказ Объединенных Наций о прекращении огня был получен лишь в час ночи 4 августа?

Г-н Шарифуддин: Да. Г-н ван-Моок отдал свой приказ 4 августа, мы же имели в нашем распоряжении лишь один день, — даже меньше одного дня, — так как получили приказ в 1 час утра. У нас был лишь один день, чтобы отдать приказ по всей Индонезии.

Комиссия: Какие военные меры общего характера были приняты для выполнения приказа о прекращении огня?

Г-н Шарифуддин: Я думаю, что первым шагом должна быть отдача приказа о том, чтобы оставаться на своих позициях, а затем установление демаркационной линии. Сначала надо это обсудить. Я думаю, что голландские войска, находящиеся на нашей территории, должны отойти на эту демаркационную линию, а наши войска — вновь занять эти территории. Таким образом, я думаю, было бы возможно соблюдать приказ о прекращении огня.

Комиссия: Осуществимо ли это?

Г-н Шарифуддин: Не сейчас, при наличии линии ван-Моока.

Комиссия: Считаете ли вы возможным провести в настоящее время демаркационную линию, которая была бы приемлема для обеих сторон?

Г-н Шарифуддин: Это зависит лишь от того, какая это линия. Конечно, это не только военный, но и политический вопрос. Я думаю, что при существующем положении вещей решение этого вопроса невозможно. Пока существует эта линия ван-Моока, мы не можем вести переговоры с нидерландскими властями, ибо, как мы уже заявляли об этом раньше, мы не можем согласиться на линию ван-Моока, которая была установлена одной стороной. Если линия ван-Моока будет существовать, мы будем продолжать оставаться в этих районах.

Комиссия: Как бы вы провели демаркационную линию вместо линии ван-Моока? Из чего бы вы при этом исходили?

Г-н Шарифуддин: Мы не можем, конечно, сами решить этот вопрос. Мы должны это обсудить.

Комиссия: Посты в подходящих местах? (Возможно, что они были слегка передвинуты вследствие короткого срока, данного для исполнения приказа о прекращении военных действий.)

Г-н Шарифуддин: В западной части Явы нидерландские войска продвинулись больше чем на 100 километров с 4 августа. Мы послали заявление в Совет Безопасности. В центральной части Явы они продвинулись на 80 километров, а в восточной Яве на 50 километров, как указано на карте... Сектор Салатиги, Тасикмалайи, Гарута, Намеканана. Гарут и Тасикмалайя весьма важные центры. Это места, которые голландцы заняли после 4 августа.

Комиссия: Коммуникационные линии?

Г-н Шарифуддин: На нашей территории нет коммуникационных линий.

Комиссия: Признаете ли вы, что на основании приказа о прекращении огня нидерландские войска имеют право беспрепятственного сообщения между своими базами и передовыми постами?

Г-н Шарифуддин: Да, если ими заняты опорные пункты по этим линиям, но не в том случае, если они лишь продвинулись в некоторых направлениях на 100 километров и держат свои войска только в конечных пунктах этих линий. Мы не можем признать их власть в этих местах.

Комиссия: А что если к 4 августа нидерландские войска продвинулись до некоторых пунктов и затем вынуждены были остановиться вследствие приказа о прекращении огня?

Г-н Шарифуддин: Эти пункты остаются за нами, если они заняли также промежуточную тер-

риторию. Нельзя сохранять за собой корридор между двумя позициями. Мы не можем признать их власть над районами, расположенными между этими пунктами. Районы между этими пунктами все еще в наших руках. Конечно, мы можем вести переговоры с нидерландскими властями относительно их коммуникаций. Если мы договоримся, то они могут два или четыре раза в день посылать свои транспорты под нашим контролем.

Комиссия: Предположим, что голландцы занимали 4 августа два поста в передовой зоне. Считаете ли вы, что они имели бы право свободного доступа к этим пунктам... в силу приказа о прекращении огня?

Г-н Шарифуддин: Это зависело бы от того, занимают ли они фактически эти зоны. В большинстве случаев они лишь продвинулись небольшими отрядами с танками и броневиками и заняли эти пункты, но не заняли пространства между этими пунктами.

Комиссия: В таком случае вы считаете, что коммуникационные линии могут быть атакованы индонезийскими войсками без нарушения приказа о прекращении огня?

Г-н Шарифуддин: Это наша точка зрения.

Комиссия: Признаете ли вы, что, будучи атакованы, нидерландские войска имеют право оказывать сопротивление?

Г-н Шарифуддин: Да, так же как и мы оказываем им сопротивление.

Комиссия: Считаете ли вы с военной точки зрения, что голландцы имеют достаточно войск для оккупирования всех районов?

Г-н Шарифуддин: Нет, достаточного количества войск у них нет, но г-н ван-Моок, установив эти новые демаркационные линии, сосредоточил сейчас, например, войска в Западной Яве, так как мы не должны вести боевых действий вдоль границ. Поэтому нет надобности иметь там много войск.

Комиссия: Изменилась ли морская блокада по сравнению с прежним?

Г-н Шарифуддин: Морская блокада не изменилась. Я думаю только, что в настоящее время она более строга. Мы не можем ввозить медикаментов, текстильных изделий и т. п. (*Г-н Сетиадит:* Полная блокада.) Полная блокада.

Комиссия: Так что разницы теперь нет?

Г-н Шарифуддин: Нет.

Комиссия: Верно ли, что, если продукты не происходят из иностранных плантаций, они могут экспортироваться несмотря на блокаду?

Г-н Шарифуддин: Вопрос не только в этом, сэр. Мы вывозим рис в Индию, но мы не можем в обмен ввозить текстиль в Индонезию. Мы не можем пользоваться деньгами, поступающими от экспорта, так как голландцы считают, что часть этих денег принадлежит нидерландскому правительству.

Комиссия: Насколько нам известно, за март 1946 года из Явы и Суматры, главным образом из Суматры, было экспортировано товаров на сумму 290 миллионов сингапурских долларов. Нам представляется, что морская блокада была установлена отчасти для того, чтобы предотвратить экспорт товаров, принадлежащих иностран-

ным концернам, тогда как товары и продукты индонезийских плантаций могли проходить беспрепятственно. Так ли все еще обстоит дело?

Г-н Шарифуддин: Отчасти да, но у нас здесь есть сахарные заводы, принадлежащие индонезийским компаниям, и часть их запасов была забрана голландцами. Заводы около Джокьякарты и Суракарты принадлежат, например, индонезийцам.

Комиссия: Обсуждался ли когда-нибудь этот частный вопрос с нидерландскими властями?

Г-н Шарифуддин: Мы обсуждали этот вопрос и даже пришли на этот счет к соглашению еще до 20 июля.

Комиссия: А затем?

Г-н Шарифуддин: Война.

Комиссия: Есть ли практическая возможность производить импорт и экспорт в пределах района Джокьякарты?

Г-н Шарифуддин: Да. Три дня тому назад из Патытана вышел пароход.

Комиссия: И что же, прорвал блокаду?

Г-н Шарифуддин: Да, это все еще возможно.

Комиссия: В перечне обвинений в нарушении приказа о прекращении огня я видел, кажется, несколько случаев, когда нидерландские военные корабли входили в трехмильную полосу, не предпринимая никаких действий. Придаете ли вы этому какое-либо значение?

Г-н Шарифуддин: Да, все-таки это война. Мир еще не заключен, и каждый раз, как появляется корабль, люди на берегу могут думать, что будет сделана попытка высадить войска. Я не думаю, чтобы голландцам надо было входить в эти воды, если они не имеют особых намерений.

Комиссия: Я ссылаюсь на письмо г-на ван-Моока, адресованное правительству республики 20 июля и касающееся условий блокады у Медана.

Г-н Шарифуддин: В этом районе была блокада на продукты питания.

Комиссия: Я думаю, что вы намерены... что вы приказали прекратить это до 21 июля.

Г-н Шарифуддин: Да.

Комиссия: Отдали ли вы соответствующие приказания?

Г-н Шарифуддин: Мы отдали приказания и письменно сообщили об этом нидерландским властям, но в то время положение в Медане, между демаркационными линиями, было весьма напряженное.

Комиссия: Полицейские операции? (20 июля.)

Г-н Шарифуддин: Мы никогда не считали военные действия голландцев полицейскими операциями. Я не думаю, чтобы при полицейских операциях было нормально применять самолеты, обстреливать с них наземные объекты и пользоваться десантными средствами, как это делали голландцы в некоторых местах Восточной Явы. Они высаживали там войска, тяжелую артиллерию, танки, бомбометы и истребители.

Комиссия: В своей речи, с которой он выступил по радио 21 июля, г-н ван-Моок сказал, что военные меры, к которым вынуждены были прибегнуть голландцы, были полицейскими операциями, направленными не против индонезийского

народа и свободы Индонезии, а лишь против властей и групп, фактически мешавших освобождению страны. Указывал ли когда-нибудь г-н ван-Моок Республике точно, что это за группы и в чем заключается их деятельность?

Г-н Шарифуддин: Я не думаю, чтобы эти группы существовали. Мы считаем, что в Республике нет тех групп, о которых говорил г-н ван-Моок.

Комиссия: Разве не предполагается, что полицейские операции производятся лишь против самочинных и антисоциальных элементов?

Г-н Шарифуддин: Да, конечно, но г-н ван-Моок забывает, мне кажется, что он встретил сопротивление не со стороны «групп», а со стороны Республики как организации.

Комиссия: Мы полагаем, что полицейские операции оправдываются отсутствием в данной стране или данном районе нормальных мирных условий. Были ли условия в этих районах достаточно мирными?

Г-н Шарифуддин: Мы утверждаем, что там царил законность и порядок, и мы не возражаем, чтобы прибыла туда международная комиссия для личного обследования положения на месте. Фактически мы уже предлагали это, но нидерландские власти не согласились.

Комиссия: Можете ли вы указать нам, какие группы имел в виду ван-Моок?

Г-н Шарифуддин: Я думаю, он имел в виду тех, которых называет «экстремистами».

Комиссия: А не республиканскую армию?

Г-н Шарифуддин: Не думаю, так как республиканская армия была признана, когда в стране были союзные войска. В качестве министра обороны я подписал два соглашения с военным командованием Соединенного Королевства, на основании которых Индонезийская Республика взяла на себя две задачи — эвакуацию интернированных и эвакуацию японских войск. Наша армия была признана как организованная сила, а не как скопище иррегулярных бойцов и банд.

Комиссия: Имеются ли в ее составе иррегулярные войска?

Г-н Шарифуддин: Мне кажется, что на территории, занятой голландцами, орудуют в настоящее время иррегулярные отряды. Конечно, они вне нашего контроля. Возможно, что это стихийное движение граждан.

Комиссия: Признаете ли вы отряды, которые там действуют?

Г-н Шарифуддин: Нет. Мы не можем дать определенного ответа. Мы не признаем отрядов, действующих на Суматре, частями республиканской армии. Я только что получил телеграмму от г-на Хатта. (Г-н Ламберт говорит о разрушениях, которые ему пришлось наблюдать на Суматре во время своей последней поездки.)

Г-н Шарифуддин: Нашим войскам приказано уничтожить эти отряды.

Комиссия: Достигнуты ли в этом заметные результаты?

Г-н Шарифуддин: Есть донесение, что они отогнаны к северу.

Комиссия: Много говорят о грабежах и разрушениях, а также о том, что при существующем положении там должны быть крайние элементы,

совершенно бесконтрольные. Можете ли вы сказать, что в этом году достигнут значительный успех в отношении того, чтобы взять в руки эти отряды?

Г-н Шарифуддин: Больше чем успех, так как группы юношей, которые участвуют в боевых действиях, входят в настоящее время в состав национальной армии. В конце мая мы издали декрет, которым все юноши сверх определенного возраста должны быть призваны на военную службу.

Комиссия: Удовлетворены ли вы в достаточной степени общей дисциплиной в республиканских войсках?

Г-н Шарифуддин: Да.

Комиссия: Как вы думаете, если бы вам предоставили возможность отдать приказ всем частям, которые в настоящее время находятся на занятой голландцами территории, подчинились ли бы они вашему приказу?

Г-н Шарифуддин: Не думаю, так как естественно, что там должно существовать движение сопротивления, — во всяком случае не раньше, чем будет разрешен политический вопрос.

Комиссия: Что скажете о воздушных операциях? [Приводятся некоторые из обвинений, выдвинутых противной стороной].

Г-н Шарифуддин: В боях голландцы пользовались бомбардировщиками и истребителями. Они ежедневно бомбардировали несколько мест и обстреливали их из пулеметов. Они также обстреливали из пулеметов поезда с военными пассажирами. Даже после 4 августа они все еще пользовались авиацией. Они сбросили парашютистов вблизи Тасикмалайи.

Комиссия: Мы переходим к вопросу 3г о мерах безопасности.

Г-н Шарифуддин: Имеете ли вы в виду меры безопасности, которые должны быть приняты в пределах оккупированной территории или внутри страны?

Комиссия: Внутри страны, конечно.

Г-н Шарифуддин: Внутри страны, мне кажется, нет надобности в каких-либо особых мерах безопасности. Имущество иностранцев и коммуникации — я не понимаю, что этим хотят сказать.

Комиссия: В английском тексте должно быть communities (общины).

Г-н Шарифуддин: Я думаю, что на территории, находящейся под нашей властью, положение продолжает оставаться нормальным. Мы приняли некоторые меры в отношении китайцев. Мы приказали, чтобы китайцы были возвращены в места их постоянного жительства и чтобы были наказаны те, которые занимались воровством, но ведь некоторые инциденты имели место там, где происходили столкновения между индонезийцами и китайцами.

Комиссия: Были ли после 4 августа приняты специальные меры, чтобы оградить население от притеснений, в особенности китайцев, которые будто бы подверглись ряду нападений с целью грабежа?

Г-н Шарифуддин: Мы приняли много мер для обеспечения жизни и имущества населения, особенно китайцев, проживающих в пограничных

районах, т. е. в районах вокруг Кебумена. Полиция арестовала 117 человек, занимавшихся грабежами в окрестностях Пурвудади. Она произвела также ряд арестов в районе Маланга. Мы все еще заняты расследованием этих дел. Есть некоторые организации, но мы все еще продолжаем наше расследование. Мы подозреваем, что они подосланы голландцами, чтобы создавать беспорядки. Мы продолжаем расследование.

Комиссия: Были ли приняты меры для охраны жизни и имущества китайцев?

Г-н Шарифуддин: Еще до начала нападений мы приняли меры, но они оказались недостаточными из-за весьма значительных провокационных выступлений. Китайский генеральный консул просил нас сформировать корпус внутренней безопасности, но мы не удовлетворили этой просьбы, так как не считаем правильным, чтобы одна часть населения имела свою собственную полицию. Мы организовали систему охраны города. Город разделен на участки и в каждом участке имеется лицо, ответственное за двадцать домов. В эту охранную стражу входят как китайцы, так и индонезийцы.

Комиссия: Какие размеры приняли, по-вашему, нападения на китайцев?

Г-н Шарифуддин: Когда голландцы начали свое наступление в этих районах, произошли грабежи, причем жертвами были, главным образом, китайцы.

Комиссия: Были ли беспорядки до 20 июля?

Г-н Шарифуддин: До 20 июля были лишь незначительные беспорядки. Между китайцами и индонезийцами были натянутые отношения.

Комиссия: А вопрос, касающийся индийцев и арабов?

Г-н Шарифуддин: Это не так. Эти обвинения быть может правильны поскольку они относятся к Восточной Суматре, где имеется многочисленное индийское население.

Комиссия: Много ли иностранного имущества было уничтожено в результате политики сожженной земли?

Г-н Шарифуддин: Да, иностранного имущества вообще, не только голландского.

Комиссия: Были ли разрушения значительны?

Г-н Шарифуддин: Я думаю, пострадало главным образом голландское имущество.

Комиссия: Была ли какая-либо особая причина, почему грабили китайцев?

Г-н Шарифуддин: Особой причины не было, если не считать того, что китайцы богаты. Само собой разумеется, что ограблению подвергались не только китайцы, но и наши собственные граждане. Надо все же иметь в виду, что большинство китайцев богатые люди. Они главным образом торговцы.

Комиссия: Обвиняете ли вы в чем-либо китайцев?

Г-н Шарифуддин: Мы арестовали несколько китайцев, занимавшихся шпионажем и выполнявших функции «пятой колонны». С другой стороны, известно, что нидерландская армия имеет в своих войсках китайцев. Они — нидерландские подданные, но в наших глазах остаются китайцами. Голландцы вооружают китайцев. Они соз-

дали Pau An Tui. Наши войска считают, что китайцы держат сторону голландцев, и это является причиной многих беспорядков. Китайцы говорят, что они защищают свое имущество, а мы утверждаем, что они на стороне голландцев.

Комиссия: Переходим к вопросу 3h относительно гражданского управления.

Г-н Шарифуддин: Мы приказали нашему населению не исполнять распоряжений нидерландских властей и не сотрудничать с ними, так как после 4 августа они заставили наше население ликвидировать республиканскую гражданскую службу. Мы считаем враждебным актом их намерение распустить нашу организацию.

Комиссия: Как велико число гражданских чиновников, работающих с нидерландскими властями?

Г-н Шарифуддин: Очень незначительно. Я не думаю, чтобы оно превышало 7 или 8 процентов.

Комиссия: Будут ли приняты против этих лиц какие-нибудь меры, после того как эти районы вновь, окажутся под вашей властью?

Г-н Шарифуддин: Да, и это правильно.

Комиссия: Вопрос жалованья?

Г-н Шарифуддин: Если бы мы могли посылать деньги, мы платили бы им отсюда.

Комиссия: Таким образом вы соглашаетесь, чтобы они продолжали свою работу?

Г-н Шарифуддин: Вообще говоря, нет. Но если они могут сделать что-нибудь для нашего населения, тогда, конечно, они могут работать.

Комиссия: Учитывается ли, что они работают под нидерландским контролем?

Г-н Шарифуддин: В некоторых случаях нидерландские власти позволяют, чтобы наши люди получали жалованье от республиканского правительства; так например, Центральный госпиталь в Батавии попрежнему находится в ведении республиканских врачей, оплачиваемых нами.

Комиссия: Что вы думаете относительно принципов, выставленных г-ном ван-Мооком в его речах от 21 июля, 29 и 30 августа, т. е. о том, что голландцы хотели устранить теперешнее республиканское правительство, но не уничтожить республики?

Г-н Шарифуддин: Я не думаю, что это касается принципов, выставленных г-ном ван-Мооком, но вопрос этот весьма важен для нас, так как если государственная гражданская служба должна продолжать функционировать, то возникает вопрос, кому будет подведомственна эта служба, Республике или голландцам? В результате военных действий они проникли на новые территории. Мы не думаем, чтобы мы могли приказывать нашему населению сотрудничать с нидерландскими властями.

Комиссия: В таком случае следует решить, стоит ли гражданская служба по ту сторону линии ван-Моока в ведении Республики или в ведении правительства Нидерландской Ост-Индии?

Г-н Шарифуддин: Да, конечно.

Комиссия: Правда ли, что много бывших республиканских гражданских чиновников продолжают свою работу при нидерландских властях, считая, что они республиканцы и что их работа идет на благо индонезийского народа, и отказы-

ваясь, как я уже говорил, принимать жалованье? Какова ваша общая точка зрения в этом вопросе?

Г-н Шарифуддин: Они должны отказываться принимать жалованье от правительства Нидерландской Ост-Индии. Если бы можно было посылать деньги, мы могли бы платить им отсюда.

Комиссия: Ну, а если вы не можете посылать деньги?

Г-н Шарифуддин: Вот тут-то и начинается осложнение.

Комиссия: Я полагаю, что они должны иметь деньги, чтобы жить?

Г-н Шарифуддин: Мы пошлем им деньги. Почему нельзя договориться с нидерландскими властями, чтобы мы могли посылать деньги?

Комиссия: Не является ли такое положение для гражданских чиновников тяжелым, если они хотят принести пользу населению, не считаясь с политикой?

Г-н Шарифуддин: Я думаю, что для них гораздо тяжелее не быть лояльными в отношении Республики.

Комиссия: В душе они хорошие республиканцы и некоторые из них, в ожидании помощи от вас, продолжают выполнять свою работу; они ведь принимают деньги, чтобы иметь возможность существовать, и мы понимаем, что эти деньги выплачиваются им в виде аванса, а не настоящего жалованья. При таких условиях возражаете ли вы все же против того, чтобы они продолжали работать?

Г-н Шарифуддин: Мы приказали им не принимать никаких денег от голландцев.

Комиссия: Подвергаются ли эти лица каким-нибудь угрозам?

Г-н Шарифуддин: Гражданские чиновники не подвергаются угрозам со стороны центрального правительства. Мы ограничиваемся тем, что посылает им распоряжения не сотрудничать с нидерландскими властями и не получать от них жалованья.

Комиссия: Как обстоит положение здесь в сравнении с положением в оккупированных странах Европы?

Г-н Шарифуддин: Нидерланды назначают новых резидентов, начальников полиции и начальников правительственных департаментов. Каждый раз, занимая новый город, они назначают новых лиц — не только резидентов, lurahs, но также и начальников полиции.

Комиссия: Что же вы требуете в этих случаях от ваших граждан?

Г-н Шарифуддин: Мы отдали общее распоряжение, чтобы они не сотрудничали с нидерландскими властями.

Комиссия: Что же, по вашему мнению, они должны делать?

Г-н Шарифуддин: Сопротивляться голландцам и укреплять свои позиции.

Комиссия: Считаете ли вы, что они должны покинуть свои места и перейти на республиканскую территорию?

Г-н Шарифуддин: Некоторые из них это сделали. Если они не могут принести населению никакой пользы, они должны уйти. В Маланге оста-

лось сто пять наших полицейских. Нидерландские власти приняли их на службу и платили им жалованье. Согласно полученному от нас распоряжению, они отказались принимать деньги, и голландцы формируют теперь новый контингент полиции. Они пользуются нашими людьми лишь временно.

Комиссия: Чего же вы от них ждете?

Г-н Шарифуддин: Чтобы они ушли из Маланга. Голландцы создадут там новую полицию, чтобы иметь собственную организацию. Они пользуются пока нашей организацией, так как хотят закрепить свое положение в этих районах.

Комиссия: Не было ли бы лучше, если бы республиканцы остались на своих постах, пока не выяснится обстановка?

Г-н Шарифуддин: Нет, если их начальниками являются голландцы. Тогда это было бы голландское гражданское управление, а не республиканское.

Комиссия: Этот вопрос имеет некоторое отношение к приказу о прекращении огня, так как усилилось, вероятно, жесточение.

Г-н Шарифуддин: В некоторых случаях государственных чиновников расстреливали за отказ сотрудничать с нидерландскими властями. Мы можем сообщить вам их имена.

Комиссия: Согласились ли бы вы обсудить на конференции с нидерландскими властями вопрос об образовании смешанного полицейского корпуса?

Г-н Шарифуддин: В настоящий момент это невозможно. Я думаю, что это могло бы быть впоследствии предметом переговоров с Комиссией трех держав.

Комиссия: Что касается линии ван-Моока, почему, по вашему мнению, г-н ван-Моок выступил со своей речью 29 августа, а не в день отдачи приказа о прекращении огня?

Г-н Шарифуддин: Потому что наши войска были еще на месте, и мы имели с ними связь. Кроме того, наша гражданская администрация была еще там, и все они получали приказы от нашего центрального правительства в Джокьякарте. В настоящее время мы стараемся определить статус территории, находящейся позади линии ван-Моока. Определение статуса территории, находящейся под режимом «прекращения огня», — это вопрос политический.

Комиссия: Почему г-н ван-Моок выступил со своим заявлением 29 августа?

Г-н Шарифуддин: К тому времени его войска продвинулись в Западной Яве примерно к Гаруту и Тасикмалайе. Они заняли эти центры. Заявление о линии ван-Моока было сделано в тот же день, когда мы получили сообщение относительно решения Совета Безопасности учредить Комиссию трех держав.

Комиссия: Можно ли на основании речи г-на ван-Моока прочертить на карте демаркационную линию?

Г-н Шарифуддин: Нет, так как мы не получили от них никакого сообщения об этом заявлении. Оно было лишь сделано по радио.

Комиссия: Каковы возможности возобновления переговоров о демаркационной линии?

Г-н Шарифуддин: Все зависит от доброй воли обеих сторон.

Комиссия: Ваше мнение относительно Комиссии трех держав?

Г-н Шарифуддин: Это будет зависеть, я полагаю, от того, какое политическое решение может быть достигнуто впоследствии. Эта демаркационная линия может быть лишь временной мерой пока мы не разрешим этой проблемы.

Комиссия: Что вы думаете относительно иррегулярных отрядов?

Г-н Шарифуддин: Никаких самостоятельных образований не существует. Они были распущены в мае. Таким образом, через два года власть будет фактически в наших руках.

Комиссия: Что касается управления республиканскими войсками, на ком лежит ответственность за дисциплину и руководство армией?

Г-н Шарифуддин: На мне в качестве министра обороны, каковую функцию я осуществляю через главнокомандующего.

Комиссия: Относится ли это к Яве и Суматре?

Г-н Шарифуддин: Да, относится.

Комиссия: Имеет ли г-н Хатта в качестве вице-президента парламентское учреждение, аналогичное существующему на Яве?

Г-н Шарифуддин: Нет, он действует собственной властью. Мы послали туда также двух верховных комиссаров, ответственных перед кабинетом. Мы прибегли к этому после 21 июля вследствие затруднений со связью. Мы можем еще сноситься телеграфно, но у нас нет ни морской, ни воздушной связи.

Комиссия: Правда ли, что в Атьехе вооруженные силы находятся в подчинении партии Мас-джуми?

Г-н Шарифуддин: Эта организация там слишком малочисленна. На Суматре партия Мас-джуми никаким влиянием не пользуется. На Яве и Суматре РНИ более сильна.

Комиссия: Высказывалось мнение, что можно было бы уменьшить потери путем отказа с взаимного согласия от поддерживающих огневых средств, т. е. от артиллерии, самолетов и минометов.

Г-н Шарифуддин: Нельзя ли было бы договориться с голландцами, чтобы они не пользовались артиллерией и танками?

Комиссия: Обращаетесь ли вы с этим предложением к нидерландским властям или к нам?

Г-н Шарифуддин: Я обращаюсь к вам. Это одна из тех мер, которые мы можем принять теперь же.

[Члены Комиссии решают между собою, что минометы равносильны тяжелой артиллерии и т. д. При упоминании минометов г-н Шарифуддин соглашается.]

[Нижеследующая запись была сделана уже после начала обсуждения предложений о способах уменьшения потерь и о лучшем соблюдении приказа о прекращении огня.]

Комиссия: Имеется ли какая-нибудь надежда на достижение соглашения между голландцами и индонезийцами относительно дорог, которыми можно было бы пользоваться для подвоза запасов?

Г-н Шарифуддин: Мы можем согласиться относительно некоторых дорог. Главный вопрос касается Западной Явы, где голландцы объявили территорию, расположенную позади линии ван-Моока, нидерландской территорией и на этом основании считают, что могут свободно по ней передвигаться. Но раз наши войска все еще там находятся, то я думаю, что приказ о прекращении огня не может соблюдаться, так как нидерландские власти не считают движение воинских частей и ликвидацию остатков сопротивления возобновлением военных действий и объявили эту территорию своей. Но если наши войска все еще там, мы не можем приказывать им сдаться без сопротивления.

Комиссия: Комиссия могла бы рассмотреть некоторые предложения, касающиеся Западной Явы.

Г-н Шарифуддин: И Восточной Явы. У нас там тоже имеются воинские части; в настоящее время они разбились на мелкие группы, но войска все еще там, я хочу сказать — к востоку от Маланга.

Комиссия: Если бы вы согласились на пользование некоторыми дорогами для доставки запасов на нидерландские посты, то пожалуй можно было бы просить голландцев, чтобы они, в свою очередь, согласились на подобные же дороги для снабжения войск на Восточной Яве.

Г-н Шарифуддин: И на Западной Яве.

Комиссия: Были бы вы согласны обсудить с офицерами вашей армии и с голландскими офицерами, при возможном участии наблюдателей от Консульской комиссии и без какого-либо изменения занимаемых позиций, вопрос об уменьшении потерь?

Г-н Шарифуддин: Считаю это вполне возможным, но тогда мы предпочли бы, чтобы переговоры велись не в Джокьякарте и не в Батавии.

Комиссия: Вы были бы согласны, при условии, чтобы не было никаких осложнений? Ведь даже для отказа от пользования артиллерией тоже необходимы переговоры. Имеются ли у вас какие-нибудь предложения относительно места, где бы могли состояться эти переговоры?

Г-н Шарифуддин: Сингапур.

Комиссия: А не могли бы там состояться и политические переговоры такого же рода?

Г-н Шарифуддин: Не значит ли это забегать вперед...?

[Разговор относительно Комиссии трех держав и сокращения потерь нельзя расслышать.]

Комиссия: Можем ли мы получить от вас определенное предложение в этом смысле?

Г-н Шарифуддин: Мы не можем решить сейчас.

Комиссия: Согласились бы вы, чтобы Комиссия позондировала у нидерландских властей почву относительно возможности осуществления высказанных сегодня пожеланий?

Г-н Шарифуддин: Да.

Комиссия: Каковы настроения населения во вновь занятых районах?

[Зачитывается заявление в ответ на этот вопрос.]

Комиссия: Какую позицию занимают республиканцы в отношении сепаратизма?

Г-н Шарифуддин: Я не думаю, чтобы сепаратизм был движением. Он инспирируется голландцами, а не исходит от самого населения...

Комиссия: Можете ли вы сделать нам заявление относительно политики сожженной земли?

Г-н Шарифуддин: Это одна из мер обороны как в экономическом, так и в военном смысле.

Комиссия: Имеется ли у вас перечень того, что было сделано в отношении проведения в жизнь политики сожженной земли?

Г-н Шарифуддин: Да, нам известны все результаты, поскольку о них поступили донесения, так как большинство операций производится в настоящее время на территории, находящейся в нидерландских руках. Мы все еще получаем донесения из этих районов.

[Зачитывается донесение.]

Комиссия: Распространяется ли политика сожженной земли и на уничтожение посевов?

Г-н Шарифуддин: В некоторых местах рисовые посевы были уничтожены, так как мы обнаружили тенденцию голландцев сразу по прибытии захватывать посевы.

Комиссия: Является ли это определенной политикой, которой вы пользуетесь как оружием?

Г-н Шарифуддин: Да.

Комиссия: Как оружием, которым вы пользуетесь при наступлении голландцев или при настоящем положении?

Г-н Шарифуддин: Только во время наступления голландцев.

Комиссия: Мы посетили один сахарный завод, где видели сваленные в кучу дрова, и нам говорили, что при проведении в жизнь политики сожженной земли пользуются также и динамитом. Так ли это?

Г-н Шарифуддин: Этим воспользовались бы только в том случае, если бы голландцы пришли на этот завод.

Комиссия: На Суматре были недавно произведены разрушения в местах, где голландцев не было.

Г-н Шарифуддин: Но я думаю, что это было сделано, когда голландские войска приближались к этим плантациям.

Комиссия: Входит ли в задачу ваших войск, остающихся в настоящее время на занятой голландцами территории, разрушать те или иные установки, чтобы не дать голландцам ими воспользоваться?

Г-н Шарифуддин: Да. Если голландцы будут продолжать свои атаки, как они это делают в западной части Явы, мы должны прибегать к этому для самообороны.

Комиссия: Правда ли, что некоторые плантации и заводы поджигались ночью, так как их не защищали, хотя ничто на это непосредственно не вызывало? Входит ли это также в политику сожженной земли?

Г-н Шарифуддин: Нет. Мы это делаем только в тех случаях, когда нападению подвергается наша собственная территория. Если на территории, занятой голландцами, все еще существует движение сопротивления со стороны населения, то это не является политикой нашего правительства.

Комиссия: Мы хотели бы еще раз кратко коснуться предыдущего вопроса. Настроен ли народ против голландских интересов здесь или он только относится враждебно к колониальной системе?

Г-н Шарифуддин: Это — протест против колониальной системы, а не против голландцев, как людей.

Комиссия: Говорят, что некоторые элементы хотят выгнать голландцев с этих островов.

Г-н Шарифуддин: Только их войска. Экономически мы нуждаемся в голландцах.

Комиссия: Каково экономическое положение во вновь занятых районах? Улучшилось ли там положение или наоборот?

Г-н Шарифуддин: Прежде всего, когда голландцы занимают какую-нибудь территорию, они заставляют изъять из обращения республиканские деньги или издают декреты, в силу которых население обязано принимать деньги по фиксированному курсу. Это конечно ослабляет там наше финансовое положение, что в свою очередь не способствует улучшению экономического положения. Присутствие голландских войск затрудняет конечно торговлю между территорией, занятой голландцами, и нашей территорией. Я думаю, что эти два обстоятельства делают весьма трудной для нашего народа жизнь на территории, занятой голландцами. Это вопрос финансов и торговли.

Комиссия: Можете ли вы остановиться несколько подробнее на денежном вопросе? Ведь в некоторых случаях вы пользуетесь еще японскими деньгами?

Г-н Шарифуддин: Только на Суматре.

Комиссия: Это имеет значение, так как оказывает влияние на настроения населения в отношении противной стороны.

Г-н Шарифуддин: Мы не можем посылать наши деньги на Суматру. Нидерландские власти сделали это невозможным.

Комиссия: Будете ли вы признавать японские деньги на Суматре, когда обстановка прояснится?

Г-н Шарифуддин: Нет, они будут обменены на наши деньги.

Комиссия: А как насчет нидерландских денег на республиканской территории?

Г-н Шарифуддин: В ноябре 1946 года мы договорились о том, чтобы в оккупированных районах и пограничных областях можно было свободно пользоваться нидерландскими и республиканскими деньгами, но фактически нидерландские деньги не являются законной валютой на республиканской территории, подобно тому как республиканские деньги не являются законной валютой на нидерландской территории.

Комиссия: Был ли тогда фиксирован курс между республиканскими и нидерландскими деньгами?

Г-н Шарифуддин: Нет, мы не могли договориться.

Комиссия: Поднялась ли или упала ценность республиканских денег?

Г-н Шарифуддин: Поднялась.

Комиссия: Как обстоит дело с эмиссией республиканских бумажных денег?

Г-н Шарифуддин: С 21 июля она увеличилась.

Комиссия: Почему? На каком основании?

Г-н Шарифуддин: Потому что нам требуется гораздо больше денег.

Комиссия: Для какой цели?

Г-н Шарифуддин: Для целей войны.

Комиссия: Вы понимаете, что это может привести к инфляции?

Г-н Шарифуддин: Да.

Комиссия: Считаете ли вы, что покупательная способность остается стойкой?

Г-н Шарифуддин: Она уменьшается.

Комиссия: Можете ли вы остановить это понижение?

Г-н Шарифуддин: Мы надеемся остановить его, после того как закончится война.

Комиссия: В какой мере выпуск денег обеспечен продукцией?

Г-н Шарифуддин: Стоимость продукции, которая...

Комиссия: Имеет ли Республика свой собственный таможенный тариф... теоретически?

Г-н Шарифуддин: Да, имеет.

Комиссия: Есть ли какие...

Г-н Шарифуддин: Свободная торговля.

Комиссия: Как давно существует этот тариф?

Г-н Шарифуддин: [Ответ невнятен.]

Комиссия: В том, что касается экономического положения населения, имеется ли большое количество беженцев с той или другой стороны... на нидерландской или индонезийской территории?

Г-н Шарифуддин: На республиканской территории зарегистрировано 728 000 беженцев.

Комиссия: Каковы причины этого беженского движения?

Г-н Шарифуддин: Стремление уйти из зоны войны и избежать бедствий войны.

Комиссия: Говорят, что лица, имеющие известную сумму денег в республиканских банкнотах, покидают занятую голландцами территорию, так как эти банкноты не имеют там больше хождения. Является ли это обстоятельство крупным фактором?

Г-н Шарифуддин: Нет, это движение началось до прибытия голландцев.

Комиссия: Заботится ли правительство о питании беженцев?

Г-н Шарифуддин: Не о всех. Многие из них имеют достаточно денег, чтобы самим покупать пищу.

Комиссия: Для управления страной правительство нуждается в денежных поступлениях и потому должно взимать налоги. Взимаются ли налоги деньгами или натурой?

Г-н Шарифуддин: Деньгами и натурой. От крестьян мы получаем продукты согласно все еще существующей арендной системе.

Комиссия: Что вы делаете с беженцами? Предоставляют ли им работу или их помещают в лагеря?

Г-н Шарифуддин: Мы устраиваем их на работу. Нет надобности помещать их в лагеря, так как мы можем устраивать их в деревнях.

Комиссия: Много ли у вас китайских беженцев?

Г-н Шарифуддин: Приблизительно 18 000.

Комиссия: Что с ними делается?

Г-н Шарифуддин: К ним такое же отношение, как и к индонезийским беженцам, но у многих из них достаточно денег, чтобы самим заботиться о своем пропитании. Они возобновили дела на территории Республики.

Комиссия: Представляет ли безработица проблему?

Г-н Шарифуддин: Да, заводы и плантации были разрушены, вследствие чего увеличилось число безработных. Мы стараемся вновь устроить их на работу в деревнях. Число безработных достигает приблизительно 50 000.

Комиссия: Какой процент населения на территории, занимаемой и управляемой республиканцами, занят в настоящее время на военных работах и в войсках?

Г-н Шарифуддин: На этот вопрос трудно ответить. Некоторые из наших оборонительных частей сформированы из сельских жителей, а не настоящих солдат. По имеющимся у меня сведениям, во многих местах различные нормальные виды деятельности, как например сельскохозяйственные работы, не могут выполняться в такой же полной мере, как раньше, так как все жители привлечены к работе в войсках.

Комиссия: Какой процент населения занят в армии?

Г-н Шарифуддин: На это слишком трудно ответить.

Комиссия: Правда ли, что в некоторых местах часть населения должна работать один день в неделю на армию?

Г-н Шарифуддин: Да, я думаю, что это в общем так.

Комиссия: Говорят, что республиканское правительство готово было бы вступить в переговоры по некоторым вопросам, если бы голланд-

ские войска были эвакуированы. Среди населения территории, занятой голландцами, существует сильное опасение репрессий против тех, которые работают на плантациях. Что можно было бы сделать, чтобы успокоить эти опасения?

Г-н Шарифуддин: Мы могли бы двигать нашу полицию вслед за войсками.

Комиссия: Возникнут затруднения, если между уходом голландских войск из данного района и прибытием туда индонезийской полиции пройдет некоторый промежуток времени.

Г-н Шарифуддин: Мы бы ничего не имели против какого-либо международного контроля... чтобы доказать нашу добрую волю.

Комиссия: Понадобились бы значительные силы, так как вероятно появилось бы большое число самостоятельных отрядов.

Г-н Шарифуддин: Мы можем частично использовать наши собственные полицейские части.

Комиссия: Какова была бы численность республиканской полиции?

Г-н Шарифуддин: На 2 000 жителей приходится приблизительно один полицейский. Наша гражданская полиция в Джокьякарте насчитывает 30 000 человек.

Комиссия: Будет ли это достаточно?

Г-н Шарифуддин: При условии надлежащего снаряжения со стороны, наша жандармерия будет достаточно.

Комиссия: Если бы вы изложили письменно ваши ответы, как скоро могло бы это быть сделано?

[Тут происходит некоторое невнятное обсуждение, но никакого прямого ответа на поставленный вопрос услышать не удалось.]

Председатель г-н Ро благодарит индонезийских представителей, после чего заседание закрывается.

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII

Доклад конференции, состоявшейся 29 сентября 1947 года в Батавии между представителями правительства Нидерландской Ост-Индии и Консульской комиссией

Представители правительства Нидерландской Ост-Индии:

Генерал-лейтенант С. Х. Спoor, армии Нидерландской Индии

Д-р И. Е. ван-Гоогстратен, глава Департамента экономических дел

Раден Абдул Кадир Видьойоатмодьо, Resomba Западной Явы, и восемь других лиц

Консульская комиссия:

Г-н Чарльз Итон, и. о. генерального консула Австралии

Г-н Вальтер А. Фут, генеральный консул Соединенных Штатов Америки

Г-н Цзя-тун Цзян, генеральный консул Китая

Г-н П. Вандерстихелен, генеральный консул Бельгии

Г-н Этьен Ро, генеральный консул Франции

Г-н Франсис М. Шеперд, генеральный консул Соединенного Королевства

Г-н Чарльз О. Ливенгуд, генеральный консул Соединенных Штатов Америки

Г-н Т. Ламберт, заместитель генерального консула Соединенного Королевства

Комиссия: Мы хотели бы узнать от властей Нидерландской Ост-Индии их определение термина «прекращение огня» и, в общих чертах, те меры, которые были приняты для проведения его в жизнь.

Нидерландская Индия: Отданный нам 4 августа приказ о прекращении огня означал для нас, что мы должны были остановить всякое движение в сторону республиканской территории, и все движение к Джокьякарте было остановлено в полночь 4 августа. В полночь 4 августа мы отдали соответствующие распоряжения войсковым начальникам, и все движение остановилось. Мне кажется, что относительно выражения «прекращение огня» была некоторая неясность, так как я видел отчеты Совета Безопасности; в них

употреблялось выражение «прекращение огня» (cease-fire) наряду с выражением «прекращение военных действий» (cease-hostilities) и иногда даже слова «прекратить боевые действия» (cease fighting). Это, конечно, совершенно разные выражения. «Прекращение огня» (cease-fire) означает, что мы останавливаем все военные движения и боевые действия; «прекращение военных действий» (cease-hostilities) идет несколько дальше. Психологическая война является одним из важных элементов, и когда мы прекращаем военные действия, то психологическая война должна быть также немедленно прекращена. Мы поняли приказ о прекращении огня как означавший, что мы должны были остановиться и оставаться на тех линиях, которые были достигнуты войсками в полночь 4 августа, и ни одной из наших частей не разрешалось продолжать движение вперед в сторону республиканской территории.

Комиссия: Резолюция Совета Безопасности гласит: [Зачитывается текст резолюции S/459 Совета Безопасности]. Считали ли вы, что это означает в военном смысле «прекращение военных действий» (cease-hostilities) или только «прекращение огня» (cease-fire)?

Нид. Индия: Военные действия с нашей стороны заключались лишь в движении наших войск в направлении Джокьякарты, так как нами не производилось никакой подрывной работы или саботажа и не велось радиопропаганды. Таким образом «прекращение огня» (cease-fire) означало для нас прекращение боевых действий и остановку движения, и поэтому нами не было отдано никаких других распоряжений.

Комиссия: Из вашего ответа следует, что фактически не было военных действий, которые можно было бы прекратить, а было только движение вперед, неправда ли?

Нид. Индия: Я считаю, что военные передвижения являются частью военных действий, и нам приходилось иметь дело только с этой частью военных действий. В момент прекращения огня мы остановили все военные передвижения в сторону республиканской территории, и это все. Ничего другого не произошло.

Комиссия: Таким-то образом вы понимали значение выражения «военные действия» (hostilities)?

Нид. Индия: Мы прекратили боевые действия.

Комиссия: Вы хотите сказать, генерал, что «военные действия» (hostilities) включают целый ряд действий, но что те действия, которые вы производили, сводились только к военным передвижениям?

Нид. Индия: Так точно.

Комиссия: И что эти боевые действия были предприняты в ответ на политику сожженной земли и психологическую войну, проводимые противной стороной?

Нид. Индия: Совершенно верно.

Комиссия: А Нидерланды совсем не проводили такой политики?

Нид. Индия: Нет.

Комиссия: У меня создалось впечатление, что когда отдается приказ о прекращении огня или о прекращении военных действий, то обе сторо-

ны заключают между собой известного рода соглашение относительно демаркационной линии или того или иного пункта, у которого каждая из сторон остановит свои войска. Была ли сделана попытка прийти к какому-нибудь соглашению с республиканцами в этом смысле?

Нид. Индия: 4 августа мы вышли на намеченные нами линии на Западной Яве, Средней и Восточной Яве и на Суматре. Войскам было приказано держаться своих позиций и прекратить движение вперед. 29 августа генерал-губернатору пришлось обратиться по радио к республиканцам и сообщить им о демаркационных линиях, так как республиканское правительство в Джокьякарте не разрешало своим чиновникам и населению сотрудничать с нидерландскими властями даже в оккупированных голландцами районах. Поэтому генерал-губернатор был вынужден сообщить по радио в Джокьякарту, что мы не признаем никакой республиканской власти на территориях под нидерландской оккупацией. До этого не было надобности устанавливать какие-либо демаркационные линии, так как обе стороны были отлично осведомлены о стратегической обстановке и о том, какие позиции заняты голландцами. Ввиду того что приказ о прекращении огня был выполнен весьма быстро, общее положение было на первых порах слишком неустойчивым, чтобы позволить окончательно установить эти демаркационные линии.

Комиссия: Имеются ли у нас копии общих приказов, отданных частям о прекращении огня?

Нид. Индия: Да, мы перевели их и вам послали.

Комиссия: Что касается психологической стороны вопроса г-на Фута, велась ли с вашей стороны какая-либо пропаганда за продолжение полицейских операций?

Нид. Индия: За продолжение полицейских операций — нет. Мы только разъяснили населению и республиканским чиновникам, что им надлежит сотрудничать с нидерландскими должностными лицами на территориях под нидерландской оккупацией.

Комиссия: Пропаганды за продолжение полицейских операций не велось?

Нид. Индия: Нет.

Комиссия: Я хочу задать один вопрос, так как не мог прочесть всех документов, с которыми хотел бы ознакомиться, — слишком их много. Предлагали ли нидерландские власти республиканским чиновникам в оккупированных Нидерландами районах продолжать выполнять свои обязанности, например охранять население или предупреждать разрушения? Я хотел бы получить ответ на это от генерала Споора.

Нид. Индия: Это было одним из руководящих принципов, чтобы, по занятии нами республиканских территорий, состоящие на службе должностные лица оставались на своих местах и продолжали выполнять свои обязанности. Мы это вполне разъяснили как населению, так и Республике. У нас не было намерения замещать их нидерландскими чиновниками, а мы хотели, чтобы они оставались на своих должностях.

Комиссия: Считаете ли вы отказ от сотрудничества со стороны чиновника враждебным актом?

Нид. Индия: Мне кажется, что это не военный вопрос, и потому предоставляю ответить на него одному из советников по политическим делам. [Далее продолжает Раден Абдул Кадир Видьойо-атмодьо, Resomba Западной Явы]: Я отвечу на этот вопрос. Например, я был назначен на должность Resomba в Западной Яве, и мне надлежало при создании административного аппарата выполнять распоряжения генерал-губернатора, но это оказалось невозможным, так как отданный в Джокьякарте в то время приказ запрещал гражданским чиновникам сотрудничать с нидерландскими властями и угрожал тем, кто готов был остаться на месте и продолжать свою работу. Таким образом, когда Tentara Nasional Indonesia (TNI)⁸ эвакуировала гражданских чиновников, никто не остался на месте и везде царила пустота. В Гаруте, Тасикмалайе и Тьямисе, мы должны были нести административные функции по управлению населением, но приказы, отданные в Джокьякарте, не дали нам возможности выполнить наше желание и обеспечить полное управление страной.

Комиссия: Считаете ли вы это актом враждебности?

Нид. Индия: Это не играет никакой роли в деле управления страной.

Комиссия: Но мы хотели бы знать, действительно ли вы рассматривали это как акт враждебности?

Нид. Индия: На практике всякое действие республиканцев, имеющее характер отказа в сотрудничестве, является проявлением отрицательного отношения.

Комиссия: Считаете ли вы его враждебным?

Нид. Индия: Я считаю его только отрицательным.

Комиссия: Что касается приказа о прекращении огня и связанных с этим мер, о которых вы нам сообщили, считаете ли вы, что другая сторона, т. е., сторона республиканская, приняла то определение, которое вы нам дали? Другими словами, считаете ли вы их нарушителями приказа о прекращении огня? Или же, быть может, это вызвано только различием в толковании?

Нид. Индия: Я должен сказать, что мы не имели случая обсуждать этот вопрос с республиканскими представителями, но с 14 октября 1946 г., когда мы закончили совещания о перемирии, и после подписания 25 марта Лингаджатского соглашения, наш опыт показал, что боевые действия все еще продолжались по всему нашему фронту, и мне кажется, что лучше всего можно ответить на ваш вопрос по пункту 2, процитировав несколько приказов, отданных республиканцами⁹. Таким образом, я считаю, что тут должна быть какая-то определенная разница в толковании.

Комиссия: Определенная разница в толковании?

Нид. Индия: Да.

Комиссия: Эти приказы, генерал, не соответствуют общему приказу, который был передан по радио из Джокьякарты. Не правда ли?

Нид. Индия: Совершенно верно. С другой стороны, я, к сожалению, должен указать на то, что

эти приказы тоже исходили из Джокьякарты, так как генерал Урип Сумохардьо, состоящий начальником штаба республиканских войск, находится в Джокьякарте. Я хочу привести вам несколько примеров...

Комиссия: Не думаете ли вы, что эти приказы были вызваны какими-либо передвижениями ваших войск после отдачи приказа о прекращении огня?

Нид. Индия: Нет.

Комиссия: Под передвижениями я имею в виду переброску войск с одного места на другое в пределах оккупированных вами территорий.

Нид. Индия: В таком случае отданные мною распоряжения не могли вызвать нападения на войска в местах их расположения, как и при совершении известного передвижения.

Комиссия: Простого передвижения?

Нид. Индия: Нет, потому что наши войска подвергаются атакам в местах своего расположения, а не только тогда, когда они находятся в движении.

Комиссия: Я это вполне понимаю. Я имею в виду передвижение в районе вашей собственной территории, где оно несомненно должно было иметь место.

Нид. Индия: Да.

Комиссия: Это противоречит отданному 4 августа президентом Сукарно приказу, в последнем пункте которого он заявляет: «Приказываю... всем вооруженным силам оставаться на тех позициях, которые они занимают в настоящее время, и прекратить все военные действия».

Нид. Индия: Да, но речи премьер-министра г-на Шарифуддина противоречат этому, как противоречат этому и приказы Судирмана и Сумохардьо, согласно нашему прошлогоднему опыту. Я еще помню, как приказы, отданные генералом Судирманом 26 декабря, привели к большим волнениям на Суматре и в районах Палембанга и Медана.

Комиссия: Мне кажется, можно считать фактом, что республиканцами были отданы распоряжения об оказании сопротивления всякому передвижению нидерландских войск в районах, ими оккупированных. Так ли это?

Нид. Индия: Да, совершенно верно.

Комиссия: Прежде чем мы покончим с этим, могу ли я задать еще один вопрос? Мне кажется, мы еще не выяснили этого положения. У нас в документах имеются указания на обвинение республиканцами нидерландских властей в задержке до какого-то часа 4 августа передачи требования Совета Безопасности о прекращении огня. Можете ли что-либо сказать по этому поводу?

Нид. Индия: Нет, мы не задержали никаких телеграмм или приказов, полученных от Совета Безопасности. Мы переслали их противной стороне со всей возможной поспешностью. С этим связана целая история. [Г-н Эссауссиес объясняет это так]: Г-н Гани ответил отрицательно на вопрос о том, может ли он передать телеграмму в Джокьякарту. Мне кажется, что я знаю некоторые подробности. Адрес на телеграмме был весьма неполный. Она была адресована г-ну Шарифуддину в Джокьякарте или на Яве. Мне кажется, 3 августа было воскресенье. Телеграмма

⁸ Индонезийская национальная армия.

⁹ См. Приложение II.

была доставлена в Дальневосточное бюро поздно утром этого дня. Она была передана правительству Нидерландской Ост-Индии и доставлена г-ном Куцом г-ну Гани в тот же день так скоро, как это было возможно. Определенно не было никакой задержки. Если же оказалась какая-либо задержка, то она произошла где-то в другом месте, но не по вине нидерландских чиновников.

Комиссия: Республиканская жалоба заключается, мне кажется, в том, что правительству Нидерландской Ост-Индии было известно, что г-н Гани не имеет связи с Джокьякартой, и поэтому доставка ему телеграммы была совершенно ненужной.

Нид. Индия: Мне очень жаль, что в этом случае г-н Гани не воспользовался своей секретной радиостанцией. Ему были предоставлены все возможности, но он отказался ими воспользоваться и заявил, что уже слишком поздно. Быть может, вы желаете иметь заявление в письменной форме?

[Комиссия отвечает утвердительно.]

Комиссия: Мы хотели бы знать, какие общие меры военного порядка были приняты, чтобы выполнить приказ о прекращении огня в соответствии с вашим определением. Мне кажется, вы о них уже упоминали.

Нид. Индия: 4 августа, в период полицейских операций, были уже достигнуты некоторые цели. Мы послали вам копии приказов, которые были отданы воинским частям, причем они были переведены на английский язык. Войскам было приказано оставаться на местах и не двигаться вперед, а затем мы должны были очистить от остатков сопротивления территорию, находившуюся за нашими линиями.

Комиссия: Вы должны были ее очистить от остатков сопротивления?

Нид. Индия: Конечно.

Комиссия: Относится ли это и к коммуникационным линиям?

Нид. Индия: Да.

Комиссия: Можно ли рассматривать эти операции как патрулирование?

Нид. Индия: У нас два вида патрулирования. Есть патрули, обеспечивающие наши передовые линии и демаркационные линии на один или два километра впереди поста или расположения, и имеются патрули, на которые возлагаются операции по ликвидации остатков сопротивления внутри занимаемой территории.

Комиссия: Считаете ли вы, что вам принадлежит исключительное право пользования дорогами, ведущими от ваших баз к передовым постам, и что всякое нападение на транспорты или патрули между базами и передовыми постами будет нарушением приказа о прекращении огня?

Нид. Индия: Да.

Комиссия: Вы так полагаете независимо от того, патрулируется ли и охраняется фактически данная дорога или нет?

Нид. Индия: Есть, я думаю, военное объяснение термина «оккупация». Когда оперируют, как мы здесь, отдельными небольшими передовыми отрядами, нельзя рассчитывать на полное очищение от противника данного района в тылу этих

отрядов, в то время как вы продолжаете, в порядке выполнения вашей стратегической задачи, свое продвижение вперед. Это приходится делать позднее в связи с обеспечением ваших коммуникационных линий. Мне кажется, мы наблюдали то же самое во время операций на тихоокеанском театре, а также во Франции и везде, — первая задача заключалась в достижении стратегических объектов. Войска захватывали много пунктов, но это не значило, что все мелкие селения и поселки должны были быть заняты наступающими войсками. Это делалось впоследствии для обеспечения безопасности коммуникационных линий. То же самое делали и мы в данном случае.

Комиссия: Вы считаете, таким образом, что нападения республиканцев на транспорты и патрули вдоль этих коммуникационных линий являются нарушением приказа о прекращении огня?

Нид. Индия: Да, конечно.

Комиссия: Считаете ли вы, что это относится также и к поперечным сообщениям между передовыми позициями? У вас могут быть два передовых отряда, между которыми будет поперечная дорога для связи: будете ли вы считать нарушением приказа о прекращении огня, если республиканцы атакуют ваши патрули, следующие вдоль поперечных дорог?

Нид. Индия: Да, сэр.

Комиссия: Насколько известно, есть республиканские отряды в пределах района, который, по вашему мнению, находится в ваших руках. Считаете ли вы, что эти республиканские отряды имеют также право на свободное сообщение с их собственной территорией?

Нид. Индия: Я считаю, что было бы лучше всего, если бы они ушли из этого района. Но я знаю, что это не отвечает обычаям войны. Согласно международному праву страна или территория считается оккупированной, когда оккупирующие ее силы могут послать свои войска в любое время в любой пункт на этой территории. Это положение относится и к данному случаю.

Комиссия: Вот в чем дело. Предположим, что за вашими линиями имеется какой-то республиканский отряд. Этот отряд получил приказ оставаться на месте и прекратить огонь, и при этом предполагается, что этот отряд имеет право получать продовольствие и другие запасы из своей собственной территории. Поэтому, если вы считаете нарушением приказа о прекращении огня нападение республиканцев на ваши коммуникационные линии, не будет ли таким же нарушением приказа о прекращении огня, если вы атакуете их коммуникации, даже когда последние проходят по территории, вами занимаемой?

Нид. Индия: Это было бы совершенно правильно, если бы в действительности этим отрядам был отдан приказ прекратить боевые действия, так как, если бы они спокойно стояли на месте, мы могли бы как-то с ними договориться. Но им приказано продолжать боевые действия и наступать, и в этом именно вся разница.

Комиссия: Не думаете ли вы, что ваши операции по ликвидации остатков противника могут быть истолкованы республиканцами как нарушение приказа о прекращении огня противной стороной, т. е. вами?

Нид. Индия: Я уверен в этом, так как нам известно, что республиканцы смотрят на этот вопрос именно так. Например, в районе Тасикмалайи и во многих других местах мы заняли некоторые пункты в полночь 4 августа, и когда 6 августа мы двинулись к Тасикмалайе, чтобы обеспечить за собой другой пункт, то республиканцы сочли это нарушением приказа о прекращении огня, так как мы не оставались на месте.

Комиссия: Наблюдается ли какое-либо сокращение числа нападений на патрули, или они продолжают, как и прежде?

Нид. Индия: Число их сократилось. Это объясняется операциями по очистке местности от остатков противника, которыми сопровождается патрулирование.

Комиссия: Вы не несете теперь таких больших потерь?

Нид. Индия: Нет, мы захватили в плен значительное число начальников банд.

Комиссия: Что касается морской блокады, была ли какая-нибудь разница в функционировании блокады до 20 июля и после этого числа?

Нид. Индия: По-моему, вообще никогда не существовало морской блокады. Мы не называли это морской блокадой и, кроме того, это даже не имеет с блокадой ничего общего. То, что мы делали, сводилось к контролю над ввозом в страну. Мы следили также за тем, что вывозилось из страны, чтобы не допускать вывоза продуктов плантаций. Мы не выходили из территориальных вод... Блокады, в международном смысле этого термина, не было, и вся военная операция имела для нас весьма малое значение. Вначале мы остановили все движение судов в известных оперативных районах, и в некоторых местах движение судов все еще остановлено. Это приблизительно все, что я могу сказать.

Комиссия: Никакой разницы с тем, что было до 20 июля?

Нид. Индия: Весьма незначительная. 20 июля мы остановили все судоходство в некоторых районах, и эти районы попрежнему остаются запрещенными зонами.

Комиссия: Какая была этому цель?

Нид. Индия: Прекратить ввоз всякого вооружения, — это было главной причиной, а также не допускать суда без надобности в этот район ради их же собственной безопасности. После приказа о прекращении огня или прекращении военных действий, когда мы увидели, что все идет попрежнему, мы решили, что лучше держать эти места под своим контролем.

Комиссия: Был ли Телокбетонг одним из этих мест?

Нид. Индия: Да, он был в числе этих мест. Но здесь кое-какое движение судов продолжается. Как вам известно, выдаются специальные разрешения. Мы всегда выдаем специальные разрешения, когда население нуждается в пище или в чем-либо другом.

Комиссия: Ввозилось ли особенно большое количество оружия через Зондский пролив?

Нид. Индия: Надеюсь, что мы прекратили этот ввоз. Мы запретили его, взяли его под контроль и прекратили его; я надеюсь, что мы прекратили всякий ввоз оружия вообще.

Комиссия: Вы указали на то, что действия были ограничены главным образом территориальными водами. Признаете ли вы *de facto* юрисдикцию Республики в отношении территориальных вод вдоль берегов, находящихся в руках республиканцев?

Нид. Индия: Никким образом, сэр. Мы признаем их *de facto* контроль только в тех частях островов, которые действительно находятся в их власти. У них никогда не было контроля территориальных вод. Во время перемирия о море не было даже упомянуто. После перемирия республиканцы никогда не заявляли даже претензии на какой-либо контроль или юрисдикцию в отношении территориальных вод.

Комиссия: Этот вопрос имеет некоторое значение с точки зрения нарушения приказа о прекращении огня, так как республиканцы утверждают, что нидерландские военные корабли подходили к берегам на расстояние менее трех миль и тем самым мешали движению судов, так как суда опасались выходить в море, что и приводило к нарушению приказа о прекращении огня.

Нид. Индия: По общему мнению, это явная бессмыслица, так как республиканцы никаких территориальных вод не имеют. Мы имеем полнейшее право идти, куда нам заблагорассудится. Республиканцы никогда на это не претендовали. Они никогда не упоминали об этом после перемирия.

Комиссия: Так значит с точки зрения международного права получается, что, по мнению правительства Нидерландской Ост-Индии, страна, получившая признание *de facto*, не имеет *de facto* контроля над своими территориальными водами?

Нид. Индия: Нет, это особый случай. Было признано, что *de facto* контроль осуществляется только там, где республиканцы фактически имеют власть. Они никогда не имели никакой власти в территориальных водах.

Комиссия: Относится ли это также к водам, находящимся непосредственно к югу от Джокьякарты?

Нид. Индия: Да.

Комиссия: Еще один вопрос. Указывалось на то, что Нидерланды блокируют занятую республиканцами часть Мадур и препятствуют ввозу пищевых продуктов. Можете ли вы сказать что-либо по этому вопросу?

Нид. Индия: Нет, там никакой блокады нет. Это в районе, запрещенном для судоходства. Если кто-либо желает войти или выйти и имеет уважительную причину, мы выдаем специальное разрешение. Экономическим департаментом отдано официальное и специальное распоряжение относительно судов, перевозящих рис и другие пищевые продукты из Восточной Явы на Мадур. Это специальное распоряжение подтверждено также и военно-морским флотом, так что все указанные суда могут свободно проходить.

Комиссия: Можете ли вы дать нам определение выражения «полицейские операции» и сообщить, что фактически произошло после 20 июля?

Нид. Индия: Да, с военной точки зрения цель наших операций заключалась, во-первых, в том, чтобы захватить запасы продовольствия, так как, как вам известно, продовольственный вопрос в стране стоял очень плохо и, несмотря на все

соглашения, мы не могли получить достаточных запасов для соответствующего распределения среди населения; во-вторых, нашей задачей было установление мира и порядка в тех районах, где у нас имелись запасы продовольствия, и на нескольких плантациях, которые находились в тех же районах, с тем чтобы положить конец политике разрушения, к применению которой было приступлено в мае вдоль всего нашего расположения, так как существовало опасение, что разрушение имущества в этих местах будет продолжаться несмотря на положение статьи XIV Лингаджатского соглашения. Несмотря на все наши предупреждения, как вы видите, они не желали отказаться от своей политики. Целью наших операций были: на Западной Яве — выход на линию от Тегала, на севере, до Баньюматильяп, на юге; на Средней Яве — овладение Тунтангом и Салатигой, для занятия водопроводных и электрических установок, имеющих жизненно важное значение для всей Средней Явы, так как мы сильно опасались, что они будут разрушены; и наконец — захват запасов пищевых продуктов на Восточной Яве (в восточной ее части), которая является наиболее важным рисовым районом в этой части острова. Те же цели руководили нами на нефтяных промыслах Палембанга и в Паданге, где надо было занять несколько большую площадь, так как положение там становилось невыносимым; в районе Медана мы хотели занять сельскохозяйственные участки и несколько плантаций, так как индонезийцы все сжигали и разрушали. Таковы были цели полицейских операций, которые были начаты 21 июля.

Комиссия: В таком случае, как вы определите эти операции? Как операции, направленные на прекращение разрушений и на восстановление законности и порядка? Можете ли определить их так?

Нид. Индия: Лучше формулировать это следующим образом: мы стремились занять экономически важные районы для охраны экономических объектов и, вообще говоря, пищевых продуктов. В статье XIV Лингаджатского соглашения говорится: «Правительство Республики признает претензии всех не-индонезийцев на восстановление их прав и на возвращение их имущества, поскольку эти права осуществляются и имущество находится или будет обнаружено на территории, где правительство Республики обладает *de facto* властью. Будет учреждена совместная комиссия для этого восстановления прав и возвращения имущества». [Часть фразы *невнятная*]... и сделать возможным улучшение экономического положения населения.

Комиссия: Таково будет ваше определение выражения «полицейская операция»?

Нид. Индия: Да.

Комиссия: Я хотел бы знать, в каких районах, согласно вашему определению, вы можете достать продукты питания для населения? Вы заняли все эти районы; являются ли они единственными, где производятся продукты питания?

Нид. Индия: Это главные районы.

Комиссия: Заняв эти районы, вы теперь будете в состоянии снабжать продовольствием население оккупированных районов?

Нид. Индия: Да.

Комиссия: Существует ли опасность, что запас продовольствия для населения неоккупированных районов окажется недостаточным?

Нид. Индия: Нет, я не думаю. Мне кажется, что г-н ван-Гоогстратен может дать вам лучший ответ, чем я.

[Г-н ван-Гоогстратен]: В начале будущего года, да. Потому что, как вы, господа, знаете, положение с продовольствием зависит от того, что главный урожай риса и других продуктов питания получается в течение мая, июня и июля, а затем наступает период недостатка в продовольствии, который называется *Patjeklik* и тянется с января по март. Но я доложу подробнее о положении с питанием позже, когда вы будете задавать мне вопросы относительно экономических условий.

Комиссия: Есть много обвинений со стороны республиканцев в отношении воздушных операций вообще.

Нид. Индия: Мы пользовались воздушными силами только для разведки и для поддержки действий наземных войск. Никаких бомбардировок не допускалось; мы ни разу не бомбардировали населенных районов. Мы не сбрасывали бомб ни на население, ни на республиканские войска; мы сбросили несколько бомб на железнодорожные линии, чтобы не дать угнать подвижной состав. Мы допустили две ошибки — в окрестностях Салатиги, где два истребителя обстреляли пулеметным огнем поезд, и то же самое случилось в Палембанге, где мы обстреляли несколько вагонов, и это все. Не было ни разрушения деревень, ни чего-либо подобного, и воздушным силам было запрещено сбрасывать бомбы на войска. Но в начальный период полицейских операций были уничтожены республиканские военные самолеты на посадочных площадках. Необходимость этого была доказана сброшенными с республиканского аэроплана бомбами на Семаранг.

Комиссия: Таким образом, вы не считаете воздушную разведку нарушением приказа о прекращении огня?

Нид. Индия: Я говорю о полицейских операциях; в то время не было приказа о прекращении огня.

Комиссия: Во время полицейских операций?

Нид. Индия: Нет, не было.

Комиссия: Предпринимала ли какие-либо действия авиация со времени приказа о прекращении огня?

Нид. Индия: Да.

Комиссия: Включая воздушную разведку?

Нид. Индия: Да, включая воздушную разведку.

Комиссия: Вы не считаете это нарушением приказа о прекращении огня?

Нид. Индия: Воздушная разведка производилась только в оккупированных районах.

Комиссия: Это необходимо ясно установить, так как есть обвинения. Вы не знаете о случаях воздушных разведок над республиканской территорией?

Нид. Индия: Я не знаю о них, но весьма возможно, что такие разведки производились. Когда

мы получаем сведения от нашей разведки, мы должны послать самолет, чтобы эти сведения проверить.

Комиссия: В таком случае возникает вопрос: считаете ли вы это нарушением приказа о прекращении огня?

Нид. Индия: Мы это делали, когда предвидели нарушение приказа о прекращении огня противной стороной. Я не могу сидеть и ждать, пока меня атакуют; я должен принять мои меры.

Комиссия: Нормально это должно было бы считаться не чем иным, как нарушением приказа о прекращении военных действий?

Нид. Индия: Согласен. Но когда мы перехватываем приказ республиканцев о том, что они собираются атаковать известный район, мы посылаем разведывательные самолеты. Никто в мире, я думаю, не стал бы жаловаться на то, что самолеты производят разведку.

Комиссия: Производится ли обстрел из пулеметов?

Нид. Индия: После приказа о прекращении огня, нет.

Комиссия: Были заявления, что в двух-трех случаях были сброшены парашютисты.

Нид. Индия: Я извиняюсь, сэр, у нас есть парашютисты, но официально — прошу вас не разглашать секрета — у нас нет парашютов, их не прислали во-время. Будьте добры сказать мне, где это было.

Комиссия: В Тасикмалайе.

Нид. Индия: Нет, так как мы пришли в Тасикмалайю со стороны Гарута. Мы действительно сбросили на парашютах продовольствие для своих частей, но не парашютистов.

Комиссия: Они могли увидеть спускавшиеся парашюты. Определенно утверждают, что спускались парашюты, но вероятно не знали, были ли там люди или что иное. Возникает ли вопрос о воздушной блокаде?

Нид. Индия: Нет, об этом нет речи. Когда нас предупреждают, что из Сингапура на республиканскую территорию летят гражданские аэропланы, например аэропланы Красного Креста, мы принимаем все необходимые меры для их безопасности.

Комиссия: А если предупреждения нет?

Нид. Индия: Во время полицейских операций республиканские аэропланы рисковали быть сбитыми.

Комиссия: Вплоть до настоящего времени? Разве республиканская территория подвержена блокаде?

Нид. Индия: Воздушная блокада республиканской территории в настоящее время? Два или три аэроплана прибыли из Сингапура с различными медикаментами.

Комиссия: Вы должны быть предупреждены о всех аэропланах, так как в противном случае они могут быть сбиты?

Нид. Индия: Да. Но помимо этого все аэропланы, пролетающие над территорией Нидерландской Индии, должны испрашивать разрешения и следовать тем правилам, которые установлены во Временном соглашении о международной гражданской авиации.

Комиссия: Можете ли вы сообщить, какие меры безопасности были приняты вами с самого начала полицейских операций в отношении населения этих территорий, включая иностранные общины, а также в отношении имущества включая имущество иностранцев?

Нид. Индия: Руководствуясь нашим опытом в отношении поведения республиканских частей, индонезийской национальной армии и иррегулярных банд, мы пытались обеспечить безопасность населения различных районов и деревень быстротой наших действий. Это было все, что мы могли сделать. Мы совершили несколько ошибок — одну в Бумияю и другую в Салатиге — тем, что наши войска сперва заняли их, а затем ушли, тогда как при теперешних обстоятельствах, если вы входите в какую-нибудь деревню, то вы должны там оставаться, ибо тотчас же после вашего ухода банды иррегулярных войск хватают и убивают жителей, обвиняя их в сотрудничестве с нидерландскими властями. Это случилось и в других местах, которые мы вначале занимали, так например в Салатиге. С другой стороны, мы посылали патрули для розыска людей, которые были уведены на республиканскую территорию. Мы сделали две ошибки в Бумияю и Салатиге.

Комиссия: Вы можете сказать, что в отношении районов, которые вы занимали возможно скорее, вы могли обеспечить безопасность населения. Относится ли это также и к имуществу?

Нид. Индия: В одинаковой мере. В китайских общинах мы пытались по возможности скорее создать китайские отряды безопасности для охраны жизни и имущества китайцев — так называемые Pau An Tui.

Комиссия: Можете ли вы нам об этом сказать несколько подробнее? Этот вопрос нас интересует. Эти отряды формировались из китайцев. Вооружали ли вы их?

Нид. Индия: Ввиду того что многие китайцы были убиты и уведены при полицейских операциях и впоследствии, китайцы просили нас что-нибудь сделать для охраны их селений и защиты их жизни и имущества нашими частями. Но очень трудно, конечно, иметь войска повсюду, так как таким образом вы дробите ваши части и растягиваете свои силы. Наше сотрудничество с китайскими отрядами безопасности вызывало необходимость предоставления им в мере возможного оружия, и мы обучили около шестидесяти человек в Тимахи, где они получили весьма элементарную трехнедельную подготовку, после чего мы послали их обратно в китайские отряды безопасности в качестве командиров подразделений. Необходимо иметь подготовленных руководителей для помощи населению. Без этого очень трудно. Есть несколько мест, где в настоящее время имеются подразделения этих китайских отрядов безопасности под командой этих обученных начальников, но они не принадлежат к составу нидерландской армии; они считаются полицейскими отрядами и находятся в распоряжении Resomba района.

Комиссия: Вы не считаете их частью нидерландских войск?

Нид. Индия: Нет.

Комиссия: Были ли эти отряды сформированы по просьбе китайцев или инициатива была ваша?

Нид. Индия: Нет, по просьбе китайцев.

Комиссия: Мне представляется установленным фактом, что в некоторых местах в отрядах безопасности принимают участие военнопленные.

Нид. Индия: Я об этом не знаю. Я думаю, что нет. Мне ничего не известно о китайских военнопленных. Вы упоминали относительно разведывательных полетов — у нас имеются также и гражданские аэропланы и быть может их принимали за истребителей или военные разведывательные самолеты. Они не имеют ничего общего с войной, но возможно, что иногда их считают имеющими отношение к военным действиям.

Комиссия: Летают ли они по определенным маршрутам, чтобы избегать полетов над республиканской территорией?

Нид. Индия: Они это делают, поскольку это возможно. Кстати о воздушных операциях — в начале полицейских операций мы уничтожили несколько республиканских самолетов. Мы сделали это потому, что они сбросили несколько бомб на Семаранг. Конечно, у нас не было воздушных боев. Ни один из них не был сбит нами в воздухе.

Комиссия: Из имеющихся данных ясно, что есть множество иррегулярных банд, которые можно назвать просто бандитами. Согласны ли вы с тем, что в интересах как Нидерландов, так и республиканцев, было бы желательно от этих банд отделаться?

Нид. Индия: Я вполне согласен с этим, сэр.

Комиссия: Думаете ли вы, что в этом отношении той и другой стороной что-то достигнуто?

Нид. Индия: К сожалению должен указать, что существует лишь весьма незначительная разница между иррегулярными бандами и частями индонезийской национальной армии. Эти банды иногда находятся в распоряжении индонезийской национальной армии. Иногда люди одеты в форму, а иногда ее снимают. Трудно в них разобраться.

Комиссия: Были указания на случаи, после отдачи приказа о прекращении огня, когда нидерландские войска атаковали какое-либо селение, не предупредив об этом гражданское население, чтобы оно могло эвакуироваться.

Нид. Индия: Что после приказа о прекращении огня мы атаковали некоторые селения, не предупредив гражданское население?

Комиссия: Да, в пределах занятых вами районов при ликвидации остатков сопротивления.

Нид. Индия: Да, при ликвидации остатков сопротивления, но мы никогда не обстреливали населенных пунктов артиллерией. В таких случаях мы открывали артиллерийский огонь по позициям противника, но не по самим селениям. Командирам отдан приказ остерегаться нанесения вреда населению, так как оно здесь не при чем.

Комиссия: Мне кажется, мы можем дать вам точные данные.

Нид. Индия: Им отдан приказ не причинять ничего дурного местному населению. Я произведу расследование.

Комиссия: Какова политика вашей оккупационной армии в отношении мер безопасности? Как только вы вступаете в какое-либо селение,

выставляете ли вы посты для охраны имущества, в том числе того, которое принадлежит иностранцам, или же вы охраняете только наиболее важные ключевые пункты города, чтобы предотвратить проникновение в город иррегулярных банд?

Нид. Индия: Наша общая политика в отношении иностранного имущества следующая. Невозможно иметь здесь, на Яве, вооруженную охрану на всех плантациях и на всех фабриках. Пришлось бы распылить всю армию, и толку никакого бы не было. Мы должны ограждать это имущество и эти плантации путем ликвидации иррегулярных банд и патрулирования данного района. В некоторых пунктах, имеющих важное значение, мы ставим целые подразделения. Мы просим владельцев имущества назначить как можно скорее собственную стражу; мы выдаем им оружие — пистолеты — для самозащиты, а вне пределов этого имущества операции по ликвидации всяких банд производят воинские части. Я не могу иметь по десяти человек на каждой фабрике и на каждой плантации.

Комиссия: На Суматре, вы думаете, это было бы легко... вся эта территория...

Нид. Индия: Положение на Суматре, мне кажется, в настоящее время лучше, чем в некоторых частях Западной Явы. С нами здесь комендант Медана. У нас попрежнему некоторые затруднения в районе Биндьея, так как там только что действовали силы Атьех, и в Парапате, где все еще оказывает сопротивление японский капитан Иноуэ.

Комиссия: Думаете ли вы, что вы сможете очистить этот район?

Нид. Индия: Да, я уверен в этом.

Комиссия: Можете ли вы указать предположительно, сколько потребуется на это времени?

Нид. Индия: Два месяца. Я попрежнему настаиваю на том, что одним из наиболее трудных вопросов является то, что я называю психологической войной. Поэтому я и говорю, что население находится между молотом и наковальней. Мы стараемся очистить район от остатков противника, а республиканское радио передает: «Бейте голландцев, старайтесь их убивать!» Это одна из трудностей, которые мы встречаем при ведении операций по ликвидации остатков сопротивления.

Комиссия: Пользовались ли вы когда-либо сепаратистскими движениями в какой-либо части страны для обеспечения защиты? На восточном побережье Суматры имеется так называемое движение Daerah Istimewa Sumatra Timor. Они организовали своего рода внутреннюю домашнюю охрану в этой части страны для самозащиты. Использовали ли вы их?

Нид. Индия: Да, в известной мере в качестве стражников. Послушайте, я уже вам говорил о том, что один из наших принципов заключался в том, чтобы все чиновники оставались на местах и все те начальствующие лица, кого мы называем *bestuur*, продолжали выполнять свои функции. Мы могли помогать им только при условии, чтобы они работали и выполняли свои обязанности. На восточном побережье Суматры от населения была получена следующая просьба: «Мы хотим вам помочь и не желаем допустить в нашу страну ни Атьех, ни яванцев. По-

можете нам, пожалуйста». Поэтому мы прилагаем все усилия к тому, чтобы иметь как можно больше индонезийских начальников полиции, с тем чтобы армия могла быть отведена и размещена в различных гарнизонах, где она находилась бы на тот случай, если мы не сможем улучшить положения. Основная политика генерал-губернатора заключается в том, чтобы сформировать в кратчайший срок из туземного населения полицию и войска безопасности.

Комиссия: Относительно гражданской администрации, может ли правительство Нидерландской Ост-Индии дать общую картину, относящуюся к изменению или ликвидации республиканской администрации, а также указать в общих чертах на степень сотрудничества или несотрудничества с вашими властями со стороны республиканцев?

Нид. Индия: Генерал Спур только что подчеркнул, что все, к чему мы стремились во время проведения полицейских операций, было то, чтобы найти весь административный аппарат нетронутым, так как, конечно, наша цель не заключалась в том, чтобы создавать заново нидерландскую гражданскую администрацию. Хотя после приказа из Джокьякарты многие лица отказались сотрудничать, мы все же не назначали нидерландских чиновников... в качестве постоянной меры. Напротив, даже там, где республиканские чиновники ушли или скрывались, наши гражданские служащие прилагали все усилия к тому, чтобы найти их, вернуть их назад, уговорить их вернуться к исполнению своих обязанностей и продолжать свою работу. Во время полицейских операций нашим людям были отданы особые распоряжения с разъяснением того, что они направляются в оккупированные районы только в консультативной роли, чтобы помочь населению, не для каких-либо административных изменений, а для помощи там, где это необходимо, для улучшения административного аппарата и, в конечном итоге, для создания отрядов безопасности, а не для замены прежних служащих.

Комиссия: Каковы же были, вообще говоря, фактические результаты?

Нид. Индия: Фактические результаты были таковы, что в некоторых местах администрация функционировала с перебоями, так как некоторые лица оставались на местах, а другие уходили, следуя республиканским распоряжениям об отказе в сотрудничестве с нами. До настоящего времени, я бы сказал, мы были, пожалуй, успешны в этом вопросе. После первых затруднений многие из старых гражданских служащих вернулись обратно, и общее впечатление таково, что положение улучшается.

Комиссия: Насколько я понимаю, вы в некоторых случаях приказали им оставаться?

Нид. Индия: И да и нет. Иногда они просили об этом. Это объясняется исключительно тем, что из Джокьякарты им было запрещено с нами сотрудничать. В некоторых случаях нам говорили: «Вы облегчите наше положение, если прикажете нам продолжать работу. Если вы нам отдадите такой приказ, это послужит нам извинением за несоблюдение приказа республиканцев». Что могли мы сделать при таких условиях?

Комиссия: Были ли какие-нибудь затруднения с выплатой жалованья этим людям? Говорилось

о том, что некоторые отказывались получить жалованье, предпочитая аванс.

Нид. Индия: Совершенно верно. Они соглашались получать жалованье лишь в форме аванса. Боялись, конечно. Помните о той пропаганде, которая велась в Джокьякарте против того, что они называли деньгами риса. Многие боялись получать вознаграждение в нашей законной валюте, в денежных знаках риса. При этом они говорили: «Мы считаем это авансом, чтобы не было недоразумений с другой стороной».

Комиссия: Упомянулся случай, когда один человек заявил нидерландским властям, что он в течение довольно продолжительного времени получал авансы от республиканцев в республиканских денежных знаках, что республиканские денежные знаки ничего не стоят и что он не может жить на них. Известно ли вам что-либо о подобных случаях?

Нид. Индия: Конечно, нет. Насколько мне известно, вполне возможно, что во многих местах был отдан во время полицейских операций общий приказ республиканцами о выдаче всем республиканским гражданским служащим двухмесячных авансов.

Комиссия: Могли ли они жить на этот аванс?

Нид. Индия: Конечно, нет. Я могу вам привести такой пример. В Палембанге я имел маленькую беседу с братом Хадьи Агус Салима, главой общественных работ в Палембанге, и он сообщил мне, что получает жалованье в размере 600 японских гульденов в месяц. Пять минут спустя он в разговоре упомянул, что одна банка риса стоила в то время 2 400 японских гульденов. Я счел невежливым спросить, где он доставал остальные деньги.

Комиссия: Какова ваша политика в подобных случаях? Выплачиваете ли вы этим людям какие-нибудь добавочные суммы из фондов правительства Нидерландской Ост-Индии, чтобы дать им возможность жить и работать?

Нид. Индия: Да, они получают полное жалованье, полагающееся по этой должности. Если они выполняют работу, они получают полное содержание.

Комиссия: Даже если им было уплачено республиканцами вперед?

Нид. Индия: Люди, которые у нас работают, получают полное жалованье.

Комиссия: Г-н ван-Моок в своей речи 30 августа заявил, что существующее республиканское правительство ведет страну к разрухе, и добавил, что путем полицейских операций должен быть положен конец власти этого правительства. Я констатирую, что 3 сентября республиканцы в радиопередаче из Джокьякарты сделали официальное заявление, в котором население оповещалось о том, что нидерландская администрация твердо решила уничтожить республиканскую администрацию. Ухудшилось ли положение в результате этих двух заявлений?

Нид. Индия: Они не имели особого значения. На местах попрежнему царит страх перед репрессалиями. На Западной Яве в настоящее время положение таково, что большинство республиканских чиновников с нами сотрудничает. Они остаются на местах там, где чувствуют себя в

безопасности, например в Сукабуми и в Пурвартаи, где почти 100 процентов всех гражданских служащих остались на своих постх. В Гаруте, с другой стороны, все чиновники были эвакуированы индонезийской национальной армией.

Комиссия: Был ли кто-либо из республиканских чиновников в занятых вами районах устранин от должности и отослан на республиканскую территорию из-за своих политических убеждений?

Нид. Индия: Да, в некоторых случаях. Эти чиновники подстрекали других к забастовкам или к нарушению закона, и так было поступлено с ними не из-за одних только политических убеждений. Только в небольшом числе случаев мы действительно переместили этих чиновников на другое место в оккупированной Западной Яве, например из Буйтензорга в Батавию.

Комиссия: Я хотел бы знать, может ли это быть основанием для перемещения?

Нид. Индия: Это больше не практикуется. В Бандунге и Тьярдыуре, например, мы ждали полтора года прибытия республиканских чиновников, которые были эвакуированы распоряжением Tentara Republik Indonesia¹⁰. Мы не можем держать должности вакантными. В течение этого времени мы должны были выполнять административную работу. В этих случаях я перемещал чиновников из новых территорий для заполнения вакансий.

Комиссия: Возвращаясь к военному вопросу, к линии ван-Моока. Мне кажется, что о демаркационной линии было объявлено 29 августа. Можете ли вы мне сказать, почему это было объявлено в этот день, а не ранее? Имелась ли какая-нибудь особая тому причина?

Нид. Индия: Было необходимо в то время дать точное начертание этой линии, ввиду того что республиканцы не признавали того, что эти районы находились в наших руках. Таким образом, г-н ван-Моок должен был объявить о том, что мы осуществляем власть в этих районах, что мы будем управлять ими и что в них не признается власть республиканцев.

Комиссия: Представляется, что прошло довольно много времени после приказа о прекращении огня и что у вас не было особой этому причины.

Нид. Индия: Демаркационная линия зависит от двух факторов — во-первых, от тактической обстановки на 4 августа и во-вторых — от административного деления территории. Мы должны были для проведения демаркационной линии пользоваться тактическими местными предметами и границами административных подразделений, в которых эти местные предметы находились.

Комиссия: По этому вопросу не было никакого обсуждения с республиканской стороной?

Нид. Индия: Нет.

Комиссия: Республиканское правительство сообщило 5 августа каблогаммой на имя Председателя Совета Безопасности Организации Объединенных Наций¹¹, что оно сомневается в воз-

можности проведения в жизнь приказа о прекращении огня, если не будет установлено демаркационной линии под наблюдением третьей стороны. Считало ли правительство Нидерландской Ост-Индии, что это сообщение вызывало необходимость принятия каких-то мер?

Нид. Индия: Мне кажется, что мы не приняли никаких мер в связи с этим сообщением.

Комиссия: Вы говорите, что не приняли к учету необходимости иметь демаркационную линию, приемлемую для обеих сторон, так чтобы приказ о прекращении огня мог быть выполнен легче?

Нид. Индия: Жаль, что демаркационная линия не могла быть установлена 4 августа, когда мы занимали пункты, находящиеся на настоящей демаркационной линии.

Комиссия: Я возвращаюсь к той же демаркационной линии. Происходили ли боевые действия между 5 августа, т. е. днем прекращения огня, и днем объявления об установлении демаркационной линии, за вашими линиями или вне этих линий?

Нид. Индия: За нашими линиями, сэр, так как мы прекратили военные действия в полночь 4 августа и не двинулись ни на шаг вперед после 4 августа.

Комиссия: Не были ли заняты некоторые города между 4 августа и установлением демаркационной линии?

Нид. Индия: Да, в нидерландских районах. Едва ли можно предполагать, чтобы к 4 августа все деревни и поселки могли быть заняты нидерландскими войсками.

Комиссия: Однако большие города [приводятся их названия] были заняты... до объявления нидерландскими властями о демаркационной линии. Как определить, что данный район находился по вашу сторону демаркационной линии, когда она не была еще начертана?

Нид. Индия: Разрешите показать вам карту Явы? Республиканцы прекрасно знали, где мы находимся. Демаркационная линия является той линией, которой мы достигли к 4 августа, и мы считали, что территория, находящаяся за ней, есть территория, оккупированная Нидерландами. После этого нам пришлось произвести операцию по ликвидации остатков противника и, в связи с этим, занять конечно несколько других пунктов. Такова обстановка. Но мы не заняли ни одного пункта вне линий, которые были достигнуты нами к 4 августа, и мне кажется, что г-н ван-Моок ясно указал в одном из своих радиосообщений вскоре после 4 августа, что операции по ликвидации остатков сопротивления являются военным делом Нидерландов и не могут рассматриваться как нарушение приказа о прекращении огня.

Комиссия: Таким образом линия существовала еще до того, как вы о ней объявили?

Нид. Индия: Она существовала и она не была изменена за период времени с 4 по 29 августа. Я могу вам доказать, что я дал г-ну ван-Мооку 5 или 6 августа перечень наших передовых постов и тех мест, которые мы должны были очистить от остатков противника.

Комиссия: Было ли заявление 29 августа вызвано до некоторой степени речью г-на Шарифудина относительно отказа от сотрудничества?

¹⁰ Индонезийская республиканская армия, впоследствии переименованная в Tentara Nasional Indonesia (Индонезийская национальная армия).

¹¹ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, второй год, № 72, стр. 1841 английского текста, примечание 1.

Нид. Индия: Да, это было одной из причин и фактически главной причиной. Тогда г-н ван-Моок заявил: «Имейте в виду, что мы считаем это районом, находящимся под властью Нидерландов, и вы должны сотрудничать в этом районе; иначе, вы должны взять в свои руки управление и поставить своих собственных людей».

Комиссия: Следующий вопрос относится к ответу, который только что вы дали относительно возможности восстановления законности и порядка в этих районах. Вы заявили, что это займет два или три месяца, но сделали оговорку, связанную с вопросом пропаганды.

Нид. Индия: Да, это потребует два-три месяца.

Комиссия: Теперь мы возвращаемся к тому же вопросу «прекращения военных действий» и «прекращения огня». Если эта пропаганда будет продолжаться, остается ли в силе этот период в два или три месяца?

Нид. Индия: Да, но будет больше потерь. Два или три месяца — от шести недель до двух месяцев.

Комиссия: Вы думаете, что это все-таки отнимет два или три месяца, но вызовет больше потерь?

Нид. Индия: Да, так как вы знаете, что я имею в виду относительно психологической войны при наличии приказов из Джокьякарты о том, чтобы не сотрудничать. Будет больше столкновений и больше потерь.

Комиссия: Находите ли вы восстановление законности и порядка на территории, находящейся в пределах линии ван-Моока, менее или более затруднительным, чем вы предполагали?

Нид. Индия: Как только нам удастся захватить или обезвредить вождей или начальников иррегулярных банд, затруднений особых нет, но пока мы не можем их взять, мы наталкиваемся — и это наш опыт, испытанный веками, — на те же знакомые нам трудности.

Комиссия: Мой вопрос заключался в том, натолкнулись ли вы на большие или меньшие трудности, чем ожидали.

Нид. Индия: В силу технических и политических причин мы не могли усилить наших операций по ликвидации остатков сопротивления в период между отдачей приказа о прекращении огня и серединой сентября, так как должны были держать наши войска в центральной части Явы, ибо не знали, как в конце концов сложится обстановка. Теперь, когда мы перебросили эти части, умиротворение идет весьма быстро. Но трудно сказать что-либо определенное, так как положение меняется изо дня в день. Мы можем... [часть фразы невнятна], и это зависит от военной обстановки. А затем из Джокьякарты по радио было сообщено, что г-н Шахрир вернулся обратно с международными полицейскими частями, чтобы взять в свои руки Пурвакарту и несколько других мест. Это далеко не облегчает наших операций по ликвидации остатков противника.

Комиссия: Много говорилось о республиканских войсках, и нам поэтому хотелось бы знать вашу точку зрения как командующего нидерландскими вооруженными силами.

Нид. Индия: Вначале мы имели дело с индонезийской республиканской армией, а затем с

индонезийской национальной армией. При наших переговорах с лордом Киллерном относительно перемирия, он спросил нас, в каком положении голландские и британские вооруженные силы. Это было около 10 или 12 октября 1946 года. Мы представили лорду Киллерну сведения относительно численного состава британских и голландских сил и к тому же мы знали точно их расположение. [Приводятся некоторые цифровые данные.] Тогда лорд Киллерн просил г-на Шахрира дать ему свои данные. Г-н Шахрир дал лорду Киллерну ведомость на листе бумаги... Первая дивизия в Батавии — 20 000 чел.; вторая дивизия — 20 000 чел. Он насчитал семь дивизий на Яве, каждую в составе 20 000 чел., и шесть дивизий по 10 000 чел. на Суматре — общим числом 200 000 бойцов. Мы спросили г-на Шахрира, включены ли в это число иррегулярные отряды. Он ответил, что нет; он не знал их силы, местонахождения и проч. Вы можете найти все это в протоколах конференции. После этого они попытались включить иррегулярные отряды в Индонезийскую республиканскую армию и создали Индонезийскую национальную армию. Все это проделывалось несмотря на соглашение о перемирии. Мы согласились сохранить показанную выше численность войск — у нас 91 000 или 92 000, у них 200 000 — и не увеличивать этой численности ни на той, ни на другой стороне. Каково действительное положение, я не знаю, так как это было в июне 1947 года, во время последнего совещания между г-ном Шахриром, г-ном Шарифуддином, г-ном ван-Мооком и мною самим, когда мы вновь обсуждали вопрос и представили им меморандум относительно увеличения здесь индонезийских и нидерландских вооруженных сил для целей обороны. Мы сообщили им данные о нидерландских и индонезийских полицейских силах, а они обещали прислать нам немедленно данные относительно своих частей. Это было в июне, и я все еще жду их цифровых данных, так что ничего не могу вам об этом сказать. Мое впечатление таково, что попрежнему есть очень сильные банды под республиканским командованием и что, с другой стороны, имеются иррегулярные отряды со своими командирами, которые воюют за свой собственный счет, причем весьма мало зависят от Джокьякарты. Положение главнокомандующего республиканскими силами и республиканских командиров весьма независимо, так как они в значительной мере переняли японскую систему. Главнокомандующий не ответствен перед военным министром, а непосредственно перед самим г-ном Сукарно — такая же система, как в Японии. Местные командиры, как Сутомо, делают, что хотят, и это, быть может, является отчасти ответом на ваш вопрос. С одной стороны, мы имеем приказы г-на Сукарно, с другой стороны — перехваченные приказы военных начальников. Они не совсем идентичны. Мне кажется, что и другие части не находятся в полном подчинении у Джокьякарты; многие отряды независимы. Индонезийские власти пытаются давать им инструкции, с тем чтобы обеспечить некоторую согласованность. Таково, мне кажется, общее положение.

Комиссия: Считаете ли вы, что степень контроля из центра, из Джокьякарты, увеличивается?

Нид. Индия: Я не могу на это ответить, так как не знаю. Если она увеличивается, то это, должен сказать, очень плохо этот контроль рекомендует, так как военные действия на всех наших фронтах ведутся по приказам из Джокьякарты.

Комиссия: У вас нет доказательств того, что этот контроль усиливается?

Нид. Индия: У нас нет сведений.

Комиссия: Мы запрашивали республиканские власти, не могут ли они что-нибудь предложить для уменьшения потерь и для лучшего соблюдения приказа о прекращении огня. Они указали на один вопрос, который готовы обсудить, а именно, чтобы обе стороны перестали применять артиллерийский огонь. Ввиду того, что существующее положение может продолжаться еще некоторое время, мы хотели бы знать, есть ли какие-либо предложения, которые мы, как Комиссия, могли бы внести для уменьшения потерь и лучшего соблюдения приказа о прекращении огня, пока политическая ситуация не станет более ясной.

Нид. Индия: У меня есть одно определенное предложение — прекратить боевые действия. Это — единственное пожелание.

Комиссия: Это невозможно, пока производится ликвидация остатков сопротивления. Есть ли какие-либо другие предложения, основанные на соображениях гуманности и могущие быть предметом обсуждения между вами и республиканскими представителями? Есть ли что-либо заслуживающее вашей рекомендации? Я знаю, что это чрезвычайно трудно, но мне кажется, что это вопрос, который мы должны поставить.

Нид. Индия: Прежде всего должна быть прекращена пропаганда, которая толкает население на борьбу и беспорядки; затем должны прекратиться бои и нападения иррегулярных отрядов; наконец, надо прекратить всякие боевые действия вне демаркационных линий. Других предложений у меня нет.

Комиссия: ...Нельзя ли было бы подписать своего рода перемирие... с демаркационной линией и военной зоной...?

Нид. Индия: Мы подписали своего рода соглашение о перемирии 14 октября, и за время между подписанием Лингаджатского соглашения и началом полицейских операций было более 1 000 случаев нарушения этого перемирия. Мы связали себя демаркационными линиями. С 25 марта по 21 июля было совершено более чем 1 000 нарушений перемирия.

Комиссия: За вашей демаркационной линией?

Нид. Индия: Некоторые за, так как мы связали себя этой линией, но в большинстве случаев это были атаки извне.

Комиссия: У вас не было столько потерь, как теперь?

Нид. Индия: Нет, только около сорока человек в месяц.

Комиссия: Если у вас имеется какое-либо предложение, которое вы хотите внести, я вполне уверен, что Комиссия приложит все усилия, чтобы сделать что-нибудь относительно этого предложения в порядке низшей инстанции. Мы вполне готовы обсудить это дело, но я сознаю, что это

весьма трудный вопрос и на него нельзя ответить, не обдумав его всесторонне. Все, что мы получили от той стороны, это предложение, во избежание напрасных жертв среди населения, не пользоваться артиллерийским огнем. Мне представляется, что, пока этот вопрос не будет окончательно разрешен, жертвы эти будут продолжаться. Общее впечатление Комиссии таково, что, пока вы не разрешите этого вопроса полностью или пока не прояснится политическое положение, обстановка останется той же. Было бы очень хорошо выяснить этот вопрос. Если будут внесены какие-либо заслуживающие внимания предложения, мы с большим удовольствием подвергнем их обсуждению.

[Между членами заседания завязывается вполне оживленная дискуссия по данному вопросу.]

Комиссия: Наблюдается ли ослабление яростной пропаганды со стороны республиканцев за последние несколько недель?

Нид. Индия: Нет, совершенно не наблюдается.

Комиссия: Пропганда попрежнему ведется с той же интенсивностью?

Нид. Индия: Да.

Комиссия: Возможно ли практически нанесение демаркационной линии на местности?

Нид. Индия: Я не сторонник идеи нанесения демаркационной линии на местности, так как приходится расставлять маленькие флажки, а затем переставлять их, причем под некоторыми из них оказывается мина-сюрприз, что влечет слишком большие потери. У них тоже есть карты, и если мы проведем линию на карте, то каждому известно, где она находится. Не забывайте того, что после перемирия 4 октября прошло несколько месяцев, пока нам удалось договориться относительно направления демаркационной линии. Наш представитель и г-н Иденбург приходили в известный район и туда же являлись республиканские чиновники и заявляли: «Наша линия проходит здесь. Мы здесь, значит вы не можете здесь находиться».

Комиссия: Я думаю, что мы можем оставить этот вопрос, как он есть. Мне кажется, что он может быть с большим успехом обсужден должностными лицами низшей инстанции.

Нид. Индия: Почему не удалить иррегулярных банд и не приказать тем из них, которые находятся за демаркационной линией, уйти оттуда и прекратить бои?

Комиссия: Это было бы очень трудно. Они не согласятся. Они определенно утверждают, что это их территория. Это было бы равносильно тому, чтобы просить противника отойти. Я думаю, что они не послушаются. Мы должны изыскать какую-нибудь чисто военную меру, которая могла бы в настоящее время способствовать сокращению потерь. Это — определенное задание, и было бы большим достижением, если бы можно было его выполнить.

Нид. Индия: Мое предложение заключается в том, чтобы отказаться от пользования минами и снайперами, равно как и не допускать грабежей.

Комиссия: Таким образом вы положите конец всем трудностям обстановки? ...если это возможно. Во всяком случае, стоит об этом подумать.

Нид. Индия: Предложение моего правительства заключается в том, чтобы создать индонезийские полицейские силы за демаркационной линией, притом возможно скорее. Мы предлагали сформировать голландско-индонезийскую жандармерию. Это было отклонено республиканцами. При наличии голландско-индонезийских полицейских сил или жандармерии не было бы этих беспорядков. Мы могли бы расположить свои воинские части по гарнизонам, и все пришло бы в норму.

Комиссия: Мы подходим к этому вопросу чересчур теоретически и несколько увлекаемся.

Нид. Индия: Это верно.

Комиссия: Следующий вопрос касается общего настроения индонезийцев, которое вы могли наблюдать во вновь занятых районах.

Нид. Индия: Чем больше они отдают себе отчет в предоставляемых нами безопасности и защите, тем больше они с нами сотрудничают. Мир и порядок заразительны. Они распространяются повсюду. Когда мы создадим какой-нибудь центр, где будут царить мир и порядок, этот центр расширится, как это было на Западной Яве. Но в середине следующего месяца я дам населению Западной Явы возможность встретиться с жителями других частей острова и обсудить политическое положение. Прошу верить, что я сделаю все от меня зависящее, чтобы в середине октября состоялось собрание населения Западной Явы для обсуждения его политических проблем. Но недостаточно одной только стороны, а должны быть представлены обе стороны, ибо необходимо сотрудничество в деле воссоздания и восстановления этой страны.

Комиссия: Не проявляется ли индонезийским населением значительная враждебность к голландцам, как таковым?

Нид. Индия: Нет. Я думаю, что г-н Фут может сообщить вам об этом. Он видел, насколько дружелюбно настроены к голландцам люди, только что эвакуированные с республиканской территории.

Комиссия: В значительном ли числе бежало население в том или другом направлении?

Нид. Индия: Они были эвакуированы индонезийской национальной армией в те места, куда, по расчетам национальной армии, не проникнут нидерландские войска и полиция.

Комиссия: Другими словами, перемещение населения вызывается главным образом боязнью военных действий?

Нид. Индия: Индонезийские власти боятся, чтобы те люди, которые остались на месте, не стали сотрудничать с нидерландскими властями. Они опасаются того, что республиканский дух недостаточно силен; иначе население осталось бы на своих местах. В Гаруте, например, из всего населения в 10-12 тысяч вернулось 200 человек. Если бы нам удалось задержать хотя бы 1 000 или 2 000 человек, остальные согласились бы вернуться.

Комиссия: Отсюда вытекает следующий вопрос: если бы в известный момент нидерландские войска ушли, думаете ли вы, что в этих районах начнутся репрессии и беспорядки?

Нид. Индии: Мы имели доказательство этому

в районе между Сумидангом и Херибоном. В заявлении из Джокьякарты население предупреждалось о том, что нидерландские войска не останутся.

Комиссия: Вы думаете, что многие перешли на республиканскую территорию, так как они [невнятная фраза]... японские денежные знаки [невнятная фраза]... 2 000 или 3 000 в японских денежных знаках... и они знали, что японские денежные знаки для них не годятся?

Нид. Индия: Это возможно, но не носит общего характера; быть может на Суматре.

Комиссия: Каковы настроения, которые вам приходится наблюдать среди индонезийского населения на вновь занятых территориях? Как чувствовали они себя в смысле отношений с республиканцами, когда вошли нидерландские войска? Приветствовали ли они нидерландские войска, дав последним тем самым возможность восстановить свои отношения с населением?

Нид. Индия: Мне известно положение только на западной части Явы. Мне кажется, что необходимо найти лучшее определение того, что подразумевается под термином «Республика», так как многие, находящиеся в *deesa* не знают даже о существовании Республики, а когда вы спрашиваете у кого-нибудь из жителей фамилию президента Республики, он и ее не знает. Я думаю, что это понятно, так как 90 процентов населения неграмотны; только верхние слои населения знают о существовании Республики.

Комиссия: Встречали ли они голландцев как освободителей?

Нид. Индия: Когда мы вступили на территорию Западной Явы, то первое время у населения был некоторый страх. Они не приветствовали голландцев как освободителей; они встречали голландцев как людей, которые освободят их от страха.

Комиссия: К чему относился этот страх?

Нид. Индия: К боязни банд, отсутствию безопасности и возможности репрессий. Не существовало свободы передвижения. Никакая торговля при республиканцах не была свободна от контроля вооруженных сил и иррегулярных банд; люди не могли продавать даже свой собственный рис.

Комиссия: Другими словами, вы считаете, что народ не приветствовал голландцев как таковых, а лишь как людей, которые могут поддерживать законность и порядок?

Нид. Индия: Да, так как простой народ может сравнивать положение вещей лучше, чем мы это предполагаем. Они видели правительство Нидерландской Ост-Индии до войны, затем японскую оккупацию, а после этого республиканское правительство.

Комиссия: Другими словами, в их отношении отсутствует политический фактор?

Нид. Индия: Абсолютно, среди масс его нет.

Комиссия: Они будут приветствовать всякого, кто придет, чтобы освободить их от чувства отсутствия безопасности?

Нид. Индия: Чтобы обеспечить им безопасность — да.

Комиссия: Не можете ли вы нам в общих чертах сообщить о том, что вы думаете о проведе-

нии республиканцами политики сожженной земли, о тех разрушениях, которые были причинены этим в тех районах, где этой политике следовали.

Нид. Индия: Могу ли я добавить несколько слов относительно настроений населения в оккупированных районах? Я хочу подчеркнуть, что по этому вопросу прибегают к различного рода шарлатанству. Мы перехватили и перевели сообщение, исходящее от информационной службы республиканцев. Они предлагают населению районов Пакамбару и Форт-де-Кок, чтобы, как только придут консула, население устроило демонстрацию и приняло решение, в котором заявило бы о том, что оно желает, чтобы голландские войска покинули Индонезию в кратчайший срок, и что оно не признает никакого другого правительства, кроме республиканского правительства. Я представляю вам перевод этого обращения.

Что касается политики сожженной земли, то вам известно, что до начала полицейских операций разрушение плантаций, деревьев и фабрик достигло ужасающей степени и что в планы республиканцев входило усилить применение этой политики до пределов возможного. Это началось в первых числах февраля 1947 года, когда Мохаммад Хатта основал *Sentral Organisasai Buruh Seluruh Indonesia (SOBSI)*¹², которая фактически является орудием республиканской пропаганды среди рабочих на Яве. Мохаммад Хатта произнес речь, в которой заявил, что возвращение плантаций иностранцам и голландцам в соответствии со статьей XIV Лингаджатского соглашения останется мертвой буквой, если рабочие сумеют организовать для саботирования плантаций и откажутся там работать. Это было началом. Как только нидерландские власти предпринимали какие-либо военные или полицейские меры, они начинали разрушения. С военной и академической точки зрения, их действия не подпадают под то, что принято называть политикой сожженной земли, так как это был просто разгром имущества. Они уничтожили средства к существованию своего собственного населения, например рис на корню. Мы видели данные им инструкции: они не хотели ничего оставить за собой. Они хотели создать насколько возможно тяжелое положение, чтобы потом сказать, что голландцы не могут справиться с положением, так как не в состоянии ни накормить население, ни обеспечить его безопасность.

Они также поощряли партизанскую деятельность, чтобы нидерландским властям нельзя было восстановить законность и порядок. Вот почему было разорено и разрушено столько имущества, плантаций и фабрик, а также уничтожено много собственности иностранцев и, в особенности, китайцев. Но это делалось не из принципа, так как если вы взглянете на восточное побережье Суматры, то увидите, что там разрушено не так много плантаций. Это объясняется тем, что владельцы плантаций платили индонезийской национальной армии, чтобы она не трогала их плантаций. Если вы поедете в Тасикмалайю, то увидите, значительную разницу между положением там и в других городах. В Тасикмалайе китайские кварталы не подверглись та-

ким разрушениям, так как китайцы уплатили 500 000 гульденов, чтобы сберечь свое имущество.

Это не вопрос политики или принципа, а это сводится просто к разрушению имущества и средств обороны и существования. Если вы следуете политике сожженной земли, как это делали русские во второй мировой войне и германцы в 1917 году в северной части Франции, то вы прежде всего эвакуируете все население в те места, где оно может быть накормлено и защищено; но вы не можете уничтожить средства к существованию, ибо это приведет к тому, что вам нечем будет кормить население. Так именно здесь и произошло. В Пангкаланбрандана мы отправили один из наших обычных дозоров на четыре или пять километров к северу от Медана, и это было причиной тому, что местный республиканский командир уничтожил нефтяные поля в Пангкаланбрандана, в 25 километрах расстояния.

Комиссия: Считаете ли вы, что политика сожженной земли имеет какое-либо военное значение?

Нид. Индия: Она имеет, конечно, некоторое военное значение, но если вы посмотрите кругом, то вы заметите, что было разрушено очень много мостов, хотя главные разрушения были причинены имуществу и плантациям. Всякий акт разрушения, когда вы готовитесь к движению, имеет военное значение. Когда в 1942 году мы отходили под натиском японцев, мы разрушали мосты и предприятия, имевшие важное значение, но мы не уничтожали никаких пищевых продуктов, которые были оставлены для питания населения. Мы разрушили некоторые фабрики и нефтеочистительные заводы, так как они имели весьма важное военное значение.

Комиссия: Продолжается ли это попрежнему?

Нид. Индия: Это продолжается попрежнему, когда у них имеется к этому возможность и когда их побуждают к этому из Джокьякарты.

Комиссия: Имеет ли эта деятельность попрежнему значительный характер?

Нид. Индия: Она уменьшается. В тех местах, куда вступают наши войска, мы можем предоставить населению и его имуществу некоторую защиту.

Комиссия: Нет больше того систематического разрушения, которое производилось республиканцами до 21 июля? Во что оцениваете вы разрушения, причиненные политикой сожженной земли, считая с указанной даты? Каково процентное отношение этих убытков к тому, что вы ожидали? Вы обнаружили, например, что большинство объектов, имеющих военное значение, разрушено?

Нид. Индия: Вы имеете в виду сумму в гульденах или в фунтах? Мы обнаружили лишь, что много рисовых мельниц было разрушено.

Комиссия: С другой стороны, важные мосты и объекты военного значения были оставлены нетронутыми?

Нид. Индия: Да, мы могли двигаться вперед с наибольшей возможной скоростью, так как ничего не было разрушено.

Комиссия: Каково было процентное отношение разрушенного к тому, что вы ожидали?

¹² Центральная рабочая организация Индонезии.

Нид. Индия: Оно было больше, чем мы ожидали. Мы не ожидали, что они дойдут до уничтожения пищевых продуктов, предназначенных для населения. Разрушение фабрик, плантаций, мостов и т. п. было начато еще до 21 июля.

Комиссия: Таким образом, то, что вы ожидали, что будет разрушено, не было разрушено и наоборот?

Нид. Индия: Да, вы до известной степени правы. Прежде всего, водопроводные сооружения и электрические станции на Западной и на Средней Яве были спасены, так как мы приняли быстрые меры, но невозможно занять так быстро каждую рисовую мельницу, плантацию или фабрику.

Комиссия: Вы считаете, что в данном случае был использован элемент внезапности?

Нид. Индия: Совершенно верно.

Комиссия: Прав ли я, что считаю роль элемента неожиданности весьма значительной в отношении сохранения в целости как военных, так и невоенных объектов при занятии этих районов?

Нид. Индия: Совершенно верно. Я хочу указать еще на одно обстоятельство в связи с обсуждением вопроса о политике сожженной земли. Мое впечатление, основанное на пропаганде Джокьякарты, таково, что республиканское правительство настаивало на сплошном уничтожении индонезийской национальной армии и рабочими всего решительно, и теперь их уже нельзя остановить. Джокьякарта не может теперь взять их в руки. Очевидно многие там все еще не прочь пограбить.

Комиссия: Мы хотели бы обсудить вопрос улучшения или ухудшения экономических условий во вновь занятых районах.

Нид. Индия: Можно много что сказать об экономических условиях в Нидерландской Ост-Индии до и после полицейских операций. Я постараюсь быть кратким и отметить лишь главное. Наиболее важное значение в экономических условиях Индонезии имеет продовольственный вопрос вообще и положение с рисом, в частности.

Чтобы понять вопрос снабжения рисом населения этой страны, вам необходимо твердо помнить несколько основных данных, а именно ряд общих цифр, основанных на многолетнем опыте до войны. Ява производит 4 миллиона тонн риса. Внешние провинции должны ввозить 300 000 тонн риса. Из этих 300 000 тонн Ява может обычно дать 200 000, и 100 000 тонн могут быть ввезены из других стран. Вообще говоря, нет никогда абсолютного равновесия между производством риса и его потреблением. Отклонение в ту или другую сторону на пять процентов нормально для урожая на Яве. До войны у нас никогда не возникало затруднений со снабжением продовольствием и рисом, так как в непосредственной близости от нас находятся три главные страны-производительницы риса: Бирма, Индокитай и Сиам. Таким образом, всегда, когда нам нужен был рис, мы могли купить его на мировом рынке.

После войны вся эта картина изменилась. С одной стороны, три вышеупомянутые страны не производят риса в том количестве, как до войны.

К тому же у нас ощущается большой недостаток в рисе. Весьма крупная нехватка риса наблюдается во всей Азии и на Дальнем Востоке и поэтому особенно важно, чтобы Ява могла снабжать максимальным количеством риса другие части Индонезии. Ява не такая страна, где рис может культивироваться повсюду. Есть районы, в которых имеется избыток, но есть также и большое число районов, где в рисе ощущается недостаток. Чтобы снабдить каждого в Яве достаточным количеством риса, требуется переброска риса на большие расстояния по всей стране на судах, поездах и автотягой. Это касается приблизительно одного миллиона тонн риса в год. Все это представляет собой весьма сложный механизм. Кроме того, как вам известно, рис нельзя есть сразу же, как он вырастет; его необходимо очистить на особых мельницах, которые в большинстве случаев принадлежат китайцам.

Когда мы ввели экономический контроль после окончания войны, мы оказались в весьма затруднительном положении из-за того, что главные районы, производящие рис на Яве, находились на территории Республики, которая в течение последних двух лет или не желала, или не могла экспортировать рис в другие части Индонезии или в другие страны. Мы вели переговоры по этому вопросу. В известный момент в курсе этих переговоров Республика объявила готовность экспортировать рис, начиная с 40 000 тонн, во все части Индонезии, о чем было заключено формальное соглашение под председательством британского генерала, командовавшего войсками (1)¹³. Только около 4 000 тонн было вообще доставлено в Батавию. С другой стороны, республиканское правительство неоднократно заявляло о том, что оно может доставить 700 000 тонн неочищенного риса или 400 000 тонн очищенного риса в Индию. Президент и премьер-министр Республики заявили, что это количество риса уже готово для доставки в Индию. Несмотря на то, что мы на это согласились, и несмотря на то, что правительство Индии назначило официальных представителей для содействия в этом вопросе, экспортировано было не больше 40 000 тонн. Таким образом, перед нами следующее затруднение: экономика этой страны не может функционировать без риса, и, хотя рис есть, он не может быть перевезен. То, что в настоящее время в наших руках находятся главные районы, производящие рис, имеет жизненное значение, и мы прилагаем все усилия к тому, чтобы все еще имеющийся в распоряжении рис мог быть направлен в те места, где в нем ощущается недостаток. Мы считаем, что по меньшей мере 50 000 тонн с Западной Явы и 100 000 с Восточной Явы могут быть вывезены как минимум, если мы добьемся успеха в своих попытках. Из этого видно, что это важно не только для Индонезии, но и для всей Азии, так как известное количество риса, которое мы получаем с Явы и в котором у нас нет нужды, может быть предоставлено Международным чрезвычайным советом по продовольствию другим странам.

Продовольственное положение в городах, находившихся в тесном окружении до полицейских операций, было особенно плохое, и цены чрезвычайны.

¹³ Ссылка относится к Приложению 1, в котором изложена дополнительная информация, представленная правительством Нидерландской Ост-Индии.

чайно высоки (2) ¹⁴. Результаты полицейских операций станут очевидны, если принять во внимание цифровые данные, которые говорят о том, что цены на рис на Западной Яве с начала полицейских операций понизились с 2 гульденов за литр до 50 центов; на Восточной Яве — с 3 гульденов до 45 центов; на Средней Яве — с 2 гульденов до 40 центов; на Восточной Суматре — с 6 гульденов до 2 гульденов; в Палембанге — с 5 гульденов до 90 центов; в Паданге — с 1,50 гульдена до 50 центов. Кроме того, индекс цен на продовольствие снизился в некоторых местах на Западной Яве. Официальные данные Статистического бюро Нидерландской Ост-Индии таковы: на Западной Яве с 2 600 в 1939 году до 1 550; на Средней Яве с 3 300 до 1 600; на Восточной Яве с 1 700 до 1 250; в Палембанге с 5 200 до 1 700; в Паданге с 3 300 до 1 650; в Медане с 6 500 до 1 750. Это означает, что цены на важные продукты питания снизились более чем на половину. Конец этой продовольственной блокады имел громадное значение для индонезийцев, китайцев и голландцев, проживающих за линией фронта.

Вторым существенным положением является то, что из-за контроля Республикой весьма важных районов законный экспорт продуктов в интересах этой страны сделался почти невозможным (3) ¹⁴. Основной причиной было то, что республиканцы хотели экспортировать имевшуюся продукцию плантаций в крупных масштабах, не пытаясь установить правил и положений относительно того, чтобы выручка в иностранной валюте поступала общине в целом или же владельцам. Мое правительство не могло допустить, чтобы значительные количества продукции плантаций вывозились из страны, без того чтобы часть выручки не поступала в руки законных владельцев. В ущерб стране производился в крупных масштабах незаконный экспорт местных продуктов и продукции плантаций, главным образом в Сингапур.

Статистические данные показывают, что страна получала только одну пятую стоимости этих продуктов на мировом рынке. Путем продажи вывезенных продуктов и путем обмена в Сингапуре закупались товары, которые привозились на Суматру и Яву и продавались в республиканских районах по весьма высоким ценам. Они привозились сюда и продавались по вздутым ценам, так как ощущался большой недостаток в текстиле и других товарах. Продукты покупались теми же торговцами в Сингапуре по мировым рыночным ценам, и таким образом четыре пятых весьма крупных сумм не попадали в руки Нидерландской Индии. По окончании полицейских операций мы установили нормальный порядок, путем которого можно было регулировать экспорт продуктов плантаций, и мы будем следить за тем, чтобы каждый, кто имеет права, связанные с этими продуктами, получал свою законную долю. Получение действительной стоимости за эти продукты плантаций имеет огромное значение для всего мира и для Нидерландской Индии.

Другое весьма важное обстоятельство заключается в том, что благосостояние этой страны в значительной степени зависит от вложенного в нее западного капитала и от плантаций, кото-

рые находятся под руководством голландцев, англичан и американцев. С самого начала послевоенного периода республиканцы противились возвращению плантаций иностранным владельцам, хотя в статье XIV Лингаджатского соглашения было указано, что все эти плантации и всякое другое имущество будут возвращены. Мы убедились, что добиться этого было очень трудно. Мое впечатление то, что находящиеся у власти республиканские лидеры на самом деле вовсе не желают, чтобы владельцы вернулись на плантации и возобновили управление ими. Я приведу вам один пример, который для меня имеет большое значение, так как это было сообщено мне одним англичанином. В Плереде имеется прядильная фабрика, принадлежащая наполовинных началах голландцам и англичанам. Англичане, которые управляют делами, имеют своим представителем некоего г-на Джонсона. После того как Лингаджатское соглашение было официально подписано, г-ну Джонсону было разрешено посетить эту прядильную фабрику. Его встретили там дружелюбно, и он спросил рабочих лидеров, желают ли они сотрудничать с голландцами и англичанами. Некоторые из них ответили «да». Г-н Джонсон сообщил мне, что впоследствии он обнаружил, что те из лидеров, которые выразили ему готовность сотрудничать, были сразу же после этого уведены в Маланг и так больше на фабрику и не вернулись. После этого г-н Джонсон вернулся в Батавию и вступил в переговоры с г-ном Гани относительно возвращения на фабрику управляющего. В бытность мою в Джокьякарте республиканские лидеры сообщили мне, что это был пробный случай, в котором республиканцы проявили свою готовность допустить обратно на фабрики иностранцев. Г-н Джонсон послал своего главного помощника обратно на фабрику, но его задержали в Маланге для заключения какого-то соглашения с местными рабочими лидерами. Он выработал проект соглашения и затем приехал с ним в Батавию для получения моего и г-на Гани согласия на этот текст. После того как проект соглашения был подписан, важная часть оборудования была вывезена с фабрики в другое место. Это показывает, насколько неохотно республиканские лидеры выполняли свои обещания. Вообще говоря, я сам после подписания Лингаджатского соглашения вел переговоры в течение двух месяцев с г-ном Гани о том, можем ли мы, хотя бы в некоторых районах, приступить к выполнению обещаний, содержащихся в статье XIV, и можем ли мы немедленно установить надлежащий порядок для обмена риса на имеющиеся текстильные изделия. Я убедился в том, что нельзя добиться каких-либо результатов из-за существующей политической ситуации. Мы не могли разрешить экономических вопросов, пока не было бы создано временное правительство, пока не были бы урегулированы все политические затруднения. Это было одной из причин, заставивших нас приступить к полицейским операциям.

Совершенно ясно, что Ява и другие части Республики нуждаются во многих вещах — в товарах для поощрения производства, в предметах фабричного и заводского оборудования и т. п. — из других частей света. Эти товары могут быть куплены только при наличии иностранной валюты. Но приобрести иностранную валюту невоз-

¹⁴ Там же.

можно. Вслед за окончанием полицейских операций мы ввезли на республиканскую территорию, находящуюся в наших руках, значительное количество текстиля, масел, керосина, копры, маргарина, муки, рыбы, соли, молока, мыла и др. У меня создалось впечатление, что республиканское правительство стремится внушить миру, что условия, существующие на республиканской территории, хороши. Лидеры этого правительства могут иметь в виду некоторые показательные места; это всегда возможно, так как условия на Яве весьма различны. Насколько мне известно, они никогда не показывали голландцам и иностранцам те места, где условия плохие. Например, нашим наиболее слабым пунктом до войны был Бодьонегоно. Мне никогда не пришлось видеть иностранца или голландца, который когда-либо там был. Мы знаем, что наиболее богатый район по рисовой продукции находится в Восточной Яве, где в этом году удалось собрать весьма значительное количество риса, но где почти все население разгуливает без всякой одежды, так как у них нет даже рисовых мешков, чтобы себя прикрыть. Мое личное впечатление, сложившееся в результате как частных бесед со многими республиканцами, так и официальных переговоров таково, что среди республиканских лидеров очень немногие обладают знаниями и опытом в экономической и финансовой областях. Те из них, которых я знаю и которым доверяю, либо отстранены, либо занимают места, где не имеют влияния. Всем заправляют те, кто ловки в политике и пропаганде. При переговорах меня поразило то обстоятельство, что республиканцы придают больше значения внешней стороне, нежели фактическому положению (4) ¹⁵. Например, министр пищевой продукции, по профессии врач, обещал мне, что он доставит, если его правительство согласится, 70 000 тонн риса в апреле или в мае из Восточной Явы. Он меня заверил, что рис имеется. Я спросил его: «можете ли вы доставить его к такому-то пункту?» На это последовал ответ: «Навряд ли». Когда я спросил, кто ведает вопросом перевозок риса, он назвал одного человека. Я спросил тогда, что этот человек знает о рисе, и мне ответили: «Только то, что рис можно есть». После этого я отправился к г-ну Гани и спросил, верно ли все это, на что он ответил: «Я не знаю». Каждому известно, что все операции, связанные с перевозкой большого количества риса, представляют собой весьма трудную задачу даже в нормальное время, а тем более теперь. Мы еще не достигли того, чего бы хотели, но так как эти районы находятся сейчас в наших руках и положение постепенно проясняется, несмотря на политику сожженной земли с ее ужасающими разрушениями, мне кажется, что мы продвигаемся вперед и отдаем себе отчет в возможности приступить к действительному восстановлению экономической жизни в Нидерландской Индии. Последняя является экономической единицей и не может быть разделена на две, три части или более. Ява и внешние провинции связаны друг с другом, и политическое деление приносит стране ущерб. Теперь, когда в наших руках значительно большая территория, теперь, когда мы достигли единства во внешних провинциях и на Яве и Суматре в такой мере, что мы действительно можем приступить к работе, огромное

значение имеет то обстоятельство, чтобы эта работа не прерывалась ни военными действиями, ни грабежами, ни саботажем, ни политикой сожженной земли и проч.

Комиссия: Вы указываете на крупный экспорт продукции плантаций, главным образом из Суматры, на основе обмена, что означает, что кто-то зарабатывал на этом огромные барыши. Были ли республиканцы в состоянии контролировать назначение этих барышей?

Инд. Индия: Мне известно только об одной попытке установления какого-то контроля местными республиканскими властями в Палембанге, где они с начала этого года или может быть несколько позже взяли в свои руки контроль над торговлей с Сингапуром.

Комиссия: Что произошло с вырученными деньгами?

Инд. Индия: Они в карманах у торговцев.

Комиссия: Даже после того, как республиканское правительство само взяло в свои руки торговлю?

Инд. Индия: Нет. С этого времени республиканское правительство должно было само получать вырученные суммы.

Комиссия: Когда оно взяло в свои руки эту торговлю, продавало ли оно товары по тем же вздутым ценам, как это делалось до этого торговцами?

Инд. Индия: Насколько мне известно, да.

Комиссия: Когда после 20 июля нидерландские войска заняли страну, велось ли земледелие нормальным порядком и жило ли население в нормальных условиях, если не считать недостатка в текстиле?

Инд. Индия: На это можно ответить: «да», но надо помнить, что общая картина сельскохозяйственных условий страны непосредственно перед тем, как было приступлено к полицейским операциям, в значительной мере отличалась от той, которая наблюдалась в январе, феврале и марте. Вообще говоря, в июне, июле и августе никогда не бывает никаких затруднений на Яве. Трудности возникают после этого периода (5) ¹⁶.

Комиссия: Но земледелие велось более или менее нормальным образом?

Инд. Индия: Да, но была сильно повреждена система орошения, а орошение, как вы знаете, имеет огромное значение для выращивания риса. Это получилось частью из-за отсутствия контроля, частью из-за бессистемной рубки лесов, которая производилась интенсивно при японцах, а затем при республиканцах. Наиболее серьезное уничтожение лесов было отчасти результатом того, что населению разрешили в некоторых районах вырубать деревья и устраивать рисовые поля, отчасти же объяснялось тем обстоятельством, что железные дороги жгли дрова вместо каменного угля. Это вызвало наводнения и нарушило циркуляцию воды по оросительным каналам (6) ¹⁶.

Комиссия: Таким образом, помимо основного преимущества, заключающегося, вообще говоря, в возврате к чему-то вроде организации общего экономического положения в Нидерландской Индии, вы утверждаете, что вы оказали населению

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

непосредственную помощь путем обеспечения текстилем и другими потребительскими товарами и путем улучшения системы орошения. Можете ли вы добавить к этому что-нибудь?

Нид. Индия: Доставка медикаментов; наши врачи неустанно трудятся для тех, которые голодают и находятся в госпиталях. Ввиду того что система распределения была совершенно не эффективной, было невозможно доставить продовольствие из тех районов, где оно изобиловало, в районы, где его совсем не было (7) ¹⁷.

Комиссия: Имеется еще один пункт, который, строго говоря, не входит в рамки этого вопроса. Мне трудно получить соответствующее разъяснение где-либо в другом месте. Можете ли сказать нам что-нибудь относительно организации денежного обращения в республиканских районах?

Нид. Индия: Постараюсь сделать это. После войны республиканское правительство сохранило японские денежные знаки. По истечении некоторого времени — мне кажется через год или около того — они перешли на свои собственные республиканские денежные знаки. Основной недостаток этих денежных знаков заключается в том, что они настолько плохо сделаны, что их легко подделывать, причем поддельные бумажки часто лучше настоящих. Мне кажется, хотя у меня и нет определенного доказательства, что республиканские власти выпустили 300 миллионов гульденов и что еще 200 или 300 миллионов циркулируют незаконно. Изготовление фальшивых денежных знаков видимо производится в больших масштабах.

Комиссия: Чем обеспечиваются денежные знаки? Ведь золотого запаса нет? Достаточны ли налоги?

Нид. Индия: По-моему, эти денежные знаки имеют политическую основу. Политическую ценность они все-таки представляют.

Комиссия. Принимаете ли вы эти денежные знаки?

Нид. Индия: Нет, но мы должны были облегчить положение населения и поэтому согласились на обмен, установив при этом определенный предел: двадцать республиканских гульденов за один гульден Нидерландской Ост-Индии (8) ¹⁷.

Комиссия: Находятся ли в обращении японские деньги?

Нид. Индия: В некоторых частях территории, для облегчения положения населения.

Комиссия: Считаете ли вы, что Республика в состоянии экспортировать рис за границу?

Нид. Индия: Республиканские лидеры утверждают, что они все еще могут посылать рис в Индию. Г-н Ламберт сообщил мне, что есть 5 000 тонн, готовых к отправке в частичное выполнение соглашения, заключенного с Индией (9) ¹⁷.

Комиссия: На республиканских территориях имеются некоторые запасы, — сахар, например, — в которых ощущается острая нужда во всем мире. Верно ли, что некоторые предварительные соглашения были заключены еще до полицейских операций для экспорта продукции плантаций и

для создания специального фонда, куда могли бы вноситься получаемые суммы?

Нид. Индия: Мы уже выработали правила для нашей территории, поскольку вопрос касается продукции плантаций.

Комиссия: Но никакого соглашения не заключено с Республикой относительно экспорта того, что может оказаться на республиканской территории?

Нид. Индия: Я целых два месяца старался достигнуть какого-либо соглашения, но все мои попытки оказались тщетными.

Комиссия: Делали ли вы какие-либо попытки недавно?

Нид. Индия: Нет, не со времени полицейских операций.

ДОБАВЛЕНИЕ 1 К ПРИЛОЖЕНИЮ VIII

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ВЛАСТЯМИ НИДЕРЛАНДСКОЙ ОСТ-ИНДИИ В СВЯЗИ С НЕКОТОРЫМИ ПОЛОЖЕНИЯМИ, КОТОРЫЕ ОБСУЖДАЛИСЬ НА КОНФЕРЕНЦИИ С КОНСУЛЬСКОЙ КОМИССИЕЙ 29 СЕНТЯБРЯ 1947 ГОДА

1 ¹⁸. При переговорах относительно урегулирования проблемы продовольствия, которые велись под председательством британского генерала, командовавшего войсками, республиканские лидеры обещали доставить 40 000 тонн риса правительству Нидерландской Ост-Индии и, кроме того, поставлять в виде месячной квоты около 12 000 тонн. Но эти поставки так и не были выполнены, и в Батавию было доставлено всего около 4 000 тонн риса.

С другой стороны, республиканское правительство неоднократно заявляло о том, что оно в состоянии доставить Индии 700 000 тонн неочищенного риса или 400 000 тонн очищенного.

Президент Республики и ее премьер-министр сделали несколько заявлений о том, что это огромное количество риса готово для доставки в Индию.

2. Кроме того, Индонезийская республиканская армия (Индонезийская национальная армия) повсюду блокировала находившиеся в руках Нидерландов районы и не давала никакой возможности ввозить рис и другие продукты питания в эти районы.

3. Вторым важным вопросом является положение на плантациях и экспорт продукции последних. При республиканском правлении экспорт продукции плантаций производился; республиканцы получали эту продукцию путем ограбления голландских и иностранных плантаций, куда не могли вернуться их законные владельцы. Этот экспорт, главным образом в Сингапур и в Малайский Союз, принял форму меновой торговли. Товары закупались в Сингапуре или в Малайском Союзе, привозились на Суматру и Яву и затем продавались в республиканских районах по весьма высоким ценам (вследствие их недостатка в этих районах), в то время как продук-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Номера соответствуют ссылкам в Приложении VIII.

ция плантаций выкачивалась из страны по весьма низким ценам. Таким образом страна постепенно беднела, так как рыночная стоимость ввозимых товаров приблизительно в пять раз превышала стоимость вывозимых товаров. Кроме того, валюта полученная путем такого ненормального экспорта, шла только в карманы некоторых ловких дельцов и не приносила пользы населению в целом.

Поэтому 28 января 1947 г. мое правительство ввело в силу правила, которые не представляют собой экономической блокады. Туземная продукция могла свободно вывозиться из республиканских районов, но продукция плантаций не должна была экспортироваться без предварительного разрешения правительства Нидерландской Ост-Индии. Этим было пресечено дальнейшее ограбление европейских плантаций, и в то же время правительство Нидерландской Ост-Индии имело возможность позаботиться о том, чтобы ввозилось достаточное количество товаров.

4. Если переговоры республиканцев шли как будто гладко, они были полностью удовлетворены, и никогда не предпринималось никакого обследования, чтобы выяснить, терпит ли нужду население. Это относится также и ко всему миру, так как, только если в Индонезии будет создан сильный центр экономического единства, будет возможно поставлять на мировой рынок в постоянно увеличивающемся количестве дефицитные товары, как нефть, чай, кофе, хинин, табак, каучук, сахар и др.

5. Сбор риса происходит каждый год в июне, июле и августе, причем в этот период не ощущается недостатка в продовольствии, и экономическая жизнь идет нормальным ходом. Но в трудные месяцы, каковыми являются январь, февраль и март (индонезийцы называют этот период *Patjeklik*), когда нет риса, всегда возникают затруднения.

6. Лес применялся на железных дорогах, которые пользуются не каменным углем, а дровами. Это уничтожение лесов привело к серьезным засухам, которые остановили функционирование оросительных каналов.

7. В системе распределения царили злоупотребления: товары не направлялись из районов, где имелись избытки, в те районы, где ощущался недостаток, а попадали исключительно в руки республиканских чиновников, а не нуждающихся масс.

8. Нет, мы не запрещаем пользоваться этими деньгами, но правительство Нидерландской Ост-Индии и его органы не принимают республиканских денежных знаков. Вскоре после полицейских операций, в связи с празднованием *Lebagan* (наиболее важный и торжественный мусульманский праздник), в нескольких районах индонезийцы просили нас помочь им приобрести товары путем обмена имеющихся у них республиканских денег. В порядке исключительной меры мое правительство разрешило затем органам Нидерландской Ост-Индии принимать республиканские деньги и продавать товары по курсу двадцать республиканских гульденов за один гульден Нидерландской Ост-Индии с установлением некоторой предельной суммы.

9. Г-н Ламберт сообщил мне, что по словам г-на Хатта на севере Суматры есть партия риса в 5 000 тонн, предназначенная для экспорта в частичное выполнение соглашения с Индией. По моему мнению, однако, это не более как политический маневр, так как север Суматры никогда не представлял собой района с изливом риса.

ДОБАВЛЕНИЕ 2 К ПРИЛОЖЕНИЮ VIII

ДОНЕСЕНИЕ ОБ ИНЦИДЕНТАХ, ЗАЧИТАННОЕ ГЕНЕРАЛОМ СПООРОМ

26 августа штаб VI дивизии (Кедири) донес командирам V и VII дивизий о нижеследующем:

«Донесение от 25 августа:

Сектор 2-VI дивизии: В 05.00 часов мы произвели артиллерийскую подготовку на участке Гемполкереп, Бандунг и Гебег. В 06.30 часов начато общее наступление на Бандунг; перестрелка продолжалась 12 минут».

Примечание: Гемполкереп, Бандунг и Гедек расположены к западу от Модьокерто, в 2 или 3 километрах позади прежней демаркационной линии.

21 августа командир III дивизии получил от командира части, находившейся в окрестностях Пекалонгана, сообщение следующего содержания: «Наши войска, расположенные вокруг Кедунгвуни (к югу от Пекалонгана) и готовые атаковать три неприятельских грузовика, сумели подстрелить 20 августа 6 чистокровных голландцев».

P.S. 2 сентября 17-й полк донес командиру III дивизии: «Во время атаки на Пекалонган и Кедунгвуни в 24.00 часа 25 августа убито 7 неприятельских солдат. Нами обстреляны дома китайцев. Убиты 4 человека из командного поста в Кедунгвуни. Сожжены 4 китайских дома, занятых голландцами».

20 августа генерал-лейтенант Урип Сумохардо отдал следующий приказ командирам I-VII дивизий: «Действия наших войск должны быть усилены, особенно ночью. Не ждите, пока голландские смутьяны опередят вас и захватят инициативу в свои руки. Смотрите, чтобы инициатива всегда была ваша».

По случаю празднования магометанского нового года, который совпал с празднованием второй годовщины декларации независимости Республики, генерал-майор «Бунг Томо» вновь произнес одну из своих знаменитых речей.

Пожелав всего наилучшего к Новому Году, Бунг Томо описал положение на оккупированных территориях, сказав, между прочим следующее: «Каждую ночь один или два голландца ликвидируются нашими братьями, которые отказываются подчиниться. Один за другим они отправляются прямо в ад. Ура, братцы! Не грешно было бы отправить туда еще нескольких!».

Указав на то, что, собственно говоря, Индонезийская Республика вместе с Организацией Объединенных Наций должны принять полицейские меры против голландских грабителей и бан-

дитов, Бунг Томо закончил свою речь следующими словами:

«Братья на оккупированных территориях! Когда голландцы будут спать, вы должны полить нефтью их дома, а затем поджечь их. Вы можете также просто перерезать им глотки. Это очень просто, значительно проще, чем зарезать цып-

ленка, ибо в последнем случае надо произнести молитву, в то время как этого не требуется, когда убиваешь голландцев.

Так вот, братцы, нет ничего проще, как сделать то, что я вам сказал. Сегодня день нашего Нового Года. Убивайте голландцев, берите в награду их одежду».

ПРИЛОЖЕНИЕ IX

Декларация от 29 августа 1947 года заместителя генерал-губернатора Нидерландской Ост-Индии¹⁹

Батавия
29 августа 1947 года

Ко времени окончания полицейских операций на Яве и Суматре, в полночь 4 августа 1947 г., территория, в пределах которой правительство Нидерландской Ост-Индии взяло на себя непосредственную ответственность за соблюдение законности и порядка, включала следующие районы:

I. Ява

А. Часть Западной и Средней Явы, ограниченная:

1. На севере — Яванским морем;
2. На западе — линией Крамат-Сепатан-Р. Пенгодокан-Дьятаке 1 - Бабакан 2 - К. Саби (все пункты включительно), западной границей округа Лювилианг регентства Буйтензорг (Богор), и западной границей регентства Сукабуми;
3. На юге — Индийским океаном;
4. На востоке — восточной границей округа Гомбонг регентства Кебумен, восточной границей регентства Пурбалинга, южной границей регентств Пекалонган и Кендаль, южной границей округов Амбарава и Салатига регентства Семаранг, включая окрестности Джубуга в округе Тенгарен регентства Семаранг, восточной границей округа Синген-Кидуль регентства Гробоган и округа Демак регентства Демак.

В. Часть Восточной Явы, ограниченная на западе северной и западной границами округа Грисе регентства Сурабая, западной границей округа Тьерме регентства Сурабая, западной границей регентства Модьокерто, включая окрестности Вагудагон регентства Дьомбанг, водоразделом между речными бассейнами К. Брантас и К. Конто (включительно), берущим свое начало от Г. Андьясморо и пересекающим Г. Виру-Г. Джерук-Г. Радьегеси-Г. Кедингтьянгкру-Г. Тьобангбтен к Г. Бутак, пересекая округ Пудьон регентства Маланг, южной границей округов Маланг и Тумпанг регентства Маланг, включая часть округов Кепандьен и Булулаванг регентства Маланг к линии Пакисадьи-Лулулаванг-Г. Буринг и западной границей регентства Лумадьянг.

II. Мадуро

Округа Бангкалан, Кабандьяр и Балига регентства Бангкалан и округа Тордьон, Бундер,

¹⁹ Regeerings Voorlichtings-Dienst (правительственная информационная служба) разрешила опубликовать эту декларацию в пятницу 29 августа 1947 г. в 8 ч. 45 м. вечера по яванскому времени.

Памекасан и Котасампанг регентства Памекасан.

III. Суматра

А. Северная Суматра

Резидентство восточного берега Суматры:

1. Территория между Б. Серанган и С. Асахан (включая обе реки);
2. Тандьонгпура, расположенная на северном берегу Б. Серанган, а также железнодорожная линия и дорога, соединяющая указанный город с районом, упомянутым в подпункте 1, с окрестностями этого города.

В. Средняя Суматра

Резидентство западного берега Суматры:

1. Подрайон Паданг района Зунд Бенеденланден;
2. Южная часть подрайона Париаман района Танахдатар, включая равнину Лубукалунг и Пасарусанг к югу от Б. Тапакис (включительно);
3. Сигунтур Муда и его окрестности в северной части подрайона Паинан района Зунд Бенеденланден;

С. Южная Суматра

Резидентство Палембанг:

1. Зона в районе Палембангсе Бенеденланден, включая: подрайон Оган-Хилир и Комаринг-Хилир, южную часть подрайона Муси-Хилер и Кубустрекен и Палембанг и Баньюасинстрекен, ограниченную на севере А. Баньюасин и А. Телюктенгуланг (обе включительно), на западе трубопроводом Келуанг-Карангрингин (на реке А. Муси) — Пенгабанг и через бассейн С. Керух от него к западу;

2. Подрайон Лематанг-Хулу и Лематанг-Хилир района Палембангсе Бовенланден;

3. Подрайон Оган-Хулу и территория подрайона Комеринг-Хулу к северу от железнодорожной линии и дороги Батурадья-Мартапура района Оган и Комеринг-Хулу (включительно).

Согласно принципам, на которых основывались полицейские операции, правительство Нидерландской Ост-Индии рассчитывало на то, чтобы различные республиканские должностные лица и официальные организации продолжали свою работу на этой территории под общей ответственностью названного правительства.

Но ввиду того, что теперешнее республиканское правительство в Джокьякарте настаивает на запрещении, под различными угрозами, своим должностным лицам выполнять эту работу и к тому же открыто и другими способами подстрекает их продолжать акты насилия, даже после того, как нидерландское правительство решило прекратить военные действия, правительство Нидерландской Индии объявляет:

а) что никакая власть нынешнего правительства Индонезийской Республики не может более признаваться на вышеуказанных территориях;

б) что, следовательно, жители этих территорий освобождаются от обязанности повиноваться указанному правительству и что всем запрещается выполнять распоряжения этого правительства;

с) что республиканские должностные лица на этих территориях могут продолжать свою работу по выполнению административных функций общего характера под руководством правительства Нидерландской Ост-Индии на применимых к такого рода службе условиях, согласно которым они будут оставлены на своей службе или будут восстановлены в своих должностях, за исключением случаев доказанной непригодности или неудовлетворительного поведения этих лиц. Что же касается должностных лиц, число которых превышает надобности службы, то будут приняты меры для предоставления им работы в другом месте;

д) что республиканские должностные лица, которые не желают продолжать свою работу на этих условиях, считаются освобожденными от своих должностей;

е) что подпадающие под пункт *д* должностные лица могут, если они этого желают или если они нарушают порядок, будь то непосредственно или косвенно, быть отправлены на республиканскую территорию;

ф) что путем энергичного восстановления и поддержания законности и порядка будет обеспечена прочная защита всех благонамеренных граждан и иностранцев всякой национальности от терроризма, практикуемого или поощряемого настоящим республиканским правительством, и что будут даны гарантии того, что в будущем они не окажутся жертвами какого-либо возмездия или наказания со стороны этого правительства.

Правительство Нидерландской Ост-Индии предлагает всем жителям и организациям, желающим участвовать в новом политическом режиме, присоединиться к нему на предмет плановой консультации с целью возможно скорого создания на вышеуказанных территориях политической организации, которая приступила бы к своей задаче в пределах принципов Лингаджатского соглашения и могла бы быть представлена в центральном временном правительстве, формирование которого предусматривается в ближайший срок.

В дальнейшем будут иметься в виду следующие цели:

а) полное восстановление законности и порядка, а также полное разоружение и расформирование всех вооруженных организаций, не признающих авторитет правительственных органов, существующих, признанных или подлежащих еще сформированию на указанных территориях;

б) обеспечение в спешном порядке сотрудничества между всеми частями Индонезии, где уже установлены законность и порядок, в целях дальнейшего политического переустройства, которое явится подготовкой к образованию Соединенных Штатов Индонезии;

с) обеспечение свободы верования и равенства религий перед правительством;

д) восстановление образования на основе эффективного общего обучения народа и продолжения высшего и технического образования, в каком будет приветствоваться искреннее сотрудничество политических и религиозных организаций, работающих в этой области;

е) быстрое восстановление денежной и экономической устойчивости путем всестороннего сотрудничества в соответствующих областях;

ф) быстрое восстановление транспорта путем применения всех имеющихся средств по части как личного состава, так и материальных средств;

г) восстановление прав всех тех, кто был лишен своей собственности или отстранен от промышленной или торговой деятельности, с учетом прав и интересов тех, кто добросовестно управлял этой собственностью или в чьем владении находились аналогичные виды индустрии и торговых предприятий;

h) систематическая забота о рабочих с той целью, чтобы каждый был обеспечен соответствующей работой, с учетом выявившейся со времени японской оккупации необходимости в срочной подготовке рабочей силы и ответственных руководителей из числа индонезийцев во всех областях;

и) урегулирование социальных отношений таким образом, чтобы не только создать согласие между нанимателями и рабочими и содействовать возможно большей общности их интересов, но и чтобы в политическую экономию вошло повседневное социальное попечение в сотрудничестве с признанными и предусмотренными организациями обеих групп;

j) систематическая перестройка среднего класса, именно индонезийского среднего класса, вместе с политическими и социальными организациями, в программе которых, в частности, фигурирует эта перестройка.

ПРИЛОЖЕНИЕ X

Официальное заявление Индонезийской Республики от 2 сентября 1947 года²⁰

1. В дополнение к заявлению, сделанному представителем нидерландского правительства в Батавии, в котором он очертил пределы осуществляемой голландцами власти в некоторых ме-

стах Явы, Суматры и Мадуры со времени начала военных действий, республиканское правительство имеет сделать следующее заявление.

2. Республиканское правительство категорически заявляет, что утверждение голландцев, что их войска окончательно и полностью оккупировали некоторые районы *de facto* республиканской территории, совершенно не соответствует действительности и умышленно создает неправильное впечатление относительно масштаба и

²⁰ Сделано через «Голос свободной Индонезии»

характера нидерландского проникновения в упомянутые районы Явы, Суматры и Мадур. Республиканское правительство утверждает, что до настоящего момента голландским войскам удалось занять только некоторое число городов и соединяющие их главные дороги, а также несколько отдельных населенных пунктов. Если и может быть речь о гражданской и военной власти, то это относится только к вышеупомянутым городам и пунктам вдоль коммуникационных линий, находящихся в руках голландцев. Районы, лежащие вне и за пределами этих городов и коммуникационных линий, никоим образом не находятся под властью Нидерландов, а фактически под полным контролем установленной республиканским правительством администрации, которую население этих районов признает как единственное законное правительство.

3. Ввиду этого республиканское правительство считает, что нидерландская декларация об определенных демаркационных линиях для районов, оккупированных нидерландскими войсками в пределах каковых районов нидерландское правительство претендует на то, что только оно несет полную ответственность за поддержание законности и порядка, фактически ставит своей целью:

а) расширение территории, уже оккупированной голландскими войсками;

б) расширение и укрепление нидерландского военного и политического контроля над захваченной территорией;

в) укрепление нидерландской гражданской администрации за счет существующей республи-

канской администрации и таким образом упразднение последней;

д) предпринятие постановления Совета Безопасности, которое должно быть вынесено в результате рассмотрения им этого вопроса;

е) создание окончательных военных, стратегических, экономических и политических условий, которые еще более ослабят и изолируют Республику.

4. Исходя из вышесказанного, республиканское правительство категорически заявляет, что оно не может принять и не примет одностороннего толкования голландцами этих так называемых «оккупированных районов» и демаркационных линий. Республиканское правительство всецело настаивает на своем мнении, что оккупация частей Явы, Суматры и Мадур является прямым результатом колониальной войны, предпринятой голландскими войсками против Республики.

5. Таким образом, единственной законной властью на *de facto* республиканской территории Явы, Суматры и Мадур остается власть республиканского правительства. Ввиду этого, те местные республиканские власти и граждане, которые в этих районах продолжают оставаться лояльными по отношению к Республике, имеют на это право, которое должно признаваться и уважаться всеми, и поэтому обязанностью республиканского правительства является продолжать нести свою ответственность в отношении тех, кто поддерживает дело Республики.

ПРИЛОЖЕНИЕ XI

Карта Явы

(Документ S/586/Add. 1)

24 октября 1947 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ XII

Карта Суматры

(Документ S/586/Add. 2)

24 октября 1947 г.